

ЛЮБОВЬ ВНЕЗЕМНАЯ



АННА БАТЛУК

# НЕВЕСТА ПО СЛУЖБЕ

## Annotation

Наследника Ригарийского престола хотят убить, и старшего сержанта Службы имперской безопасности Рэйю Адальстан просят выяснить, кем являются заговорщики. Но как подобраться близко к принцу и не выдать себя? Естественно, лучший способ – стать его невестой. Но сделать это можно только приняв участие в Отборе невест. Преступники, состязание и единственная в жизни любовь изменят и Рэйю и ее судьбу.

---

- [Анна Батлук](#)
    - 
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
    - [Глава 15](#)
    - [Глава 16](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

# **Анна Батлук**

## **Невеста по службе**

© А. Батлук, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

# Глава 1

От оглушающего звона будильника я подскочила и больно ударилась головой о полку. Давно следовало ее снять, но вот руки никак не доходили. Чертыхаясь и потирая макушку, вышла в коридор и, пересчитывая всеми частями тела по очереди имеющиеся в доме углы, направилась в ванную. Из соседней спальни тут же выглянул мой сосед.

– Рэя! Твой будильник опять меня разбудил!

– Заведи себе отдельную квартиру, – посоветовала я и скрылась за дверью.

Утром я всегда ненавижу весь мир, поэтому ворчание скорее дань привычке, нежели настоящее желание избавиться от соседа. С Ключером мы познакомились пять лет назад, столкнувшись в дверях очередной риелторской конторы. Причина нашего знакомства и совместного проживания объяснялась невозможностью снять квартиру в одиночку. Благообразная девица с длинными косами и в темном платье (смею заметить, единственная моя одежда в то время) приходилась по вкусу большинству арендодателей, но денег мне это никак не прибавляло, а платить натурой я тем более отказывалась наотрез. С Ключером же выходила обратная ситуация, и имеется в виду не торговля телом. Деньги у него водились, вот только пришельцы с других планет в нашей империи в принципе не пользовались доверием, так еще и двухметровый крокодил с каменной кожей откровенно пугал и ставил под вопрос возможность сохранения сдаваемого имущества. Вот так мы и пригодились друг другу – договор подписывала я, а арендную плату вносил он.

За пять лет многое изменилось. Например, я обрезала косы, обзавелась внушительным гардеробом и стабильной заработной платой. К тому же жители нашего района к грозному на вид пришельцу с планеты ЛошТан-Ага уже попривыкли, так что ничего не мешало нам разъехаться. Но новую квартиру ни он, ни я не искали. У меня банально отсутствовало время на поиски, а Ключеру явно было лень. Поэтому нам оставалось жить вместе, беззлобно переругиваясь по утрам.

Из ванной я вышла, закутавшись в полотенце и смотря на мир позитивнее. В целом начала склоняться к мысли, что есть в нем что-то положительное. Например, запах кофе. Клюгер с довольным выражением лица (которое я не могла понять, помня, что сейчас пять часов утра) крутился возле плиты, сооружая безразмерный бутерброд и попутно следя за варящимся в турке кофе.

– Я чего-то не знаю? – уточнила я, присаживаясь на стул в углу. Кухня у нас была маленькая: плита на две конфорки, три узких шкафчика, небольшой стол и два стула прижимались к стене и оставляли лишь небольшой проход, как правило, всецело занимаемый Клюгером. Иногда я благодарила Вселенную за то, что у него в отличие от обычных крокодилов отсутствует хвост, иначе нам бы пришлось выставить в коридор не только холодильник, но и большую часть и так немногочисленной мебели. Пожалуй, тогда бы в кухне возможно было оставить только стул.

– Еще бы, тебя же постоянно нет дома... О нет, он все-таки убежал! – Клюгер с досадой перелил горячий напиток в чашку и поставил передо мной. – Сегодня я иду на собеседование.

– Я уже в предвкушении, – хмыкнула я.

Правительство на протяжении пяти лет безуспешно пытается пристроить Клюгера на работу как инопланетного пришельца. Из миграционной службы ему раз в неделю стабильно звонят с вопросами о трудоустройстве и угрозами депортации из империи. И вот для того, чтобы успокоить настырных тетенок с противными голосами и букетом неврозоз (эй, это мнение Клюгера, сама я этих тетенок ни разу не встречала), он регулярно договаривается с фирмами о собеседовании, благополучно их проваливает и продолжает бездельничать дальше, зарабатывая на каких-то сайтах. Надеюсь, что сайты эти незапрещенные, иначе хорошим же правоохранителем я предстану перед своим начальством в случае, если все выяснится.

Но одними разговорами Клюгер не ограничивается. Особый трепет у него вызывает написание жалоб на дискриминацию инопланетных существ, которые он направляет в ту же самую миграционную службу, таким специфическим образом мстя тетенькам за собственное беспокойство и выбивая себе внушительные компенсации.

– Ты не представляешь, в каком предвкушении я, – признался Ключер и, устрояясь напротив меня за столом, одним движением забросил необъятный бутерброд в рот. Прожевав, сосед продолжил: – В этот раз я предстану перед ними отчаявшимся беженцем, до смерти желающим получить эту должность. И твой будильник пришелся как раз кстати – в шесть часов утра я от нетерпения выломаю им входную дверь.

– Не перестарайся. – Я расхохоталась, представив лица охраны, когда Ключер, скромно улыбаясь во всю свою крокодилью пасть, содержащую около семидесяти зубов, вломится в их офис. – Надеюсь, меня не вызовут на твое задержание.

– Думаю, после такого демарша миграционка от меня надолго отстанет. – Ключер перегнулся через стол, выхватил у меня чашку с остатками кофе и быстро опустошил ее. – Надо делиться.

– По-моему, ты и так слишком уж бодрый.

– Для моей сегодняшней роли бодрость должна прямо-таки зашкаливать. – Сосед вдруг посерьезнел. – Не понимаю, как ты можешь вставать так рано каждый день? Ты должна сказать своему начальству, что это ущемляет права! Твой график – это же форменное издевательство! Вот поэтому я и не желаю работать официально – из-за невозможности приходить на работу хотя бы к десяти часам.

– Чьи?

– Что чьи?

– Я спрашиваю: чьи права ущемляются?

– Да, черт возьми, например, мои!

– Только если так. – Я встала со стула и протиснулась мимо Ключера, занимающего до ужаса много места. – Советую обратиться в Межгалактический суд по защите прав существ с иных планет. По-моему, это как раз в их компетенции.

– Думаешь, подействует? – Как ни странно, к моему предложению сосед отнесся вполне серьезно.

Стараясь не смеяться, я утвердительно покачала головой:

– Смотри не опоздай на собеседование.

Когда я, уже облачившись в черную форму Службы имперской безопасности, заглянула в кухню, Ключер, высунув от усердия язык, вычерчивал что-то на криво оторванном листе бумаги. Черновики

своих жалоб сосед писал исключительно от руки и затем подшивал в отдельную папочку.

На планете Фрибрин, главной планете Ригарийской империи, занималось весеннее утро. Серое, неприятное, но уже пахнущее той самой настоящей весной, которая будоражит молодые сердца, заставляя совершать необдуманные поступки. Той самой весной, пробуждающей в пришельцах из Иделльской галактики первобытные инстинкты и превращающей их в жестоких насильников и убийц. Той самой, которая напоминает о детстве и заставляет мыслями возвращаться к путешествиям по лужам и стрельбе из деревяшек.

Радостные воспоминания из детства у меня отсутствовали, а со своими инстинктами удавалось справляться без особых проблем, поэтому, с грустью подумав о том, что работы теперь прибавится, я поплелась к мотоциклу.

Пришельцы из Иделльской галактики были головной болью для всех ригарийцев, а не только для правоохранителей. Высокие, мускулистые, покрытые жесткой щетиной, весной они вели себя как настоящие звери, исполняя только свои низменные желания: жрать, убивать и драться. На их планетах такое поведение было нормой – акт размножения происходил именно в это время года, но жертв обычно мало успокаивал тот факт, что их избрали в качестве инкубатора.

Я подошла к железному другу и удовлетворенно хмыкнула: вокруг была разбрызгана краска, а это значит, малолетние умельцы, покатавшиеся уже не на одном автомобиле нашего района, наконец-то потерпели фиаско. А если учесть, что по совету нашего технолога-разработчика в краску был добавлен сок фижевого цветка, действующего как сыворотка правды, то, чувствую, вредные подростки не скоро еще смогут развлечься подобным образом, ведь и на мотоциклы, и на сиденье автомобиля нужно садиться, а горящие от порки задницы этого не позволяют.

Если бы у меня имелось больше свободного времени, можно было бы вычислить угонщиков и, взяв с собой Ключера, сделать небольшое внушение. Но чего нет, того нет, придется уповать на гражданскую ответственность матерей.

В такую рань машин на дорогах почти не было, да и те, которые все-таки встречались, управлялись автопомощником, позволяя своим хозяевам счастливо досыпать жизненно необходимые минуты. На

мотоцикл такого помощника установить было нельзя, но владельцам автомобилей я нисколько не завидовала – ничто не радовало меня так, как ощущение под ногами ревущего, не до конца подчиняющегося мне металла. Меня никогда не прельщала роль пассажира, а управляя мотоциклом и вовсе искусственный интеллект, я бы, наверное, перешла на ролики.

Стоянка перед отделением СИБ<sup>[1]</sup> была наполовину занята – в основном автомобили принадлежали сотрудникам, еще не ушедшим с ночной смены. Я припарковалась и, сняв шлем, взглянула на часы. До начала рабочего дня оставалось пять минут, и опоздавшим вряд ли бы кто-то позавидовал. Ровно в шесть часов утра, и ни минутой позже, на свой пост у двери заступала Тритри Гайдина – тучная дама неопределенного возраста с тугими колечками кудряшек и пронзительным голосом. У нее были вечно покрасневшие глаза, подозреваю, от бессонницы, вызванной тяжелыми думами, как бы кого подставить, и покрытые сыпью щеки из-за круглогодичного злоупотребления клубникой.

Гайдину не любили. Не одному и даже не пятерым сотрудникам нашего отделения испортили жизнь ее писульки, облаченные в форму докладной записки, на столе капитана.

Я проскользнула мимо злобной вахтерши, с надеждой выглядывавшей из-за своего стола, и с намеком постучала по часам, демонстрируя, что не опоздала. Гайдина вздернула нос и недовольно отвернулась.

– Рэя, – окликнул меня стажер. Работал он у нас два дня, и имя его я еще не запомнила. Вполне возможно, что через неделю, после очередной облавы на гренадов, он с воплями покинет наш отдел и никогда больше не вернется, а если так, то засорять свою память бесполезными именами не стоит. – Тебя вызывал капитан. И еще, – невысокий паренек с тонким носом и едва пробивающимися под ним усиками приблизился и доверительно сообщил: – У него кто-то из начальства.

Я лихорадочно соображала, где успела проштрафиться. Капитан Оррах, имевший в своем роду пришельцев с Ангарры, был крупным мужчиной с ярко-зелеными глазами, с сердцевидным, как у лягушки, зрачком, жабрами и чешуей на висках и шее. Громовой голос и привычка в разговоре сжимать и разжимать тяжелые кулаки отлично

дополняли зловещую картину, и с непривычки капитана можно было серьезно испугаться. По правде сказать, именно поэтому большая часть стажеров отсеивалась уже на этапе собеседования.

Без особой нужды Оррах в своем кабинете никого не желал видеть, это и немудрено – в огороженной от общего зала комнате и без гостей было мало места. Так что измыслить причину, по которой меня вызвали, я не могла.

– Кто-то из начальства? – Эта мысль заставила меня еще больше волноваться. – Как ты это понял?

– Я в состоянии рассмотреть нашивки на форме, – обиделся стажер. – Двое мужчин, один из них точно майор, второй – не уверен, но, похоже, подполковник.

– Спасибо. – Находясь в крайнем беспокойстве, я прикусила ноготь на безымянном пальце. Глупая детская привычка, каждый раз возвращающаяся, когда я не в состоянии справиться со своими эмоциями.

– Тебя хотят уволить? – Стажер подобрался ближе, а я удивленно взглянула на него. – Чем ты их заинтересовала?

– А чем я могла их заинтересовать?

– Преступлением, – тут же отозвался стажер и кровожадно добавил: – Своим.

Я шагнула было к кабинету Орраха, но почему-то остановилась, вцепившись за возможность отсрочить неизбежное.

– Думаю, тогда бы за мной явились не майор под ручку с подполковником, а конвой.

– Смотря какое преступление. – Мысленно я поклялась никогда не выяснять имя этого стажера. По части сплетен паренек явно переплюнет вахтершу, а такие люди мне никогда не были интересны. – Терроризм, государственный переворот, шпионаж... А конвой может и за дверью подождать.

– Ты чересчур возбужден, – ядовито заметила я. – Смотри, подумают, что ты мой сообщник, и учти, я этого отрицать не буду.

Стажер так и замер с открытым ртом, как видно, огорошенный возможным обвинением в соучастии. Выбросив его из головы, я немного помялась перед дверью с криво висящей табличкой и, набрав в грудь побольше воздуха, постучала.

– Заходи, – рявкнул Оррах, и уже по одной его интонации я поняла, что дело плохо.

В маленьком кабинете, пропахшем сигарами и терпкими мужскими духами, царила мрачная атмосфера. За хлипким столом, не раз уже рушившимся от ударов тяжелых ручищ, сидел капитан, а напротив него, стоя, потому как единственный стул в комнате предназначался для зада горячо любимого мною шефа, застыли двое мужчин. Я с испугом скользнула по ним взглядом и поняла: стажер не ошибся, нашивки на черной форме и впрямь принадлежали майору и подполковнику. Я даже не могла заподозрить, зачем понадобилась высокопоставленному начальству, и потому затосковала. Осторожно взглянув на Орраха, поняла, что капитан слишком занят изобретением нового способа убийства – расчленением одним только взглядом, и благо, что подопытным кроликом оказалась не я.

– Добрый день. – Мое приветствие осталось без ответа – незнакомые мужчины с каким-то подозрительным воодушевлением меня рассматривали.

– Познакомьтесь. – Уперевшись ладонями в стол, Оррах привстал, отчего в кабинете будто стало еще меньше места. – Старший сержант Рэйя Адальстан. Рэйя, это...

– Благодарю. – Высокий мужчина с тонкими чертами лица, густой шевелюрой, уже посеребренной сединой, и с нашивками майора шагнул вперед. – Рэйя, мое имя Роил, моего спутника зовут Ингирих, и нам необходимо с тобой пообщаться.

Я удивленно уставилась на нашивки. Либо мужчины считают, что я не в состоянии понять, насколько они выше меня по званию, либо они настолько демократичны, что привыкли к простому обращению. Скорее, первое. Что ж, с предвзятым отношением к женщинам, работающим в СИБ, я сталкивалась каждый день, поэтому просто натянуто улыбнулась.

– Оррах, – обратился к шефу с явно выраженным превосходством в голосе подполковник по имени Ингирих, – можешь нас ненадолго оставить?

Капитану это не понравилось. Он с минуту, не моргая, смотрел на подполковника и, нисколько не тушуясь того, что ниже по званию, пророкотал:

– Это мой кабинет. И мой сержант.

От злости жаберные крышки на шее Орраха приподнимались в такт дыханию, а чешуйки топорщились, будто перья. На меня это впечатления уже не производило, зато мужчины наблюдали за этим с легкой брезгливостью и недоумением.

— Сержанту Адальстан ничего не грозит, — поспешил заверить Роил, нисколько не успокоив ни меня, ни тем более капитана. — У нас нет к ней претензий.

— Еще бы. — Оррах криво усмехнулся. — Будь они у вас, вы бы прислали кого-нибудь попроще, а не зависали в моем кабинете. И к тому же все вопросы точно решали бы через меня. Нет, судя по вашему доброжелательному тону, вы намерены моего сержанта во что-то втянуть. Мне это не нравится, я против!

— Капитан! — Ингирих надменно вздернул верхнюю губу. — Не забывайте. Мне самому не нравится лицезреть вашу малоприятную физиономию, но долг требует. Выйдите вон из кабинета или уже завтра подадите мне рапорт на стол.

Мгновение я была уверена, что Оррах его ударит. Даже если милovidный подполковник среднего возраста и владеет какой-нибудь техникой боя (в чем я лично очень сомневаюсь), увесистый кулак капитана явно лишил бы его надежды не только на победу, но и на ясность сознания. Но, как оказалось, в планы моего шефа драка не входила. Во всяком случае, пока. Капитан вышел из-за стола, заставляя нас прижаться к стене, чтобы освободить ему дорогу.

— Я уйду, вы правы — забываться не стоит. Но учтите. — Громадным, размером с добротную сардельку, пальцем Оррах помахал перед носом у Роила. Уверена, вздумай капитан нажать ему этим пальцем на нос, как на дверной звонок, выпуклостей на лице у майора стало бы гораздо меньше. — Если с моим сотрудником что-то случится, вы пожалеете.

— Ну, разумеется. — Мужчины почти синхронно насмешливо закатили глаза.

Оррах покинул кабинет, громко хлопнув дверью. Было слышно, как загрохотала, упав на плитку, табличка и как капитан выругался. Неизвестно, в адрес кого направлены были ругательства — цветистые эпитеты, применяемые Оррахом, можно было отнести как к высокопоставленным гостям, так и к злополучной табличке.

Роил обогнул стол и, одной рукой подняв тяжелый железный стул (деревянные капитана не выдерживали), поставил его передо мной:

– Присаживайтесь.

Видимо, от нервов мое правое колено странно дрожало. Даже при задержании преступников я так не волновалась, а от дружелюбного тона майора меня даже затошнило.

– Благодарю, – как можно безмятежнее ответила я. – Не стоило беспокоиться, я постою.

– Как знаете. – Роил отодвинул стул к стене. Железные ножки с противным скрежетом процарапали пол.

Ингирих приоткрыл тоненькую папочку, которую держал в руках, и абсолютно серьезно мне сказал:

– Итак, старший сержант Рэя Ададьстан, приступим.

Я перенесла вес с дрожащей ноги на пока еще неподвижную и кивнула. Папочка в руках подполковника очень смущала, надеюсь, бумажки в ней не написаны твердой рукой Гайдиной.

– Рэя, что вы знаете об императорской семье?

Какое отношение имеет ко мне император и тем более его родственники? Я растерянно моргнула и пожала плечами:

– Честно сказать, мои познания на эту тему ограничены имперским гимном. Слова об императоре и его семье там точно есть.

– Прискорбно. – Мужчины переглянулись. – Тогда вы не будете возражать против небольшого экскурса в историю?

Я не возражала даже против речи продолжительностью в час, лишь бы майор не заговаривал об увольнении. Даже не знаю, почему я вбила себе в голову именно этот вариант развития событий, наверное, так на меня повлияли непонятная агрессия Орраха и подозрительная папка.

– Я думаю, вы помните, что семья Ригарин воцарилась на престоле сто пятьдесят пять лет назад, объединив под своей властью две соседние планеты – Фрибрин и Ваоль, а также их спутники – Вассу, Рабиоль и Этельстат. Второй император империи Вилмар скончался десять лет назад, и регентом при малолетнем принце Максимилиане стал его дядя Виктор. Вы что-нибудь знаете о порядке вступления на престол?

Естественно, я ничего об этом не знала, что, впрочем, Роила ничуть не удивило. Ингирих отмалчивался, внимательно изучая

содержимое папки. Майор подмигнул мне и продолжил:

– Виктор остается регентом на ригарийском престоле до того момента, как Максимилиану исполнится двадцать пять лет (что произошло две недели назад) и пока он не женится.

– И насколько я знаю, принц еще не женился, – решила я вставить реплику.

– Именно так, – развеселился Роил. – Вот видите, кое-что о принце вам все-таки известно.

Не сказать, что меня интересовал холостяцкий статус наследника престола, но наш делопроизводитель Марисса уже довольно долгое время является его яркой поклонницей. Неудивительно, что весь отдел в курсе того, что принц неженат и, кроме того, любит полных женщин слегка за тридцать, желательно с пирсингом по всему телу и черными жесткими усиками над верхней губой. Иначе чем объяснить странную уверенность Мариссы в ее скором бурном романе с наследником.

– Кое-что, – скромно улыбнулась я. – Прошу вас, продолжайте.

– Жениться наследник может, только выбрав невесту в ходе специальной процедуры своеобразного кастинга девушек, который можно назвать отбором. Его учредил первый император, и хотя традицией два прошедших отбора пока назвать сложно, для Максимилиана никто не станет делать исключения. Итак, настала пора пояснить вам, для чего мы сюда явились. Признайтесь, этот вопрос вас очень интересует.

Я неопределенно мотнула головой и промолчала. Мое волнение уже достигло точки кипения: странное удушающее чувство мешало говорить и появилась настоятельная потребность присесть.

– Мы просим вас поучаствовать в отборе, – оторвался наконец от своей папки Ингирих.

– Это шутка? – глупо засмеялась я, но осеклась, когда поняла, что мужчины абсолютно серьезны. – Но с какой стати? Я этого принца видела пару раз, и то по телевизору!

– Это неважно, – скривился Ингирих, недовольный моей вспышкой, но я уже не могла держать себя в руках.

– Не знаю, для кого это может быть неважным, может быть, для моральных уродов? Это, конечно, маловероятно, но что, если я смогу пройти в этот кастинг или же вообще выиграю в нем? Я не собираюсь становиться императрицей! Я старший сержант СИБ и собираюсь им

оставаться... – Пришлось немного притормозить, задумавшись. – Нет, в будущем хотелось бы повышения, но не настолько!

– Мы гарантируем вам повышение, а также денежную компенсацию, – успел вставить реплику Роил. – Выслушайте нас!

Я присела на стул и помассировала виски:

– Слушаю.

– У нас есть подозрение, что на наследника готовится покушение. Кто, а главное, когда его осуществит, – неизвестно, но скорее всего в убийстве заинтересован кто-то из приближенных лиц.

– Кто-то, кому выгодно полноправное воцарение на престоле Виктора? Возможно, даже он сам? – уточнила я.

Ингирих недовольно посмотрел на меня и сквозь зубы сказал:

– Для того чтобы возвести это предположение в ранг утверждений, нам нужны доказательства. Но нашим сотрудникам закрыт вход во дворец.

– Ага, и вы хотите, чтобы я их отыскала? – у меня даже голос сел от возмущения. – Разве защита наследника не входит в обязанности личной императорской охраны? Обратитесь со своими данными к ним!

– Убийство наследника – это не просто смерть гражданина Ригарийской империи. Это преступление против безопасности государства! О какой компетенции личной охраны может идти речь?

– Ну тогда просто официально проведите расследование, пользуясь содействием императорской охраны. Зачем внедрять своего шпиона? Раз уж выясняется, что у вас есть повод посетить дворец, то почему бы им не воспользоваться?

Ингирих раздраженно закатил глаза:

– Рэя, вам же было сказано, что в заговорщиках люди, приближенные к принцу. Почему бы среди них не быть начальнику охраны? Особенно если вспомнить, что за последние полгода штат сотрудников этого ведомства уменьшили вдвое. Пока мы будем вежливо допрашивать персонал, принца убьют.

– Я об этом не знала, поэтому вспомнить не могу, – огрызнулась я. – Хорошо, раз охрана отпадает, так, может быть, доказательствами лучше заняться тому, кто доложил вам о готовящемся покушении?

Мужчины переглянулись. Казалось, между ними происходит безмолвный диалог.

– Информатор погиб, – наконец признался Ингирих. – При странных обстоятельствах.

Я вдруг резко захотела домой.

– Мне кажется, я не справлюсь, – сглотнув, криво улыбнулась я. – Почему бы вам не обратиться к... да хотя бы к Мариссе? Вы только намекайте ей, что этому Максимилиану опасность грозит, и будут вам и доказательства, и трупы преступников.

– Не переживайте, – постарался утешить меня Роил. – Мы поможем вам пройти этап собеседования. Во дворце, конечно, придется немного постараться, но девушке с вашей внешностью и знаниями не составит труда продержаться хотя бы пару этапов. Во всяком случае, пока не обнаружатся хотя бы минимальные доказательства.

– Знания? – удивленно моргнула я, а в груди заняло от неприятных предчувствий.

– Может быть, я не совсем правильно выразился. – Ингирих ухмыльнулся. – Вы отчего-то забыли указать некоторые подробности своего образования, но не учли того, что при приеме на работу в СИБ кандидаты очень тщательно проверяются, – подполковник опустил глаза в папочку. – Вы, сержант Адальстан, в совершенстве владеете языком ваольцев, играете на фортепиано, арфе и скрипке, долгое время серьезно занимались танцами, вокалом и брали уроки риторики. Вряд ли мы найдем кандидатуру, хотя бы вполовину подходящую для отбора так, как вы.

– И на флейте, – вздохнув, с тоской в голосе добавила я.

– Что?

– Еще я играю на флейте.

В памяти моей мелькнуло нахмуренное лицо матери, ее сурово поджатые губы и плоть в тонких пальцах. По ушам, резанув суровыми нотками, пронеслись ее слова: «Рэяя, флейта – это неинтеллигентно. Брось эту мерзость».

Я крепко зажмурилась и, громко напугав, по-моему, Ингириха, но, по сути, разговаривая не с ним и даже не с Роилом, а со своими воспоминаниями, опять повторила:

– Да! Я умею играть на флейте!

– Что ж, – Ингирих кашлянул в кулак, – тем более! Вы точно опередите всех кандидаток. И не сомневайтесь – в любой момент вы

сможете выйти из отбора, разумеется, если выполните свою задачу.

– А если мне будет грозить опасность?

Мужчины потупили глаза, и это было красноречивее любых слов.

– Не беспокойтесь. – Роил наклонился и обнял меня за плечи. – Сыграйте роль глупой восторженной девчушки – вы, кажется, еще и на курсы театрального мастерства ходили? Для вас будут открыты любые двери дворца, вряд ли, конечно, при вас будут обсуждать преступные планы, но обо всех случайных встречах и странных разговорах немедленно докладывайте нам. Мы сможем сложить из маленьких кусочков полный по информации пазл, и вы будете свободны. Отпуск, некая денежная сумма и повышение вам гарантированы. Считайте это своим спецзаданием.

Я с сомнением покачала головой:

– Вряд ли вы сможете это спецзадание оформить документально, так что мой отказ ничего за собой не повлечет. Я права?

– Возможно. – Ингирих опять открыл папку, а я с трудом подавила стойкое желание выхватить ее и сжечь. – А возможно, соответствующая дисциплинарная комиссия обратит внимание на несоответствие вашего, так сказать, специфического образования занимаемой должности. Очень редко работники СИБ имеют специальность «Инструментальное исполнительство». Да что там! Вообще никогда! И к тому же той же дисциплинарной комиссии следует озаботиться вопросом, как капитан Оррах принял вас на работу и не повлиял ли он на результаты проверок профпригодности.

Ах ты ж жук! Оррах и впрямь не имел права принимать меня на работу без обучения в Высшей школе безопасности, и он действительно надавил на некоторых членов кадровой службы. Мы встретились с капитаном в самый сложный момент моей жизни – я как раз сбежала от родителей и для того, чтобы скрыться от их тотального контроля, нуждалась в смене профессии. Останься я музыкантом, и мама, будучи заслуженной артисткой Ригарийской империи, вновь протянула бы свою излюбленную плетть в мою жизнь. Я не знаю, почему Оррах помог мне тогда, по сути, помогает и сейчас, но подставить его не имела права. Пришлось сладко улыбнуться и, встав, протянуть руку для рукопожатия.

– Я и не собиралась отказываться от такого заманчивого предложения. Так, просто поинтересовалась о вариантах развития

событий. Когда можно будет подать анкету?

Отпустили меня не сразу. Около часа снабжали бездной различных инструкций, принялись подсказывать, как мне стоит отвечать на собеседовании, отчего я заподозрила, что помогать мне проходить этот этап не собираются. Все это я перенесла со стоическим терпением. И когда, наконец подписав бумаги о неразглашении, покинула кабинет, обнаружила почти весь наш отдел в нетерпении стоящим у дверей. Орах стоял в толпе, возвышаясь над мелкими на его фоне подчиненными, а впереди всех, подозреваю, из-за любопытства пропустившая всех опоздавших, крутилась Гайдина.

– Ну что? – свистящим шепотом произнесла она, озвучивая вопрос всех сотрудников. – Уволили?

– Нет. – Я гордо подбоченилась, судорожно придумывая, что сказать. – По распоряжению руководства теперь в нашем отделе будут... я буду проводить уроки музыкального искусства. Всем известно, что музыка успокаивает, а с нашей нервной работой...

Толпа недовольно загудела. Сотрудников СИБ часто заставляли ходить на семинары, посвященные экономному расходованию патронов (даже был составлен график стрельбы), проводили тренинги по ласковому задержанию насильников (подозреваю, придумал его латентный маньяк), читали лекции о хрупкости внутреннего мира космических преступников и о необходимости душевного участия при применении мер процессуального принуждения. В общем, никого факт внедрения уроков музыки не удивил, но и, чего и следовало ожидать, не обрадовал. Гайдина во мне явно разочаровалась, окинула всех зорким взглядом и тыкнула в одного из сисадминов пальцем:

– По-моему, ты опоздал!

– Нет-нет, – оправдывался бледный и взъерошенный паренек. – Я пришел до шести, вы просто запамятовали.

Работники скоренько разбрелись, не успев выпытать у меня подробности. Тех, кто пришел вовремя и мог не страшиться внимания вахтерши, среди любопытствующих не оказалось. Только лишь Орах недоверчиво посмотрел на меня и хмыкнул, проходя мимо, но вопросы, по-видимому, решил задать начальству, все еще занимавшему его кабинет.

Отработать смену оказалось нелегким делом. Мысли мои вертелись вокруг предстоящего собеседования, а о цели его я

предпочитала даже не думать. Все больше и больше понимала, что было ошибкой назначать меня на столь ответственное задание, но вариантов избежать его не видела. Хорошо хоть преступники в этот день словно взяли выходной, и коллеги, заметив мое подавленное состояние, со всеми немногочисленными происшествиями справлялись без моего участия.

С трудом дождалась момента, когда можно будет сбежать домой, и на дороге вопреки обыкновению не вела себя прилично – хотелось гнать, выжимая из мотоцикла все, что в его внутренности заложили изготовители. Как я не разбилась в тот день, ума не приложу. Наверное, Вселенной было угодно, чтобы я все-таки попала на этот кастинг невест, другого объяснения такой необычайной везучести попросту не существует.

С грохотом захлопнув за собой дверь квартиры, прислонилась затылком к косяку и постаралась успокоиться, как вдруг услышала из кухни странный звук – непонятное и совершенно неопознанное мяуканье.

– Не поняла! – громко и очень воинственно произнесла я и, даже не разувшись, отправилась на поиски источника звука. В принципе я не против животных, но заводить кого-либо без моего ведома сосед не имел права. Пылая праведным гневом, зашла на кухню и вместо кота либо же другой инопланетной зверушки обнаружила рыдающего Ключера.

Огромные капли стекали по каменным складкам, огибая длинное вытянутое... назвать это носом язык не поворачивается. Сопли лились на рубашку, опережая слезы. Я в первый раз видела, чтобы Ключер плакал, и, честно сказать, не хотела бы видеть вовсе.

– Что случилось?! Тебя депортируют?! Ключер!

– Не-е-ет, – протянул сосед, высморкавшись в полотенце. Я решила не обращать на это внимания, все ж таки такой животрепещущий момент.

– А что тогда?! Штраф? Или что? Да не молчи ж ты!

– Меня на работу взяли, – всхлипывая, пробасил этот двухметровый крокодил. – Этот гад! Он мне жизнь испортил!

С трудом успокоив соседа, я смогла выяснить следующее. Как и намеревался, сосед в шесть утра явился к дверям офиса, пригласившего его на собеседование. Как и намеревался, выломал им

двери, а когда спешно прибыл вызванный охраной работодатель, рассказал ему заготовленную речь об огромном желании работать. Ключеру просто не повезло. Владелец офиса оказался пришелец с какой-то далекой планеты (длинное название которой мой сосед был не в состоянии запомнить), и в его инопланетной памяти все еще осталось воспоминание, как тяжело ему пришлось в Ригарийской империи вначале, а потому напускной энтузиазм Ключера он принял за искренний. С завтрашнего дня мой сосед начинал работать. И угадайте кем? Курьером. Не знаю, кому больше не повезло – Ключеру, отзывчивому работодателю либо же его клиентам. Не позавидуешь бедным старушкам, не привыкшим к путешественникам с иных планет, когда в глазок они увидят этакую морду.

– Эх, – грустно заметил Ключер, когда поток слез иссяк. – Надо было по старинке – разгильдяя играть. Творческая жилка меня сгубила.

## Глава 2

Ночь выдалась мучительно долгой. За стеной, сетуя на свою горькую судьбу, всхлипывал Ключер. Попытки пристыдить его и убедить в том, что ничего страшного не случилось, успехом не увенчались. Прибавим к шуму из-за стены собственные тягостные думы и страх перед участием в такой непредсказуемой и непродуманной операции, и со сном мы тепло попрощались.

Роил и Ингирих знали, на что давить, убеждая меня в необходимости участия в отборе. Уверена, они и с родителями встретились, дабы выяснить мои слабые стороны и степень неприятия бывшей профессии. Если бы я с легкостью могла вернуться к прошлому, угроза моего увольнения могла не сработать, вот только возвращаться я не собиралась.

Моя мать – заслуженная артистка Ригарийской империи. Долгое время она порхала по сцене, любимая мужчинами, любимая народом. Ее знали на многие галактики вокруг, на спектакли с ее участием раскупались билеты за год вперед, поклонники дарили дома, квартиры, автомобили... В общем, моя мать не сходила с вершины славы, пока... пока не родилась я. Чтобы никто не мог обвинить ее в неразборчивости связей, матери пришлось выйти замуж за одного из почитателей своего таланта. Она надеялась в будущем, сбросив ненужного ей ребенка на мужа, продолжить карьеру, но судьба распорядилась иначе.

Выбирая мужа по принципу «лишь бы согласился взять пузатую», мама не учла того факта, что поклонник женился, исходя из принципа «лишь бы богатая». Сразу после свадьбы он принялся люто проматывать теперь уже общие деньги, зачастую проигрывая их еще до того, как они оказывались в карманах. Избавиться от мужа не получалось, нанять няню тоже не представлялось возможным из-за долгов, поэтому в творчестве мамы случился вполне закономерный застой.

Через год, когда дела немного пришли в норму, мама попробовала вернуться на сцену, но там ее уже никто не ждал. Нет, на небольшие роли ее приглашали, например, она с блеском играла престарелых

горничных, но привыкшей к всеобщему обожанию женщине этого было мало. К тому же в личной жизни по-прежнему не везло – раскаявшийся муж вернулся в лоно семьи, но любви между родителями не было, они будто бы соседствовали в своем несчастье.

Стремясь отомстить жестокой судьбе, сбросившей ее с пьедестала, мама обратила свой взор на меня. С трех лет у меня были репетиторы, тренеры, учителя. Я одновременно изучала три языка, моей дикцией занимались лучшие логопеды империи (удивительно, но поиздержавшиеся родители на все это находили деньги), мать лично обучала меня игре на фортепиано и скрипке, каждый неправильный аккорд сопровождая ударом плети. Благо, что финансы не позволяли перевести меня на домашнее обучение и я не была лишена общения со сверстниками, хотя амбиции родительницы простирались и на это. В каждом новом занятии, будь то арфа, актерское мастерство либо же легкая атлетика, я видела желание матери доказать всей империи, что у нее все хорошо, а дочь, которую она люто ненавидит и унижает при каждом удобном случае, самая лучшая. Многочисленным знакомым на вопросы, чем она занимается в свободное время (люди просто не могли не напомнить о том, что времени у маменьки катастрофически много), она с придыханием отвечала: «Ни секунды свободной. Рэяя хочет все успеть, а я просто помогаю ей достичь желаемого». В такие моменты я улыбалась, безмолвно крича: «Поменьше внимания! Дайте мне хотя бы вздохнуть свободно!»

В моей жизни регламентировано было абсолютно все: что надевать, с кем дружить, на кого смотреть, какое произведение исполнять, куда поступать... Не стоит и говорить, что от парней меня старательно ограждали, боясь повторения судьбы матери. Не знаю, на что она надеялась, но в тот же день, как получила документ о совершеннолетию, я сбежала.

Сбежала, конечно, условно. Скорее – покинула отчий дом. Мама все время знала, где я нахожусь, – не зря в ее любовниках ходили значительные люди империи, но пока я не обратилась к ней за помощью и вновь не попала в кабалу, то могла считать себя свободной. А у матери не исчезал повод называть меня неблагодарной дрянью. Представляю, как она будет довольна, когда узнает о моем участии в отборе. Полагаю, для нее это станет наилучшим выражением того, что так долго она пыталась в меня вложить.

Мой измученный волнениями и воспоминаниями организм уснул только под утро, победив сознание в неравной схватке. Стоит ли удивляться, что после пробуждения в зеркале отразилась бледная немочь с воспаленными глазами и помятым лицом. Спешащий на работу Клюгер кофе меня не порадовал, поэтому смотреть на мир с позитивом причин не было.

Простояв под холодным душем минут пятнадцать, я с грехом пополам проснулась, нанесла легкий макияж и долго провозилась в шкафу, выбирая, что надеть. Черная форма СИБ, почти ставшая для меня второй кожей, явно не подходила для кастинга невест, поэтому свой выбор я остановила на зеленом шерстяном платье с длинными рукавами и воротом – упрощать Ингириху задачу и выглядеть соблазнительно не собиралась точно. Все ж таки мне было обещано содействие хотя бы на начальном этапе.

Ожидая такси, я поймала себя на мысли, что отчаянно волнуюсь. В последний раз чувствовать себя настолько неуверенно мне пришлось на отчетном концерте музыкального колледжа. И так как ни колледж, ни ощущение липкого страха мне не нравились, я вздернула нос и всю дорогу до места назначения просидела с максимально выпрямленной спиной и стиснутыми от злого упрямства зубами. Еще чего не хватало! Это простое задание, такое, как, например, розыск преступника, и нечего нервничать по поводу того, понравлюсь ли я кому-то или нет.

Собеседование проходило в центре города, в здании, называемом Обителью литературы, в котором обычно заседало Общество литераторов Ригарийской империи. Занималось оно по большей части критикой начинающих авторов и восхвалением трудов, написанных его членами, но по распоряжению регента Обществу пришлось уйти на вынужденные каникулы для того, чтобы ненадолго уступить свой кров для проведения первого этапа отбора невест для принца.

До места назначения было около получаса езды. Начинала я свой путь с окраины, где располагались новые жилые кварталы. В этом районе всегда было чисто и уютно: мамочки всех рас прогуливались по дорожкам со своими чадами, среди которых попадались и крокодилы (не удивлюсь, если Клюгер к их появлению приложил руку, и не только руку), карлики с планеты Ниршефтсхутта, нимфы из далекой галактики Межмирья... Деревья и кусты, семена которых

завозили со всех дружественных планет, создавали ощущение нереальности окружения, и, даже проезжая по дороге, казалось, путешествуешь в чудесном саду. Именно в этом районе предлагали квартиры зажиточным приезжим, и именно этот район демонстрировали регенту, когда ему приходило в голову проверить, как расходуется бюджет.

Желая избежать пробок, я попросила автопомощника проехать через соседний район с пафосным названием Клайфсбет, или, как его называли коренные жители Ригарийской империи, Поганка. В Поганке проживали настоящие отбросы общества, те, чьи ноги не раз ступали по плитам сибовского центрального отделения, а задницы не раз сиживали на тюремных нарах. Несмотря на по-весеннему светлое утро, в этом районе, казалось, хмурится солнце – настолько он был засаленный, неопрятный и вместе с тем будто бы безучастный к своей неряшливости. Ветхие дома, снести которые нужно было много лет назад, дорога в выбоинах и странные личности, провожающие мое такси мутными взглядами. Этот район старались спрятать от чужих взглядов, про него будто бы старались забыть и правительство, и сами люди, живущие в нем. Лишь работники СИБ регулярно посещали Поганку, да и то по службе или объезжая пробки, как и я сейчас.

Я почти не удивилась, когда на капот автомобиля упал булыжник размером с человеческую голову. Как видно, умудренные опытом жители Поганки давно выяснили, что обычный камень усиленное стекло такси не разобьет, и решили действовать другим путем, применяя снаряд побольше. Автопомощник, согласно своей программе, разглядел в камне преграду и машину остановил. Следовало выйти из автомобиля и убрать с капота смущающий робота камень, и я вздохнула, понимая, что на это и рассчитывают злоумышленники.

Не далее как позавчера я принимала жалобы от добропорядочных граждан, случайно заехавших на улицы Поганки и, как следствие, позднее писавших в отделении СИБ заявление, будучи одетыми в одни трусы. Это еще они на странно гуманных «поганцев» нарвались.

Я вышла из машины, и тут же передо мной вырос худощавый паренек с бегающими глазами навывкате и грязными руками, сложенными на груди. Странно, по показаниям потерпевших, в разбое принимали участие сплошь инопланетяне. Логика в этом была – без

должной сноровки опознавать пришельца очень сложно. Но сейчас передо мной стоял, расхлябанно что-то пережевывая, чистокровный человек.

– Какая краля, – с издевкой протянул он, в улыбке обнажая гнилые зубы. – Познакомимся, а?

Я привалилась спиной к машине и, подражая пареньку, сложила руки на груди:

– А мы разве не знакомы, Чехор, а? Неделю назад очень тесно с тобой общались, – и, помолчав, добавила: – Припоминаешь, Варан Чехорандон?

Чехор застыл с приоткрытым ртом. Парня заметно удивил тот факт, что незнакомая девица не только знает его настоящее имя, а не кличку, так еще и не демонстрирует страха. Я видела, как отделяется от зубов и падает отслюнявленный комок травы. Брезгливо ткнула его носком туфельки и резюмировала:

– Неужели гармала? Чехор, так ты же мне клялся-божился, что дурь тебе подкинули!

В затуманенных глазах парня мелькнуло узнавание, и он так быстро прикрыл рот, что зубы клацнули.

– Сержант... э-э-э, а как вы тут? То есть можете гулять где хотите, но все же. – Чехор окинул взглядом мое платье и понятливо кивнул: – Проездом, значит, не по работе.

– Думала покататься, а, оказывается, служба и на час не прекращается, – усмехнулась я. – Ну что, угрожать оружием, деньги забирать будешь? Так же вы, кажется, приезжих разводите? У меня заявлений на вашу шайку штук пять лежит.

– Да как можно. – Чехор развел чуть дрожащие руки в стороны (дрожат они из-за зависимости, а не по причине волнения). Я отлично понимала, что таким движением подельникам подавался какой-то условный знак, вот только знать бы какой. Осторожно повернула голову, но никого не обнаружила. – Я смотрю: злобные дети камень на такси бросили, подошел убрать, а тут и вы зачем-то из машины выскочили, да сразу Чехорандон, да какие-то заявления... А наркоту мне и впрямь подкинули. И жевал я обычный подорожник, а за это не сажают.

– Подорожник? А если экспертизу провести?

– Вы ж не на службе, сержант. – Чехор грустно, как-то даже с сочувствием вздохнул. – Так что пока своих вызовете, пока криминалисты приедут, травинка-то полевая сгнить успеет. Неужели без протокола с земли соскребать будете? Так я не в ответе, кто там что набросал.

– Камень убрать хотел? – Я с трудом скрыла улыбку, удивляясь предприимчивости «поганца». Вызвать бы дежурный отряд, вот только мы оба знаем, что, кроме жевания травы, ему ничего предъявить нельзя, а значит, сейчас не стоит разводить суету. – Так убирай!

С услужливой улыбкой Чехор взял камень с капота и быстрым движением забросил его в кусты. Может быть, мне показалось, но послышался сдавленный стон.

Машина тут же зажужжала. Я холодно кивнула Чехору и села на заднее сиденье, но парень не дал мне закрыть дверь, придержал ее и наклонился вперед:

– Сержант Ададьстан, я бы не советовал вам по нашему району разгуливать хоть в форме, хоть без нее.

– Угрожаешь? – без тени улыбки спросила я.

Чехор раздраженно постучал пальцами по стеклу.

– Я вас предупреждаю. Вы же недавно одного из пунитов задержали... имен не называю, думаю, сами понимаете, о ком идет речь. Его отпустили под залог, и он во всеуслышание заявил о том, что вас найдет. Так что навстречу неприятностям стремиться не нужно.

Пуниты – холодные человекообразные с голубой, склизкой на ощупь кожей. И в самых лучших их представителях приятного мало, а в Плисе Хопсвуде, которого я недавно арестовала, и вовсе отсутствует хотя бы искра гуманности. Он насильник с открытым счетом погибших жертв. Долгое время пуниту удавалось ускользнуть от правосудия, но в конце концов мы поймали его на живца. Причем в роли жертвы выступила я. Так что мстительное желание Плиса закончить начатое я понимала, но по понятным причинам одобрить не могла.

– Что за приступ человеколюбия, Чехор?

– Это вас не касается, сержант. Специально бы не подошел, а тут, видишь, судьба подтолкнула. Ваше дело – верить мне или нет, но я свою совесть успокоил, хоть вы скорее всего и сомневаетесь в ее существовании.

– Под протокол подтвердишь?

Чехор медленно отпустил дверь и отсалютовал мне рукой:

– Хорошего пути, девушка. Не задерживайтесь допоздна – на улицах нынче беспокойно.

Я с сожалением покачала головой. На положительный ответ Чехора рассчитывать не приходилось, но насколько бы проще стало жить, откажись преступники от своей «корпоративной» этики. И насколько сложнее.

– Спасибо, Варан. Но поблажек все равно не жди.

Чехор закатил глаза и поднял вверх ладони, демонстрируя, что ни на что и не надеялся.

Не сказать, что меня испугало неожиданное предостережение, но повод задуматься, безусловно, появился. Главным образом мысли мои занимали предположения о том, кто внес залог за подозреваемого в неоднократном совершении особо тяжких преступлений и куда в таком случае смотрел прокурор. Преследуя Хопсвуда, мы исходили из принципа, что маньяки действуют в одиночку, но выясняется, что за пунитом стоит кто-то достаточно богатый и влиятельный. Возможно, это какой-то добрый родственник, а может быть, что, помимо изнасилований и убийств девушек, за Плисом числятся еще какие-то преступные деяния и покровитель опасается, что они перестанут быть тайной.

Я нахмурилась, понимая, что сейчас не время размышлять о Хопсвуде. Первоочередной задачей сейчас был кастинг невест. Если все пройдет успешно, пуниту во дворце меня не достать, а своими предположениями смогу поделиться с коллегой, которому передадут дело Хопсвуда.

Без происшествий мы достигли центральной части города. Каменные белые здания, острыми шпилями крыш устремлявшиеся вверх, строгие, лаконичные клумбы с обязательными рекламными щитами в центре, на которых сияли яркие плакаты с изображением пейзажей империи либо с портретом регента. Некоторые из них уже пообтрепались, но сменять их не торопились, понимая, что при скорой смене власти это нерационально. Возможно, уже через месяц портреты будут вешать совсем иные.

В Центральном районе города сосредоточились почти все головные государственные органы империи. Это место всегда было

своеобразным прибежищем трусливых политиков. На въезде в этот район располагались сибовские кордоны, якобы призванные защищать исторический центр города от террористов, а на деле не допускающие разгуливать большей части жителей Поганки на глазах у чиновников, имеющих настолько тонкую душевную организацию, что вид оборванцев повергал их в пучину стресса.

Узнав, где будет проходить собеседование, я решила, что было бы логичнее проводить этапы отбора во дворце либо же в его парковой зоне, но теперь, останавливая такси за два квартала до Обители литературы, понимала организаторов – улицы были заполнены разряженными и напoмаженными девицами возрастом от восемнадцати до двадцати трех лет (именно такие границы установил Максимилиан). Когда я вышла из машины и принялась продираться сквозь толпу, мое обоняние накрыло чудовищное амбре из смеси всех существующих видов духов. Так как многих девиц сопровождали матери, количество возможных источников запаха увеличивалось вдвое.

Спустя полчаса я наконец добралась до Обители. Надо мной возвышалось внушительное здание с широкими окнами, украшенными цветочным орнаментом и колоннами, предназначение которых состояло не в действительном поддержании свода, а в декорировании фасада. На крыльце стояла небольшая стойка, и возле нее с измученным видом застыл молодой стройный мужчина в сером костюме и галстуке. Новоприбывшим девушкам он выдавал номерки. Я отстояла очередь и получила маленькую пластину с цифрами 1481.

– Простите... – Я наклонилась к бейджу мужчины, дабы выяснить имя. – Билиян, я так понимаю, моя очередь наступит ой как не скоро. Можно ли мне отлучиться, скажем, на полдня?

Билиян, раньше явно работавший с литераторами Обители, взглянул на меня крайне изумленно.

– Девушка, но, если вы пропустите свою очередь, придется брать номер заново.

Меня это не пугало, о чем я прямо ему и сообщила. Мужчина вконец растерялся. Позади меня уже собралась орда страждущих получить номер, под которым они ворвутся в императорскую семью, но Билиян не мог так просто допустить потери для принца хотя бы одной потенциальной невесты.

– Очередь двигается достаточно быстро, – заверил меня мужчина, нервно поправляя очки. – Работают сразу десять кабинетов, и вполне возможно, что к середине дня вы будете свободны.

– Сомнительная перспектива, – вздохнула я. – Шататься вокруг здания полдня. Как думаете, может, прийти завтра, когда ажиотаж спадет?

– Не думаю, – Билиян, кажется, мне искренне сочувствовал. – Сегодня Обитель оккупировали девушки, проживающие в столице, но в последующие дни к ним присоединятся и жительницы других городов Фрибрина, а также прилетят корабли с Ваоля и спутников.

Я недовольно скривилась.

– Сколько будет длиться этап собеседования?

– Неделю. Но всегда есть риск, что его прекратят раньше.

Лучезарно улыбнувшись, я поблагодарила мужчину и отошла в сторону, сжимая в руке пластину. Уставшего Билияна тут же обступили недовольные и галдящие девушки. Меня так и подмывало сбежать, отложив исполнение задания хотя бы на пару дней, но что-то мне подсказывало, что Ингириху и Роилу это не понравится. И тем более они будут в гневе, если из-за различных неурядиц мне и вовсе не удастся попасть на отбор.

Пришлось затесаться в толпу таких же ожидающих своей очереди и маяться от невозможности присесть. На фасад здания Обители вывесили огромный экран со сменяющимися на нем цифрами, предназначенный для того, чтобы мы знали, чья наступила очередь для беседы. Горящие числа на экране заметны были издали.

Я привалилась спиной к металлическому сетчатому ограждению здания прокуратуры и, спрятав руки в карманы, принялась вертеть головой по сторонам, рассматривая окружающих меня девушек, мечтающих о статусе императрицы. Подозреваю, из них не наберется и сотни дам, знакомых с Максимилианом, но абсолютно все, и я в том числе, будут утверждать, что влюблены в принца горячо и преданно.

Девушки, участвующие в первом этапе отбора, были абсолютно разными, отличаясь и внешностью, и манерой поведения, и уровнем материального достатка, который сквозил и в одежде, и даже во взглядах, которые они бросали на конкуренток. Наиболее обеспеченные девицы расположились в автомобилях, чтобы там ожидать своей очереди, вместо себя оставив шоферов. Бедные парни в

строгих костюмах и без курток сбились в кучку и тихо переговаривались. Не удивлюсь, если некоторые из богатых лентяек и на собеседование самостоятельно не пойдут – отправят вместо себя шофера с энной суммой денег в руках. Не знаю, как насчет людей, проводящих этап собеседования, но надеюсь, хотя бы принца им в последующем подкупить не удастся.

Многие из девушек явно перестарались, нанося макияж, причем относилось это в основном к юным восемнадцатилетним прелестницам. Ясно, что девушкам хотелось подчеркнуть свою красоту и индивидуальность, вот только горящими, как семафоры, глазами и алыми, сочащимися блеском губами они подчеркнули только свое неумение пользоваться косметикой.

Наряды тоже поражали своим разнообразием, притом многие только разнообразием в глупости. Некоторые девушки, наплевав на тот факт, что погода по-весеннему промозглая, надели нарядные, но летние платья на тонких бретельках и открытые босоножки. На месте отбирающих я бы завернула таких невест на входе – империи необходима здоровая императрица.

Отдельные личности намерены были сразить Максимилиана сразу на первом этапе, забыв, что с невестами он встретится гораздо позже, и во исполнение своих целей пришли в столь сексуальных нарядах, что благопристойные мамыши, изредка, как льдины, проплывающие сквозь толпу, закрывали своим чадам глаза.

Обособленно от остальных держались жительницы Поганки. Мое внимание привлекла высокая черноволосая девушка, о чем-то щебетавшая с подругой. Одета она была бедно, и даже рукава свитера были настолько длинные и широкие, что маленькие ладошки только изредка выглядывали из них, да и то лишь тогда, когда девушка эмоционально всплескивала руками. Но бледное, чистое, как будто фарфоровое лицо и карие, почти черные глаза привлекали внимание и возвращали к девушке мой взгляд снова и снова.

К тому моменту, как подошла моя очередь, я уже успела пообедать в кафе за три квартала от Обители и пару раз выпила кофе из летающего в толпе кофейного аппарата. Несмотря на то что до меня кабинеты посетили уже больше тысячи девушек, количество людей, по-моему, не убавлялось, а, напротив, прибывали все новые претендентки на руку и сердце принца. Краем уха я прислушивалась к

обсуждениям собеседования, звучавшим вокруг, и начинала волноваться, несмотря на то что мне-то участие в отборе было обещано.

Проходя мимо Билияна, кивнула ему, уже находящемуся в предынфарктном состоянии, и вошла в третий кабинет, как и было указано перед номером моей очереди на экране.

Кабинет с наклепленным на дверь листком с цифрой три ни снаружи, ни изнутри ничем не привлекал внимания. Стены с нанесенным на них типовым для бюджетных организаций серым покрытием, напоминающим пчелиные соты, стеллажи, сейчас пустые, стол с широкой столешницей и напротив него – глубокое удобное кресло. Кабинет был лишен своей индивидуальности: картины отвернули к стене, наверное, чтобы не отвлекать участников собеседования, и почему-то мне казалось, что на этих стеллажах раньше попеременно с книгами стояли различные милые сердцу безделушки. В углу большой кучей была свалена гора бумажек – немногие смяты, единицы разорваны, большая часть просто отброшена в сторону. У меня закралось подозрение, что это анкеты участниц, которым не повезло.

За столом, устало положив подбородок на сложенные ладони, сидела женщина средних лет с экстремально коротким каре и умело подведенными глазами. Заметно было, что мне она не обрадовалась, но все-таки улыбнулась, вышколенная в своем профессионализме, и, взяв наманикюренными пальчиками чистую анкету из стопки лежащих перед ней бумаг, кивнула на кресло:

– Здравствуйте, меня зовут Мелора, и сегодня я буду решать, есть ли у вас возможность принять участие в отборе.

– Добрый день. – Стараясь унять некстати возникшую дрожь в ногах, я сняла куртку и, присев, положила ее на колени.

– Ваше имя?

Я представилась. Женщина успела записать мою фамилию, и тут ручка перестала писать. С досадой поискав другую, Мелора извинилась и продолжила заполнять графы:

– Возраст?

– Двадцать три года.

Женщина скептически взглянула на меня, как бы намекая, что с такими цифрами в документах незачем и пытаться стать

императрицей, но ничего не сказала.

– Рост?

– Сто семьдесят четыре сантиметра.

– Вес? По возможности действительный, а не желаемый.

– Шестьдесят килограммов.

Мелору, как видно, мои параметры не устроили так же, как и возраст. На вопросы о месте работы, должности и образовании я отвечала спокойно, попутно размышляя, каким это образом Ингирих собирается способствовать моему прохождению на отбор. Если мою анкету сочтут бесполезной, найти ее в куче таких же будет проблематично. И явно, что сохранение моей конфиденциальности при этом будет невозможно.

– Где проживаете?

– Снимаю квартиру. С соседом.

– Состоите с ним в любовных отношениях?

– Естественно, нет! Мы просто вместе снимаем квартиру!

Мелора хмыкнула, демонстрируя свое отношение к моим словам, очень долго записывала что-то в соответствующей вопросу графе и наконец спросила:

– Вы девственница?

Я нахмурилась. Мне казалось, такие моменты выясняются исключительно между мужчиной и женщиной, и то при возникновении романтических отношений.

– Э-э-э, что, простите?

– Были ли у вас половые отношения с мужчинами? Раса не имеет значения.

– Да... Но какое это имеет значение?!

– Анкета вроде бы в моих руках, а значит, вопросы задаю я. Странно, что вы признались. Девяносто пять процентов девушек, которых я опросила, утверждают, что мужчин они видели исключительно на картинках и в общем и целом берегли себя для принца.

Я равнодушно пожала плечами. Стыдиться мне было нечего – совершеннолетия достичь успела и своими половыми органами могла распоряжаться по собственному разумению. А женщина продолжила:

– Со своим соседом вы состоите в интимных отношениях?

– Там действительно есть такой вопрос? – не вытерпела я.

Но Мелора, ничуть не смутившись, ослепительно улыбнулась:

– Темы собеседования определяются мной. Я могу задавать любые вопросы, если считаю, что они помогут принять решение об участии девушки в следующем этапе.

Я поглубже вздохнула.

– Я не состою с Ключером в интимных отношениях.

– Почему? Он неприятен вам как мужчина или же вы предпочитаете женщин? Быть может, симпатию на корню обрубил быт?

Я возмущенно закатила глаза – из вопросов Мелоры явно следовало, что если я нормальной ориентации, то априори должна спать с каждым из мужчин. Интересно, это правило действует и для нее?

– Все мимо. Причина проста: я против межрасовых отношений. Он прибыл с планеты ЛошТан-Ага.

– Оу. – Мелора, по-видимому, знала, как выглядят жители родной планеты Ключера, потому что твердой рукой вычеркнула ранее написанные строки и задала следующий вопрос: – Ваши увлечения?

Я вспомнила, с каким воодушевлением Ингирих и Роил говорили о моем близком знакомстве с музыкальными инструментами, и решила порадовать и Мелору. Вопреки моим ожиданиям она саркастически ухмыльнулась:

– Девушка, каждая пятая утверждает, что играет на скрипке, и каждая третья – что на фортепиано. Признаю: вы первая, кто упомянул арфу и флейту, но вынуждена уточнить – вы сможете продемонстрировать владение хотя бы одним из этих инструментов?

– Конечно! – Я немного разозлилась, хотя и понимала, что не стоит принимать этот вопрос близко к сердцу. Многие девушки пытались выставить себя в более выгодном свете и зачастую к своим достоинствам добавляли несуществующие, но такие желанные.

– И у вас совершенно случайно не заболит палец, не заложит ухо, не задрожат от волнения руки?

Я расслабленно откинулась на спинку кресла и, улыбаясь, заверила:

– Я отлично себя чувствую, правда. Прошу вас, вы можете принести инструмент.

Мелора вздохнула, жалея, что тратит на меня время, и по небольшому переговорному экрану вызвала секретаря, попросив его захватить скрипку. Секретарь, миловидная молодая женщина, подошла через пару минут и протянула мне скрипку. Довольно хорошего качества, надо признать. Я тихо провела смычком по струнам и удивленно констатировала:

– Настроена...

– Играла сегодня, – смутилась девушка. А Мелора вскинула брови.

Играть я решила произведение «Нежность» знаменитого композитора Валиада – выходца из Межмирской республики.

Скрипка привычно взлетела на плечо, и я закрыла глаза, предоставляя пальцам самостоятельно порхать по струнам и сжимать смычок. Порой мне казалось, что я забыла все, чему меня так упорно учила маменька, но иногда, во снах, для меня играли скрипки, им вторило фортепиано, и я, совершенно счастливая среди музыкальной вакханалии, исполняла соло на флейте. В последний раз наяву я держала инструмент пять лет назад, но пальцы не ошиблись ни на ноту. И хотя композитором именно для этого произведения задумывался аккомпанемент фортепиано, музыка и без него взлетала и падала, разрезала сердца не только присутствующих в кабинете, но и проникала за стены, в соседние комнаты. Скрипка страдала и плакала, и мы рыдали вместе с ней. Не знаю, что расстроило Мелору, может быть, стыд за необоснованные подозрения в обмане, но у меня выступили слезы от удивительного единения с тем, от чего когда-то отказалась. Не беря в руки и даже не подходя к музыкальным инструментам, я, казалось, таким образом уничтожала связь с семьей. Но, как выяснилось, я просто предавала часть себя.

Когда я закончила, женщина звучно высморкалась в белый платок:

– Вы знаете, ваш возраст, место работы, да и в целом нравственный облик склоняли меня к мысли, что вы принцу не подходите. Но то, что вы в основном говорите правду, вынуждает меня, как справедливого человека, поощрить искренность и принять решение в вашу пользу. К тому же вы по-настоящему красивая девушка, что вкупе с вашими увлечениями сделало бы мой отказ преступным.

Я смутилась, отдала пораженному секретарю скрипку и вновь присела на кресло. Хотя вопрос о прохождении в отбор и оказался решенным (спешу заметить, без участия Ингириха и Роила), анкету предстояло заполнить до конца.

Уже на выходе из кабинета я спросила:

– Простите, а по каким критериям вы отбираете кандидатов?

Мелора удивленно на меня взглянула:

– Их очень много. На первом месте, естественно, внешние данные девушки – каждая из нас осведомлена о пристрастиях принца относительно типажа женщин, также мы обращаем внимание на предпочтения в одежде, умение себя вести, как в вашем случае имеют значение увлечения, ведь принца нужно будет чем-то привлечь, чтобы пройти дальше. Но это неисчерпывающий список. На самом деле мы выбираем девушек по какой-то внутренней уверенности, что они понравятся принцу, присущей тем, кто знает Максимилиана с детства.

– Вы его родственница?

Мелора скромно опустила глаза:

– Я двоюродная сестра покойной императрицы. Да и женщины, сидящие в соседних кабинетах, тоже приходятся принцу родней. Преимущественно по материнской линии. Так что уж мы знаем, какой должна быть будущая императрица.

Попрощавшись и закрыв за собой дверь, я подумала, что в нормальной семье стремление родни парня найти ему невесту расценивалось бы как ненужная навязчивость и гиперопека. Но в ситуации принца получается, что это просто вынужденная помощь.

## Глава 3

В этот день я решила не заезжать на работу. Объезжая Поганку, вернулась домой и в кои-то веки вознамерилась что-то приготовить. Зачастую есть мне приходилось на службе, но иногда, заползая вечером в дом, успевала урвать кусочек кулинарных шедевров Ключера. Уверенная, что после первого рабочего дня ему просто необходим вкусный допинг, я встала к плите в стремлении порадовать соседа.

Еще не успела даже замесить тесто для блинчиков, как кто-то постучал в дверь. Отчего-то мне вздумалось, что Ключер, пребывая в расстройстве от вынужденного труда, забыл ключи. И я, ничуть не сомневаясь в разумности своих действий, распахнула двери. Помня об угрозах пунита, это было чересчур самонадеянно, но в этот раз Вселенная надо мной смилостивилась – на пороге, переминаясь с ноги на ногу, стоял Роил. Его появление удивления не вызвало, меня смутил тот факт, что майор держит в руке внушительный букет цветов. Причем не лишь бы каких, а иделльских лилий, стоивших ему баснословных денег.

Видя, что я потерянно разглядываю цветы и приглашать его не спешу, Роил взял инициативу в свои руки:

– Дорогая, мне можно войти? Я так скучал!

Я пробормотала что-то невразумительное и отодвинулась в сторону, пытаясь понять, что нашло на майора. Нет, он, конечно, симпатичный мужчина, да и человек, возможно, приятный (правда, не было повода выяснить), но лилии и обращение «дорогая» как-то уж чересчур.

Роил меж тем прошел в квартиру, бросил букет на тумбу в коридоре и бегло осмотрел комнаты. Я закрыла дверь и наблюдала за передвижениями майора с легким недовольством.

– Дорогой, – съязвила я, заметив, что Роила очень заинтересовал мой шкаф, – что происходит?

– Вы о чем? А-а-а, о цветах? Сержант, мы должны сохранять конфиденциальность. – Майор оторвался от шкафа и задернул шторы. – В случае, если меня заметили соседи, они подтвердят, что

шел я к вам с подарком и улыбкой на лице, а значит, по личному мотиву.

– Пусть так. – Скрывая смех, я кашлянула в кулак. – Но шкаф-то вы обыскали зачем?

– Вдруг вы не одна!

– Так вы думали, на полках спрятался иностранный шпион?

Роил отмахнулся от моего язвительного замечания.

– Где мы можем поговорить?

– На кухне? – замешкавшись, предложила я. – Я блинчики решила сделать...

– Блинчики – это хорошо, – признал Роил. – Я как раз ничего не ел с самого утра.

В ожидании блинов майор съел гречневую кашу, от которой Клюгер уже неделю воротил нос, и расспросил меня о ходе собеседования. Без излишних подробностей, включающих мои ответы и неприятные комментарии Мелоры, я рассказала, что попала в отбор. И не преминула спросить, каким это образом руководство СИБ хотело оказать мне содействие. Роил поперхнулся бутербродом, который к тому времени соорудил самостоятельно, покопавшись в недрах холодильника.

– Водички? – заботливо предложила я.

– Нет-нет. – Майор прокашлялся и, густо покраснев, поведал мне, что их обещания в содействии были не чем иным, как способом поддержания во мне уверенности.

Я с грохотом поставила сковороду мимо плиты и в бешенстве обернулась:

– Уверенности?! Вам показалось, что мне уверенности не хватает?! Да вы хотя бы подумали, прежде чем обещать? Я же могла заявиться на собеседование и с порога утверждать, что за меня просили! Извините, Мелора, где мое место в отборе? – Последнюю фразу я добавила препротивным голосом.

– Вы бы так не сделали, – безапелляционно заявил Роил.

– Правда, что ли? – прошипела я. – А если бы все-таки сделала?

Майор снисходительно закатил глаза:

– И что?! Вы думаете, такого никогда не происходило? Уверяю вас, люди много чего заявляют – что ж теперь, организаторам отбора на всех внимание обращать?

С удовольствием представив, как убиваю этого майора, а затем расчлению труп, я немного утихомирила свою ярость и вернулась к блинам. Стопка их росла на глазах.

– Не удивляйтесь, если к вам нагрянут гости, – внезапно сказал Роил.

– Шкафы обыскивать? – усмехнулась я.

Но майор не смутился:

– И шкафы тоже. Пока неизвестно, сколько девушек пройдет в отбор, может быть, и десять, и сотня. Но всех их, безусловно, проверит личная императорская охрана. Вполне возможно, что они придут к вам домой. Так что тому амбалу, что с вами живет, придется съехать.

– Не придется – на собеседовании я о нем сообщила. Будет странно, если Клюгер неожиданно исчезнет.

Роил недовольно на меня взглянул, но спорить не стал. Я же с издевкой ему напомнила:

– Что же вы не подумали о проверке, когда через двор с цветами шагали и на весь дом меня дорогой называли? Сотрудников императорской охраны обязательно заинтересует тот факт, что ко мне заходит мужчина, причем появился он уже после моего прохождения в отбор.

Роил так и замер с открытым в озабоченности ртом. Я с интересом наблюдала за сменой эмоций на его лице и поедала блины. Майору решила не предлагать – в моей квартире он и так чувствовал себя достаточно вольготно.

– Идиот! Как же я не подумал-то, – звуковое оформление шока тоже нашло свой выход.

– Ну что ж так грубо-то, – пожурила я. Главным образом из вежливости.

Роил резко встал из-за стола, чуть не уронив при этом стул, и решительно заявил:

– Значит, сейчас будем исправлять ситуацию! Выгоняйте меня и кричите, что любите другого.

– Я пошутила, – мигом посерьезнела я. – Думаю, никто так глубоко копать не станет, да и не замечала я за нашими соседями склонности к сплетням.

– Соседи сплетничают всегда – это факт, – отрезал майор. – И цветы мне вслед можете бросить...

Я вконец затосковала и решилась поинтересоваться:

– А если все и впрямь так, как вы утверждаете, и дрянные соседи донесут о любовнике, что мне говорить о вашей персоне? Имени не знаю, телефона нет, приходил после телеграммы?

Тут майор вспомнил вдруг, что он не только сотрудник СИБ, но и не старый еще мужчина, и решил распустить хвост. Томным голосом, упрямо подбираясь к моей руке, Роил поведал, что не женат, связь с молодой красивой девушкой его никоим образом не дискредитирует, и посему имя свое он скрывать не намерен. Я вежливо выслушала майора, затем убрала с его верхней губы прилипший листок петрушки и сказала слишком уж обнаглевшему мужчине:

– Я совершенно не против, для достоверности вполне можно потерпеть близость с вами, – глупо похлопала ресницами, делая вид, что и впрямь так считаю. – Но вы же понимаете, что видеть нас вместе больше не должны? Иначе (только лишь для поддержания образа) мне придется подать заявление о преследованиях бывшего молодого человека.

Пыл Роила как-то сразу угас. Он снабдил меня инструкциями, главным образом заключающимися в словах «наблюдай и не высывайся», и ушел, на всякий случай оставив свой номер телефона. К счастью, от идеи разыграть у дверей спектакль майор отказался.

– А вы не боитесь, что телефоны будут прослушиваться? – уточнила я, повертев в руках бумажку с номером. – И заговорщики узнают, что мы в курсе их планов.

Роил с превосходством на меня взглянул:

– Вы считаете, наши инженеры зря едят свой хлеб? Любые звонки на номера, принадлежащие СИБ, обойдут все прослушки, разделяясь на две линии: на одной охране придется слушать всякие женские разговоры о скидках, а на другой вы будете передавать информацию.

Клюгер вернулся поздно и уже на пороге принялся проклинать миграционную службу, своего работодателя и людей, которые пользуются курьерскими услугами. Блины он уминал быстро, заталкивая в огромный рот сразу несколько, и внушительная стопка уже через пару минут исчезла. Но свой эффект угощение произвело – гнев Клюгера понемногу утихал, и сосед даже рассказал мне, как прошел его первый рабочий день.

Рассказ произвел на меня двойственное впечатление. Либо работодатель Клюгера был существом чересчур жалостливым даже для бывшего неудачника, либо же тетеньки из миграционки ему приплатили. Потому что в первый же день мой сосед потерял посылку, нахамил каждому из клиентов и вдобавок испортил салон служебного автомобиля. Самое интересное, что на вопросы о том, как именно салон был испорчен, Клюгер краснел и отмалчивался, что открывало большие просторы для моей фантазии.

Наутро я как ни в чем не бывало отправилась на работу. Толпа сотрудников во главе с Гайдиной застыла у единственного в отделе телевизора в ожидании новостей. В первую секунду я удивилась: сводки о происшествиях в городе ежечасно поступали в отдел, и нужды прерывать работу ради телевизора не было. Но как только вместо выпуска новостей заиграла веселая, притягательная музыка с демонстрированием лучших моделей империи, я поняла: всех интересовало, как прошел первый день отбора. О моем в нем участии пока никто не знал, и оповещать всех я не собиралась. Может быть, только Орраха. Я нерешительно взглянула на дверь его кабинета, на которой теперь отсутствовала табличка, и решила не спешить. Отыскала в сейфе дело Хопсвуда и начала его просматривать, краем уха прислушиваясь к голосу из телевизора.

Смазливый ведущий, демонстрируя безупречную улыбку, вещал:

– Первый день отбора оказался очень плодотворным. Из полутора тысяч юных прелестных девушек, явившихся в Обитель литературы, которая приютила нашу команду уважаемых и компетентных свах, на следующий этап попали пятеро. Пятеро! Если вспомнить предыдущий отбор, то мы заметим разницу – тогда за семь дней кастинга были отобраны всего десять девушек. Что же это? Великодушные жюри или девушки полвека назад были не так симпатичны?

Марисса тяжело вздохнула и прижала платочек к глазам. Наш любопытный стажер тут же поинтересовался, в чем причина ее грусти.

– Я не прошла в отбор, – стыдливо пряча глаза, призналась Марисса. – Говорила, что мне двадцать три года, но они не поверили.

Гайдина взглянула на нашего делопроизводителя с большим сомнением.

– Явно заметно, что ты давно перешагнула тридцатипятилетний рубеж, – по-военному прямо заявила Тритри. – Не понимаю, на что ты

надеялась...

Слезы на лице Мариссы миготом высохли. Она недовольно взглянула на Гайдину и уперла руки в бока, зазвенев при этом движении многочисленным пирсингом. Назревал внушительный скандал – упоминаний о возрасте Марисса не любила.

– Я надеялась, что в жюри не будут сидеть склочные, затхлые и к тому же тупые старухи! Такие, как ты!

А вот это было уже оскорбление. Гайдина побагровела и показала известную всем фигуру из трех пальцев. Диктор что-то вещал по телевизору, но его уже никто не слушал, все были увлечены реальной схваткой в отделе. И Марисса, и Тритри были примерно одной комплекции, и мы с нетерпением ждали, когда же они сойдутся врукопашную. Нет, разумеется, их бы сразу разняли, но пока никто не осмеливался влезать под горячую руку.

– Такие старухи, как я, – ощерилась Гайдина, – ограждают принца от таких безобразных и недалеких пограничниц климакса, как ты!

Что по этому поводу думает Марисса, мы не узнали, но, судя по тому, что она вполне различимо зарычала и двинулась на обидчицу, слова Тритри ей дико не понравились.

– Что происходит? – раздался громовой голос Орраха. Грозный капитан застыл в дверях своего кабинета, привлеченный шумом. Все сразу же сделали вид, что просто мимо проходили, и разбрелись по своим делам. Ролик об отборе сменился записью Межпланетного форума молодых экономистов, и телевизор тут же выключили.

– Эта женщина, – Марисса обличающе ткнула в Гайдину пальцем, чуть не попав ей в глаз, – меня оскорбила.

– Можно подумать, ты мне комплименты говорила, – возмутилась Тритри.

Марисса же сладко улыбнулась и заявила:

– В твоей ситуации мои замечания звучали как комплименты.

– Хватит! – отрезал Оррах. – У меня нет желания слушать ваши распри – живо разошлись по рабочим местам! Ададьстан, ко мне в кабинет!

Я с сожалением взглянула на дело Хопсвуда и, не закрыв папку, отправилась к капитану.

– Зачем приходили эти выскочки? – Оррах приступил к допросу, как только я переступила порог его кабинета. На зычный голос

капитана обернулось несколько сотрудников. Я тут же прикрыла дверь. – Про чушь с музыкальными уроками даже не заикайся, я проверил – никаких распоряжений по этому поводу сверху не поступало.

– Выскочки – это подполковник и майор?

– А то кто же, – презрительно фыркнул Оррах. – Я учился с Ингирихом в академии, поэтому знаю, о чем говорю. С Роилом встречался редко, но у него на лице все написано.

– Не буду спорить. – Я немного замешкалась, раздумывая, что сказать. Врать человеку, подавшему мне руку помощи, не хотелось, но и сказать правду возможности не было. Поэтому пришлось выдать часть правды: – Представляете, мне предложили поучаствовать в отборе. Руководство заметило мое личное дело, разглядело мои внешность и потенциал и обещало в будущем поддержку. А я, в свою очередь, стану лицом СИБ. Мое лицо на листовках, представляете?

«Прости, Вселенная, – мелькнула расстроенная мысль. – Что за околесицу я несу? Уроки ораторского искусства плотным стадом рогатых прошли мимо».

– Бред! – Оррах ударил по столу так сильно, что я вздрогнула и замолчала на полуслове. – Ты отвратительно врешь, Рэйя! Признавайся, они тебе угрожали?! Пытались во что-то втянуть?! И не отвечай, сам вижу – раз темнишь, значит, уже втянули!

Капитан вышел из-за стола и принялся мерить кабинет шагами. Если учесть, что размеры комнаты на Орраха рассчитаны не были, то променад его состоял из двух шагов в одну сторону и того же количества в другую.

– Ты слишком молода, Рэйя, ты не понимаешь, что такие люди, как Ингирих, обычными сотрудниками прикрывают собственные задницы! Что, наверное, говорили о чести, империи, доме и все такое? Я эти лозунги знаю наизусть, да вот только ничего за ними не стоит! Погибших вроде тебя называют случайными жертвами либо допустимыми потерями...

Капитан побагровел, а ноздри его дрожали так сильно, что, казалось, лопнут. Для меня слова Орраха не были неожиданностью – я отлично понимала, что роли для руководства СИБ не играю никакой, но как выйти из игры с наименьшими затратами сил и эмоций, пока не

знала. Я улыбнулась как можно спокойнее, чтобы не взволновать начальника, и сказала, легонько коснувшись его рукава:

– Скажу вам по секрету, потому что знаю: вы не расскажете кому ни попадя, я прошла в отбор, и вроде бы начиная со следующей недели мне придется уйти в отпуск за свой счет. Спасибо, капитан, но вам правда не о чем волноваться.

Оррах замер, сверля меня сердитым взглядом, но его цвет лица понемногу приходил в норму.

– Хорошо, если так, Рэйя. Напиши заявление у Мариссы. Но не сейчас, а то попадешь под раздачу. Женщины с этим отбором словно помешались – обе мои дочери вчера закатили истерику, что мы с женой не сделали их раньше и из-за возраста они не могут выйти замуж за принца. Хорошо хоть жена пока всем довольна...

Я кивала, соглашаясь со словами капитана, и, когда он выдохся, уточнила, кому передать дела. Оррах вспомнил, что нагрузка на сотрудников увеличится, и опять разозлился. Так что распоряжений я не получила, да и настаивать не стала, решив, что разберусь самостоятельно.

Вернувшись к своему столу, с удивлением обнаружила, что папка с делом Хопсвуда закрыта. Коллеги вполне могли подойти и взять мою ручку, карандаш, но никто никогда не рылся в чужих делах. Я спешно пролистала дело – на первый взгляд из него ничего не пропало.

– Что-то случилось? – спросил Ирек, рабочее место которого располагалось рядом с моим. Именно его я могла с натяжкой назвать своим напарником и именно ему собиралась передать неоконченные дела.

– Ты не заметил, кто-нибудь подходил к моему столу?

– Да нет. – Ирек почесал затылок. – Я сам только вернулся. Что-то пропало?

– Вроде бы нет. – Я посмотрела по сторонам. Внимания на нас никто не обращал. Может быть, я зря волнуюсь – закрыла папку сама и внимания не обратила? Вот только странные предчувствия и внутренняя тревога уже появились и исчезать не собирались.

Клюгер понемногу привыкал к работе. Автомобильный салон больше не портил, дня через два перестал терять посылки, но хамил клиентам стабильно. К концу недели я уверилась в мысли, что в

трудоустройстве соседа поучаствовала миграционная служба – ни один работодатель Клюгера бы терпеть не стал.

Каждый день передавали новости отбора, в частности, объявляли, сколько счастливиц уже в него прошло, и с каждым днем у телевизора в отделе собиралось все больше зрителей.

Самым плодотворным на красавиц империи оказался вторник – отобрали семь девушек. В среду – четверых, в четверг посчастливилось троим, в пятницу – опять пятерым, в субботу повезло всего двоим, а в воскресенье уставшим свахам никто уже не понравился.

Таким образом, в понедельник насчитывалось двадцать шесть официальных невест принца Максимилиана – наследника ригарийского престола. Мелора предупредила меня, что к девяти утра первого дня будущей недели я должна снова явиться в Обитель, и уже в половину девятого я останавливала свой мотоцикл на стоянке. Обитель была окружена плотным кольцом охраны и еще большим количеством репортеров. Подозреваю, охрана предназначалась исключительно для того, чтобы девушки, которых забракowało жюри, не бросились на более удачливых соперниц.

На меня никто не обращал внимания ровно до того момента, как я предъявила охране документы. Как только меня пропустили, сотни девичьих голосов взревели, аки гренадские медведи, и защелкали затворы фотоаппаратов в стремлении запечатлеть участницу отбора. Толпа возбужденных девиц придвинулась ближе, то ли желая меня разорвать, то ли мечтая продемонстрировать свое восхищение, так что охране даже пришлось защищаться щитами. Склоняюсь к первому варианту – согражданам пока любить меня не за что.

С сожалением вспомнила о мотоцикле, если кто-то заметил, на чем я приехала, то с железным другом можно будет попрощаться. Женщины в завистливом гневe способны на многое.

Я быстро прошла в Обитель, удивляясь тому, что девушки не догадались метнуть в меня камень. Но как только я обнаружила, что явилась первой, то решила: все впереди. Вполне возможно, что к моменту появления пятнадцатой участницы завистницы насобирают снарядов.

Меня проводили в большой зал, где якобы проходили литературные приемы, а на самом деле пьянки с танцами, и ко мне тут

же кинулись репортеры. В первую секунду я даже ослепла от вспышек камер.

– «Вести империи». Перед нами первая из девушек, прошедших в отбор. Скажите ваше имя!

– Рэйя Ададьстан.

С тоской подумала о том, что Марисса меня теперь возненавидит.

– Канал «РИ-ТВ». Имена конкурсанток держались в секрете, поведайте, в какой день вас отобрали.

– В первый.

– Как символично: вас выбрали в первый день, и вы первая прибыли в Обитель!

– Возможно. – Я немного растерялась. Как таковой, вопрос задан не был, но какого-то ответа от меня, безусловно, ждали.

– Газета «Якушские обсервации». Почему вы приехали раньше? Хотели выделиться из толпы?

– Нет, я просто боялась опоздать.

Кто, ну вот кто придумывает названия этим газеткам?

– Портал феминисток империи. Вы надели брюки. Значит ли это, что вы не собираетесь прогибаться под мужчин?

– Что?! О Вселенная! Я просто приехала на мотоцикле, и в юбке на нем ездить неудобно!

Отталкивая коллег, вперед протиснулся худой манерный мужчина с выбритыми висками и тонкими усиками. Оттолкнув от меня чужие микрофоны, сунул мне в лицо свой, чуть не выбив зубы, я еле успела отшатнуться.

– Специальный корреспондент канала «Страсть-ТВ». После того как проиграете, намерены ли вы участвовать еще в каких-либо телевизионных шоу? Мы можем предложить неплохие контракты...

– Когда проиграю? – растерялась я. – Позвольте, но конкурс еще даже не начался.

– Отвечайте на вопрос, – возмутился журналист, но его заслонили обиженные коллеги.

Мне успели задать еще с десятков вопросов, прежде чем в дверях появилась еще одна конкурсантка. Всех журналистов тут же как корова языком слизала – они умчались пытаться новоприбывшую, а я смогла перевести дух и рассмотреть соперницу.

Девушка была так красива, что захватывало дух: длинные рыжие волосы, ярко-зеленые глаза в обрамлении пушистых ресниц, аккуратный носик. Я никогда не считала себя уродливой или неказистой, но по сравнению с этой красавицей почувствовала неловкость. Она непринужденно отвечала на вопросы журналистов, ее экстремально короткое платье в блестках открывало бесконечно длинные ноги, которые с удовольствием фотографировали. Один репортер слишком усердно исполнял свою работу и даже прилег на пол, разумеется, только для того, чтобы получше запечатлеть всю красоту конкурсантки. Дабы умерить его пыл, пришлось вызвать охрану.

Понемногу прибывали остальные участницы. Одновременно в зал вошли обе девушки, отобранные в предпоследний день кастинга, – натуральная светло-русая блондинка и хамоватая, ярко покрашенная брюнетка. Незадолго до девяти часов в зал зашла девушка из Поганки, которую я заметила в первый день отбора. Оделась она скромно, но заметно было, что старалась принарядиться. К ней бросилась большая часть журналистов, обижая этим брюнетку и блондинку, которые своей порции внимания не получили.

Остальные девушки опоздали, кто – на пять, кто – на двадцать пять минут, и прибывали таким сплошным потоком, что я не успевала их толком рассмотреть. Но и по тому, что видела, заметила, что все участницы высокие (ниже ста семидесяти сантиметров не было ни одной) и в большинстве своем обладают очень выдающимися формами.

Когда, казалось, конкурсанток стало так много, что уже некого было ждать, в зал, стремительно распахнув двери, вошел кумир миллионов, красавец мужчина, да и просто харизматичный человек (нет, не принц) – ведущий множества телевизионных передач Яш Орчаковский. Все девушки буквально взвыли, а журналисты вновь защелкали затворами фотоаппаратов. Красавец брюнет, не снимая с лица обаятельной улыбки, подождал, пока наступит тишина, и только потом бархатным, хорошо поставленным голосом всех поприветствовал. Ему ответил нестройный хор женских голосов, от волнения напоминавших детские. Вынуждена заметить, что от двадцати с лишним дам я ушла недалеко – Яш был и моим кумиром.

Лет эдак восемь назад и, разумеется, тайным. Моя мать в качестве кумира признавала только себя.

– Дорогие девушки! – глядя в камеры, но никак не на нас, нестройной линией замерших посреди зала, начал Яш. – Сегодня ваша жизнь изменится, как изменится и жизнь всей империи. Одна из вас станет императрицей и...

Дверь резко распахнулась, грохотом перебивая оратора и являя опоздавшую конкурсантку. Девушка абсолютно не выглядела смущенной, равнодушно кивнула опешившему от такой наглости Яшу и устремила к нам.

– Постойте-ка. – Ведущий нахмурился. Только как-то очень показательно, не забывая при этом подмигивать в камеру. – Вы кто? Охрана доложила мне, что все невесты еще десять минут назад вошли в Обитель.

– Я Велания Олькутт. – По-моему, девушка была очень недовольна тем, что ее не узнали. Я даже присмотрелась к ней внимательнее, хотя уже знала, что вижу впервые. – В Обитель я вошла уже давно, просто посетила дамскую комнату.

– И провели там десять минут? – искренне удивился Яш. По его мнению, в такой ответственный момент последним местом, куда нужно было стремиться, являлся туалет.

– Я провела там гораздо больше времени, – высокомерно заявила Велания, не понимая, как глупо выглядит, препираясь с ведущим. – Кто же виноват, что организаторы не предусмотрели комнаты, где я могла бы переодеться.

На Велании действительно было великолепное изумрудное платье с таким длинным шлейфом, что конец его находился в пяти шагах от нее, как раз рядом с ведущим. Цвет платья изумительно подходил к белоснежным волосам девушки, и фасон наряда подчеркивал ее соблазнительные формы. Заметно было, что платье стоило баснословных денег, и, случайно бросив взгляд на девушку из Поганки, я заметила, как лицо ее омрачилось.

– Что ж, – Яш решил не обращать внимания на стервозное поведение конкурсантки, – по-видимому, кто-то забыл о том, что разговаривает перед камерами, но спишем это небольшое происшествие на нервозность всех участниц конкурса. Дорогие девушки, сейчас вас отвезут прямо во дворец, где вы и будете

проживать все дни отбора. По прибытии вам расскажут правила, сроки, в общем, все, что интересует ваши прелестные головки. А сейчас все переговорные, записывающие устройства и оружие любого вида, кроме красоты и остроумия, придется сдать. Предупреждаю, добросовестность выполнения этого распоряжения будет проверять охрана, и скажу по секрету – они очень злобные дяденьки. Так что если вы забудете, например, о маленькой переговорной пластине, вас тут же исключат из отбора. Хочу заметить, что любая из вас, решившая избавиться от соперницы, подбросив ей запрещенный предмет, тоже отправится домой. – Ян шутливо погрозил пальчиком. – Знаю я ваши женские хитрости.

Пистолет и переговорные устройства я предусмотрительно с собой не брала, отлично понимая, что во дворец их пронести не получится, и обыска не боялась. Надо сказать, императорская охрана действовала быстро и очень профессионально – никаких тебе ощупываний и поглаживаний, известных всем девушкам, коих обыскивали сотрудники СИБ. После обыска нас проводили к лимузинам, стоящим у крыльца, и, уже спускаясь по ступеням, я заметила несколько валяющихся камней и раздавленные помидоры. Не буду утверждать, но мне кажется, зрительницы снаряды все-таки отыскивали.

Я оказалась в одном лимузине с рыжей красавицей. Хладнокровие ее оказалось напускным, и в салоне стало заметно, как сильно она волнуется.

– Привет, – улыбнулась я, желая ее подбодрить. – Меня зовут Рэйя.

Девушка немного помолчала, видно, решая, стоит ли отвечать.

– Мирана. – Поразмышляя, она даже руку мне протянула, которую я неуклюже пожала. – Ты что, совершенно не нервничаешь?

– Почему же? – уклончиво пожала я плечами. – У меня сердце как бешеное стучит и ноги дрожат.

На самом деле я лгала. Небольшой испуг был вначале, когда ко мне бросилась толпа журналистов с глупыми вопросами. Сейчас же, в тепле роскошного автомобиля, двигаясь во дворец, я совершенно не боялась отбора. Принц такой же мужчина, как и все, к тому же абсолютно мне безразличный. Поэтому неудаче в попытке стать императрицей я буду только рада. Гораздо больше меня нервировало

секретное задание, порученное руководством, но о нем слишком рано было думать – ни с кем из предполагаемых заговорщиков я еще даже не встретилась.

– По тебе и не скажешь, – с легкой завистью вздохнула Мирана. – Я чуть в обморок в этом зале не рухнула, а ты стояла спокойно и всех рассматривала.

«Ты, по-видимому, тоже не так плохо себя чувствовала, как пытаешься показать, раз обращала на меня внимание», – мысленно усмехнулась я, но вслух сказала:

– Тебе удалось великолепно держаться, уверяю. Ни за что бы не решила, что ты взволнована – вела себя как настоящая императрица.

Мирана смущенно зарделась. Я же решила укрепить успешное знакомство и поинтересовалась, откуда она приехала.

– С Ваоля. Город Асса – вторая столица империи. А ты?

Планета Ваоль присоединилась к Ригарийской империи сто лет назад в результате военного конфликта, и до сих пор на ней периодически вспыхивали восстания. Брак с уроженкой бунтарской планеты был бы выгоден будущему императору.

Я с радушием развела руки:

– С Фрибрина, из этого города. Я дома. Так что, если не выйдет стать императрицей, вызову такси и поеду плакать в свою квартиру.

Мирана мило улыбнулась:

– Я надеюсь, тебе плакать не придется. Ты вовсе не такая строгая стерва, какой показалась мне на первый взгляд.

– Приятно слышать, – расхохоталась я.

Дорогу для кортежа невест, по-видимому, освободили, потому что к дворцу мы подъехали всего через четверть часа вместо ожидаемых мною двух часов сквозь пробки. Мирана во все глаза рассматривала главную столицу Ригарийской империи – Думар, которую видела впервые, а я делилась своими скромными познаниями о достопримечательностях, мелькавших мимо.

## Глава 4

Я никогда не была во дворце. Для патрулирования мероприятий СИБ не приглашали – этим занималась личная императорская охрана, а повода там появиться у меня, естественно, не было. Иногда, в редкие минуты откровений, мать хвасталась одним из своих любовников, который был одним из приближенных императора и обеспечивал ей пропуск во дворец. Красота и роскошь, царившие там, и были одной из сонма причин, побуждавших ее настаивать на моем обучении, дабы однажды я вошла в белокаменные комнаты как хозяйка. Причем о свадьбе с императором она не говорила никогда. Шут знает, возможно, мать мечтала, что я когда-нибудь выкуплю дворец?!

Автопомощник остановил лимузин у дворцовых ворот, от которых через парк и к огромному белому зданию стелилась темно-красная ковровая дорожка. По обе стороны ковра узким коридором выстроились папарацци, охрана и обычные зрители, коим по случаю такого торжественного момента, как шествие невест, позволено было войти на территорию парка.

Наша машина подъехала третьей, и я заметила уже четырех девушек, с удовольствием позировавших перед фотокамерами. Сквозь прутья огораживающей решетки к ним протягивали руки, требуя рукопожатий и автографов, но отчего-то все они были направлены в пустоту.

Дверь автомобиля распахнул один из охранников, и Мирана выпорхнула первой. Толпа восторженно взревела, а я успела заметить на экране, летающем над дорожкой и транслирующем все происходящее, ослепительную улыбку девушки и ее сияющие глаза. Никакого волнения или же паники заметно не было, хотя в машине мою спутницу била явная дрожь.

– Прошу вас, – сказал охранник, протягивая руку, когда Мирана удалилась на несколько метров и ее успели рассмотреть. Настал мой черед дефилировать перед публикой.

Натренированная множеством концертов и выступлений, зрителей я не боялась, а удобные одежда и обувь не вызывали ненужного дискомфорта. Еще в зале было заметно, как некоторые девушки,

впервые вставшие на высокие каблуки, шагают словно цапли, пытаюсь удержать равновесие. Возможно, в сравнении с большинством невест я и выглядела ниже ростом, зато могла быть уверена в том, что не упаду в самый ответственный момент. Приветствовали меня так же горячо, как и других конкурсанток, но не успела я сделать и пары шагов по дорожке, как к моему локтю осторожно прикоснулся охранник.

– Извините, мисс Адальстан, вынужден вас предупредить: из рук зрителей ничего не берите, будь то даже бриллиантовое кольцо или же карандаш. Поклонников у вас пока нет, одни только завистники. Вполне возможно, что вам попытаются нанести разного рода увечья.

– Хорошо, спасибо. – Я торопливо закивала, и мою руку тут же отпустили.

После такого предупреждения стало понятно, почему другие девушки не давали автографов. И уже специально присматриваясь, наметанным взглядом сибовца замечала то миниатюрного размера электрошокеры, то зажатую между пальцами старомодную бритву. И где они отыскиали-то ее? А главное, почему ничего не предпринимает охрана? Мне отчего-то стало горько. Улыбаясь и поворачиваясь перед камерами, я размышляла о том, для чего нужен такой показательный выбор невесты. Наверное, предполагается, что за время отбора жители империи смогут полюбить будущую императрицу, ведь, наблюдая за развитием отношений потенциальных невест и принца на телеэкране, зрители непременно кому-то будут симпатизировать, а значит, выбор наследника во многом будет зависеть и от телевизионных рейтингов той или иной конкурсантки.

Двигаясь по красной дорожке, парковыми видами я насладиться не могла – весь обзор заслоняла толпа зрителей, поэтому шла вперед, взяв себе за ориентир дворец. Монументальное здание изгибалось буквой «П», и два длинейших этажа оживлялись выступлениями с лепниной, колоннами и нишами с поселившимися в них причудливыми статуями. Девушки, закончив свой путь сквозь толпу, останавливались на широком крыльце и ждали остальных конкурсанток (как нам пояснили, для общего фото). Следует заметить, что обгонять друг друга было нельзя, и так как первая девушка взяла неспешный ритм движения (из-за каблуков высотой минимум двадцать сантиметров), то и остальным приходилось идти очень медленно. Мы с Мираной подъехали одними из первых, и, честно сказать, на крыльце

в застывшем ожидании затекли спина и щеки, последние из-за чересчур широкой улыбки. Гораздо легче было дефилировать по дорожке, но необходимо было уступить место и другим.

Спустя полтора часа ожидания показалась последняя из конкурсанток, и, клянусь, я услышала слаженный вздох облегчения. Спокойно и тепло улыбаясь, она шла по дорожке, кивая и принимая интересные позы для фотографий, как вдруг остановилась и повернулась к одному из зрителей, протягивающих руки для рукопожатия. Не знаю, как так получилось, возможно, ее в отличие от всех нас не предупредили, а может быть, девушка оказалась не такой уж и разумной, но она дотронулась до руки поклонника. Раздался громкий вскрик, конкурсантка упала на землю и забилась в конвульсиях. Зрители испуганно отшатнулись, началась давка. Злоумышленник попытался убежать, но его сразу же скрутила охрана и куда-то увела. Кто-то из невест заплакал, я и еще несколько девушек бросились на помощь, но охрана задержала нас еще на ступенях. Журналисты же беспрерывно фотографировали, обрадованные происшествием, и за неимением официальных лиц брали интервью у случайных очевидцев. Те из репортеров, которые стояли у ступеней, заснять происшествие не смогли, из-за чего донельзя расстроились. Я лично видела, как хрупкая девушка била микрофоном своего оператора и кричала, что он неправильно выбрал место для съемки.

Прекрасный парк с идеально зелеными, несмотря на раннюю весну, газонами окутался неприятным шумом, полным злорадства и какого-то жуткого наслаждения жестоким зрелищем.

К конкурсантке быстро подошел врач, осмотрел ее и вколол лекарство. Девушка очнулась, но выглядела ужасно: синие потрескавшиеся губы, бледное лицо и выступившие кровавые капилляры в белках глаз. Охрана помогла невесте добраться до крыльца, нас снова выстроили в линию, причем последнюю девушку придерживали с обеих сторон соперницы. Как и задумывалось, сделали групповое фото, и только тогда нам разрешили пройти в холл дворца.

Когда захлопнулась тяжелая дверь, отрезая нас от гама, царящего над парком, я почувствовала невообразимое облегчение. Боль тяжелыми тисками сдавила виски, и я несколько раз глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться. Злило все: и хихиканье некоторых из

конкурсанток над пострадавшей, и равнодушные организаторов отбора – девушке даже стул не предложили, а меж тем она так ослабла, что с трудом держалась на ногах. Наплевав на презрительные взгляды, я подошла к своей так называемой сопернице и подхватила ее под руку, помогая выпрямиться. Она взглянула на меня с благодарностью и слабо улыбнулась.

В холле, рассматривая нас с идеально отрепетированным превосходством, стояла высокая женщина в строгом сером платье и гладко зачесанными назад волосами. Доктор, чуть ли не отталкивая невест, подошел к женщине и тихо заговорил, что-то быстро объясняя. Во взгляде женщины явно промелькнуло еще и раздражение.

– Приветствую вас, невесты принца Максимилиана. Меня зовут Кларисса, и я главная сваха нынешнего отбора. По всем вопросам, которые у вас имеются или которые возникнут впредь, вы должны будете обращаться ко мне.

Сваха обвела нас тяжелым взглядом, и у многих вопросы застыли на губах, так и оставшись невысказанными. У многих, но не у Велании Олькутт. До крайности самоуверенная в себе девушка шагнула вперед, привлекая внимание, и визгливо спросила:

– Где принц? Я вообще-то ожидала, что он нас встретит, но...

– Но встретила вас строгая старуха в чопорном платье, – спокойно перебила ее Кларисса. Насчет старухи она явно погорячилась – на вид ей было не больше пятидесяти лет. – Я понимаю, дорогая, твои грезы, что принц начнет отбор прямо в холле и, естественно, сразу же выберет тебя. Надеюсь только, что в твоих мечтах отбирал он будущую императрицу не по тому, какая она умелая в постели – шлюхи империи ни к чему.

От такой отповеди Велания покраснела, с яростью взирая на сваху, но сказать ничего не посмела.

– С твоего позволения я продолжу? – насмешливо уточнила Кларисса, и стушевавшаяся Олькутт опять промолчала. – В первую очередь мне хотелось бы сказать о правилах пребывания во дворце. В Центральном павильоне, равно как и в правом крыле, вы появляться не должны. На откуп вам и проходящим в рамках отбора испытаниям отдано левое крыло, принадлежащее принцу Максимилиану. – Заметив, как загорелись хищным пламенем глаза участниц, Кларисса усмехнулась. – Разумеется, на время отбора его высочеству выделены

покои в правом крыле. В обычное время помещения, находящиеся там, принадлежат Виктору, но...

Я усмехнулась. Может так случиться, что после отбора регенту не выделят покоев ни в одном из крыльев дворца, так что переселение принца можно считать условным – скоро ему официально будет принадлежать вся империя.

Девушки издали единый разочарованный стон – Максимилиан поступил очень мудро, переселившись, иначе его покои оккупировали бы в первую ночь. Только вот возникали сложности с моим заданием – интересно, как подслушивать важные разговоры и ловить мимолетные взгляды, если я буду постоянно находиться в окружении одних только конкурсанток. Заверения Ингириха и Роила в том, что мне дозволено будет блуждать по дворцу в непосредственной близости от принца, рассыпались прахом, хотя и в самом начале не выглядели такими уж правдоподобными. Вся эта доверенная мне операция мало того что была не продумана, так еще и выглядела откровенно глупой. Не удивлюсь, если майор с подполковником придумали ее самостоятельно, желая заработать дополнительные нашивки на мундир.

– Гулять в парке вам дозволено с девяти утра до девяти часов вечера. Будете застигнуты под деревом в одну минуту десятого – без разговоров удаление из отбора. Исключение – личное разрешение принца либо же мое.

Я чуть не засмеялась, когда заметила, что некоторые из девушек пришли в полнейшее отчаяние, – уверена, их планы по вычислению окон Максимилиана и десантирование с ближайшего дерева прямо к нему в спальню, дабы повысить свои шансы на победу, только что рассыпались в прах.

– А если принц пригласит меня ночью в парк? – громко спросила девица с платиновыми волосами и пухлыми капризными губками. По дорожке она шла как раз за мной, и я слышала ее имя – Кароль Вилз. – Что тогда? Прощаться с ним без пяти минут девять?

Кларисса насмешливо закатила глаза, поражаясь чужой глупости:

– Девушка, позвольте дать вам совет: пореже открывайте рот, иначе свидания с принцем вам не видать. Я же только что сказала: личное разрешение принца аннулирует запрет на прогулки ночью в саду.

Кароль страдальчески сморщила гладкий, без единой морщинки лобик.

– Не поняла, – не обращая внимания на мудрый совет свахи, опять протянула она, хлопая ресницами. – А если меня пригласит на свидание принц, мне нужно у него спрашивать разрешение?

Кларисса устало отмахнулась от девушки и, предоставив Кароль самостоятельно справляться с нахлынувшими на нее рассуждениями, спросила:

– Телефоны сдали все?

Ответ был бы излишним – сваха знала, что нас обыскали.

– Разговаривать вы можете по дворцовому телефону. С кем угодно, но... – Кларисса выдержала долгую паузу, – строго ограниченное время. На всех девушек выделяется два часа телефонной связи в день. С этим временем вы вольны поступать как угодно – может потратить и одна из вас за раз, а можете по-честному разделить на всех. По истечении условленных минут телефон просто-напросто выключается.

Раздались возмущенные крики – шутка ли сказать, всего два часа на двадцать шесть девушек, каждой из которых жизненно необходимо поделиться впечатлениями об отборе с родными и подругами. Я так вообще похолодела – неизвестно, как теперь поддерживать связь с майором и как узнать о продвижении расследования по Хопсвуду. У Ирека слишком много своих незакрытых дел, и, если обойтись без регулярных напоминаний, к моему он может отнестись с недопустимой халатностью.

Кларисса с затаенным злорадством осмотрела наши погрустневшие лица (что-то мне кажется, она та еще стерва) и продолжила:

– Каждой из вас выдадут карточку с определенной, могу сказать, немаленькой суммой, чтобы вы приобрели необходимую одежду, – это было как раз кстати, ведь сумки нам брать запретили. – Никаких указаний на этот счет не будет – вы вольны одеваться в соответствии со своим вкусом и... воспитанием. Еще несколько слов о процедуре отбора, и перейдем к неприятной части нашего с вами знакомства.

Неприятной? То есть до этого сплошь пряники раздавали?

– Конкурс продлится ровно до того момента, когда останется одна невеста или же... ни одной. Да-да, дорогие мои, такой вариант

развития событий тоже может быть, если никому из вас не удастся заинтересовать принца настолько, чтобы он выбрал императрицу. – Мне это показалось маловероятным. Ведь тогда Максимилиан не сможет вступить на престол и придется созывать новый отбор. – Так как ваше пребывание здесь подразумевает состязание, у каждой будет возможность выделиться и показать ничтожность соперниц, что в принципе одно и то же. Разница только в моральном удовлетворении.

Кларисса показала зубы, таким образом демонстрируя, что пошутила. Мы все вежливо улыбнулись.

– А вот теперь, как я и обещала, неприятная часть. Девушка, которая упала на дорожке, выйдите вперед.

Несчастливая со страхом отпустила мою руку и с трудом подошла к свахе, шатаясь и спотыкаясь. Было заметно, как плохо невеста себя чувствует, но, похоже, это волновало только меня. Кларисса безо всякого сочувствия осмотрела девушку, недовольно поморщилась и приказала:

– Представьтесь.

– Питта Варс.

– Питта, вас предупредили, что опасно отвечать на рукопожатия зрителей?

– Я решила, что раз в руке ничего нет, это безопасно...

– Мне плевать, какие мысли пришли в вашу прелестную головку. Вас предупредили?

– Да, – Питта понуро опустила голову.

– Некоторые из таких условных доброжелателей надевают на руки перчатки, которые пропитывают ядом гренадских собак. И когда вы так безрассудно «подумали» (не делайте этого больше, правда), яд через кожу и поры попал в ваше тело, вызвав ужасное отравление. Доктор вколол противоядие, и вы не умрете, но из отбора, естественно, выбываете. Империи не нужна столь глупая императрица, не способная следовать советам охраны – она и до коронации не доживет. Насчет дальнейшей терапии обратитесь к врачу. Вы свободны, милочка.

Питта залилась горькими слезами и, уже не стесняясь своей слабости, упала на колени. Большая часть нашей уменьшившейся компании смотрела на нее с жалостью, но Велания и подобные ей не скрывали ликования.

Кларисса равнодушно отвернулась от Питы и обратилась к оставшимся девушкам:

– Злодей, который совершил преступление против государства, напав на невесту принца, будет допрошен. Независимо от исхода допроса будет проведено расследование, и если одна из вас замешана в том, что случилось, ей несдобровать.

– Это могла сделать только очень неуверенная в себе особа, – заявила Велания, красноречиво сверля взглядом девушку из Поганки. – Кто-то, у кого есть связи среди отбросов.

– Судя по твоей речи, такие связи здесь только у тебя, – фыркнула одна из девушек, с неприязнью взглянув на богатую выскочку.

– Ха! – Велания одним движением отбросила волосы за спину. – Будущей императрице такие грязные способы избавления от соперниц ни к чему.

– В таком случае в покушении точно виновата ты, – не уступила девушка.

Надо выяснить ее имя – она мне, вне сомнения, нравится.

– Невесты! – рявкнула Кларисса, мигом погасив начинающийся конфликт. – Вы же не в курятнике! Завтра вам предстоит знакомство с принцем, и спешу напомнить, что подходящих, да и каких-либо других нарядов нет ни у кого. Неужели время до девяти часов вы потратите на распри, а не на походы по магазинам?

Всем сравнение с курицами не понравилось, но, надо признать, данное Клариссой определение лучше всего выражало степень накала отношений между невестами. Сваха, посчитав, что вопрос исчерпан, развернулась и направилась вверх по увитой цветами лестнице, приглашая нас идти следом. Ступени были поистине огромны – на каждой умещалось восемь конкурсанток, правда, во избежание подлого тычка или подножки все старались держаться обособленно.

Нас провели в левое крыло дворца. Чтобы до него дойти, пришлось преодолеть множество проходных комнат Центрального павильона, но нам объяснили, что существует и отдельный вход, чтобы невестам не приходилось нарушать запреты при каждой прогулке в сад. В небольшой галерее, по обе стороны которой располагались двери в спальни, Кларисса остановилась.

– Это спальная галерея, в которой вы будете проживать во время отбора. На каждой из дверей спален есть табличка с именем невесты,

которая будет в ней проживать. На тумбочке вы найдете банковскую карточку, которой будете расплачиваться, и телефон.

Не успели девушки оживиться, как Кларисса уточнила:

— По такому телефону вы сможете соединиться только с аппаратами внутри дворца. Например, с прислугой или же с шофером. Но вынуждена уточнить: без повода дворец покинуть не удастся — сегодня исключительный случай, но уже с завтрашнего дня для этого вам потребуется отдельное разрешение. Все понятно?

Мы вразнобой кивнули, некоторые вслух подтвердили, что вопросов нет, и сваха, удовлетворенно улыбнувшись, нас покинула.

Моя дверь оказалась третьей справа. Рядом были комнаты Велании и девушки по имени Кризан Арборах. Напротив моей спальни висела табличка с именем Питты Варс, но этой комнате предстояло оставаться пустой.

Предназначенная для меня спальня была очень уютной и комфортной. Двухспальная кровать под тонким, почти воздушным балдахином; большой, во всю стену, шкаф, тумбочка и туалетный столик с зеркалом. Справа у окна едва поместилось кресло. В интерьере в основном использовался голубой цвет, различные оттенки которого изумительно сочетались между собой.

Не тратя время, я взяла карточку, вызвала по телефону шофера и отправилась за покупками. Все девушки поступили точно так же и в большинстве своем выглядели вполне довольными жизнью. Кроме, пожалуй, Велании. Она шла рядом с симпатичной русоволосой девушкой с немного крупными чертами лица и громко жаловалась ей на организаторов отбора. Причиной ее возмущения стал тот факт, что невестам приходится суетиться, разыскивать за столь малое время подходящую одежду. Как оказалось, Велании хотелось, чтобы для нее пригласили гарнизон швей. Я, стараясь не засмеяться в голос, ускорила шаг и обогнала бесцеремонную девицу, которая уже обзавелась прихлебательницей. Наверное, грустно быть человеком, настолько недовольным жизнью.

Для шопинга батальона невест на один день остановили работу крупного торгового центра, наводнили его охраной и досконально обыскали продавцов. Бедные кассиры, пробивая товары, опасались лишний раз моргнуть, настолько грозно выглядели мужчины, сопровождающие каждую невесту. Не обошлось и без перепалок. Две

девушки (к сожалению, не успела выяснить их имен) сошлись в рукопашную, пытаясь поделить понравившееся платье. До нанесения серьезных увечий не дошло – вовремя вмешалась охрана, но платье было безнадежно испорчено.

Во дворец я вернулась в половине девятого и, надо сказать, успела одной из первых. Шофер принес кучу пакетов в мою комнату, и ожидавшие меня служанки принялись спорить разбирать покупки. В этот день ужин для меня принесли в спальню, предупредив, что с завтрашнего дня приемы пищи будут коллективными и в строго обозначенное время.

Каждое мое движение горничные сопровождали настороженными взглядами, будто бы подозревали меня в воровстве. Непонятно только, что я должна была украсть в первую очередь – кровать или туалетный столик, от шкафа-то они в настоящий момент не отходили. Не стоит и говорить, что аппетит у меня пропал, в такой-то атмосфере.

Я вышла в ванную, надела легкое бирюзовое платье и сандалии на плоской подошве и отправилась прогуляться. Горничные моему уходу искренне обрадовались. Похоже, мы обоюдно в присутствии друг друга чувствовали себя не очень уютно.

О предупреждении Клариссы не заходить в Центральный павильон и правое крыло я помнила и запрет нарушать не собиралась. Мне пришло в голову осмотреть открытую для прогулок территорию, ведь галерея спален невест была практически в начале огромной территории крыла.

Другие девушки, по-видимому, примеряли наряды, потому что, проходя по коридору, я периодически слышала восторженные вскрики. Галерея спален сменилась небольшим цветущим садом, который было удивительно видеть не только из-за времени года, но и из-за того, что здания я не покидала. На улице уже стемнело, сквозь стеклянную крышу свет не поступал, но небольшие светильники, скрытые в зарослях, и маленькие фонарики по границам аллеи создавали ощущение естественных сумерек. В изумлении я прикоснулась к розовым лепесткам иделльской гортензии, которую раньше видела только на картинках, но вдохнуть ее аромат побоялась, зная, что иногда он может вызывать галлюцинации. По роду своей деятельности обо всех растениях, так или иначе вызывающих одурманивание сознания, я была наслышана. Слева, касаясь меня своими колючими розовыми

ветвями, склонилась ангаррская пихта, взгляд притягивали рваные кусты пиколий, а плетенные из тонких прутиков кресла прямо-таки упрашивали присесть.

Я выбрала кресло, стоящее в зарослях межмирской брусники, кусты которой были даже выше меня. Ни одной птицы видно не было, но, если прислушаться, можно было различить их пение, равно как и шум ручья. Скорее всего где-то в стенах, умело сокрытая под вьющимися растениями, располагалась аудиосистема. Меня настигло какое-то светлое чувство, схожее с истинным восторгом, которое всегда наступало, когда я играла на флейте либо же... В моем детстве, полностью контролируемом мамой, было еще кое-что, доставляющее мне невообразимое удовольствие.

Когда мне было десять лет, весь наш класс сбежал с последнего урока. Большая часть детей разбрелись по домам, единицы завернули в кафе проедать карманные деньги, мне же податься было некуда – мама не работала и нарушение дисциплины сразу бы засекала, а вместо денег мне выдавали вкусные (это не мое мнение) и питательные завтраки. Тогда один одноклассник предложил пойти с ним на тренировку. Разумеется, я согласилась.

Полутемное подвальное помещение с лежащими на полу матами меня немного напугало, а когда взгляд поймал существ мужского пола разного возраста, комплекции и даже вида, я и вовсе забилась в истерику. С трудом успокоив, мне объяснили, что в этом подвале занимаются борьбой, и тренер вроде бы в шутку предложил попробовать. В этот день домой я пришла с синяками (хотя в пару со мной поставили семилетнего мальчика), но неожиданно даже для самой себя одухотворенная.

Гнетущее состояние и страх перед матерью не исчезли, но притупились, и я в кои-то веки почувствовала себя свободной.

На следующий день я опять пришла в тот подвал, теперь уже прогуливая курсы театрального мастерства. А потом еще и еще, попеременно пренебрегая теми занятиями, которые мама позволяла мне посещать без сопровождения. Удивительно, преподаватели на мои редкие, но систематические прогулы закрывали глаза, наверное, посчитав, что такая старательная и ответственная девочка без уважительной причины уроки бы не пропустила.

К четырнадцати годам я достигла довольно высокого уровня владения боевым самбо и межмирской борьбы, но ни в каких соревнованиях не участвовала, ограничиваясь ставшим уже родным подвальчиком. В глубине моей души всегда сидел страх, что мама узнает о моем увлечении. Если уж она флейту считала неинтеллигентной, то что она могла подумать о борьбе?

Раскрылось все абсолютно неожиданно. Я уже училась в колледже, но дополнительные уроки, естественно, посещала. Преподаватель по ораторскому искусству позвонил маме, предупредил, что урок отменяется. Родительница, занятая своими делами, мне передать эту информацию забыла, и именно в этот день я прогуляла уже отмененный урок и отправилась на борьбу. Удивленная мама выслушала мой рассказ о том, что я хорошо провела день, и нет, раньше не освободилась. Она молчала, но с этой минуты часы, оставшиеся до моего разоблачения, начали утекать. За мной проследили, обнаружили «этот жуткий разврат» и закатили скандал, который описывать нет никакого желания. Отстоять свое увлечение мне не хватило ни моральных сил, ни опыта манипулирования, поэтому на целый год мне пришлось забыть о любимом подвальчике и друзьях, оставшихся там. Зато, когда уж мне исполнилось восемнадцать лет, я сбежала из дома и обратилась за помощью к своему тренеру. Во многом благодаря ему Оррах и принял меня на службу, хотя не имел на это права. И полностью его заслугой является то, что я удержалась на довольно сложной службе в СИБ так долго. Борьба мне пригодилась гораздо больше, чем скрипка.

Когда, помимо приятных звуков природы, слышался звонкий стук каблучков по плиточной дорожке, я подумала, что гортензию все-таки трогать не стоило, но на случай, если идущая ко мне девица реальна, затаилась. Поддерживать с кем-то бессмысленный разговор не хотелось. Сквозь густую листву брусники мне было видно, как девушка, одетая в обтягивающее белое, длиной до колена платье остановилась рядом с моим укрытием, сняла с себя туфли и, помедлив (по-видимому, огляделась, лицо от меня было скрыто), двинулась дальше.

Несколько секунд я сомневалась, стоит ли обращать на девушку внимание, ведь вполне может быть, что это горничная, возвращаясь в свою комнату, решила сойти с неудобных ходулей, на которые по

случайности поднялась, но чувство эйфории уже исчезло, а любопытство острой иглой жгло небезызвестное место, вынуждая встать.

Я осторожно выглянула из зарослей: девушка уже была в конце аллеи, хотя шла очень осторожно, беспрестанно поглядывая по сторонам. Такое поведение было более чем странно – вряд ли прислуге запрещено появляться в какой-то из открытых галерей дворца.

Большие стеклянные двери, ведущие из сада, девушка открыла с трудом, нечаянно задев стекло тубельками, которые держала в руке. Раздался звон. Негромкий, но девушка вздрогнула и оглянулась, так что я едва успела спрятаться. Лица ее разглядеть не удалось – приходилось довольствоваться знанием того, что преследуемая мной особа блондинка, а выдающаяся пятая точка и немаленький рост навевали мысли о том, что передо мной одна из невест принца.

Дверь и впрямь оказалась тяжелой. Я аккуратно проскользнула в небольшую щелку в тот момент, когда девушка уже пересекала следующую за садом картинную галерею. Помещение было почти не освещено – тусклые светильники на столах лишь создавали причудливые тени, но если девица вдруг обернется, то не заметит меня не сможет. Приходилось уповать на удачу, и она меня не оставила. Я двигалась, прижимаясь к стене, и старалась приноровиться к чужому шагу, чтобы не приблизиться слишком близко, но и не потерять цель из вида.

Удивительно, но девушка будто бы знала, куда идти, – все быстрее мы проходили через многочисленные коридоры, галереи и лестницы, не теряя времени на раздумья. Несколько раз девушка останавливалась у очередного коридора, прислушиваясь, пережидая патрули и проходящую по своим делам прислугу, и, естественно, такая скрытность возбуждала мое любопытство еще сильнее.

Я не сразу поняла, что мы вернулись к Центральному павильону. Немного изменилась отделка коридоров – левое крыло строилось позже всех остальных, и его стены в полной мере претерпели влияние новомодных дизайнерских тенденций. Об этом мне говорила мать, ей нравились классические мотивы в оформлении, и надругательство (именно это слово она применяла, хотя я в полосатых стенах ничего плохого не вижу) над важной частью дворцовых построек ее очень возмущало. Разумеется, в материнских мечтах присутствовал момент

перестройки дворца, когда я стану его хозяйкой. И конечно же, происходило бы это под чутким маминым руководством.

В общем, факт нарушения запрета свахи мне был известен, но сомнений насчет правильности такого поступка не возникало – преследуемая мной девушка уверенно двигалась вверх по витой лестнице, замирая на пролетах и опасливо оглядываясь, и упустить ее я не имела права.

В последний раз девушка оглянулась в полутемном коридоре, находящемся почти под скатами крыши Центрального павильона, и не заметила меня по чистой случайности – как раз перед этим я слишком резко выглянула над перилами лестницы, ударилась носом и инстинктивно пригнулась, потирая пострадавшую часть лица и проклиная и собственное любопытство, и задание руководства. Опять не удалось рассмотреть ее лицо, к тому же, пока я поднялась на этаж, девушка нырнула в одну из дверей.

Теперь прятаться не имело смысла – коридор был абсолютно пуст, и я медленно двинулась по нему, прислушиваясь к звукам, доносящимся из-за закрытых дверей. Тихо, опять тихо, и вдруг... злой шепот:

– Ты зачем пришла?

Я припала ухом к двери. Если бы девица решила выйти, уверена, избежать падения, как морального, так и физического, мне бы не удалось.

Что ответили мужчине (а шепот был явно мужской), слышно не было, но хотя бы я слышала одного говорящего.

– Допрос неизбежен. Исполнитель это отлично понимал. Почему ты так волнуешься?!

О чем это они? Неужели о преступнике, задержанном сегодня на церемонии? Если бы была возможность, я бы еще глубже впечаталась в дверь, дабы выяснить подробности разговора, но увы.

– Все хорошо, твоя паника бес-по-лез-на. Думай о главном.

Главном? Что для этой парочки главное? Победа в отборе? Может быть, смерть принца? Или я зря приписываю им заговор, возможно, устранение конкурентки – единственное их злодеяние.

– Принца здесь нет! – Увлеченная догадками и репликами из-за двери, я не сразу поняла, что мужской голос не шепчет, а достаточно громко доносится... из-за моей спины. Резко обернувшись, я увидела

мужчину, одетого в темно-зеленый мундир и раздраженно взирающего на меня сверху вниз. Именно сверху вниз. Хотя с моим ростом я уже и забыла, когда это могла позволить себе такую роскошь, как смотреть на чистокровного человеческого мужчину, задрав голову вверх. Лицо мужчины показалось мне странно знакомым, и пришлось даже встать на цыпочки, чтобы в тусклом свете настенных светильников рассмотреть его поближе. Темные глаза, нахмуренные брови, прямой нос, твердые губы, сжатые в упрямую полоску, и легкая седина на висках, удивительная оттого, что старым мужчина не выглядел... Вроде бы задерживать его не приходилось, и тут меня словно током ударило, даже ноги подкосились. Этого человека я видела каждый день – на плакатах, в выпусках новостей, даже на портрете в кабинете Орраха. Передо мной стоял регент Ригарийской империи Виктор Ригарин.

Я запоздало поклонилась, да так и застыла, боясь поднять глаза. Вопрос об изгнании меня с отбора, думаю, был решенным, но существовал еще риск того, что меня и в шпионаже обвинят.

– Добрый вечер, – пискнула я, судорожно выискивая достойные поводы появиться в Центральном павильоне. – Я не принца искала.

Регент смерил меня раздраженным взглядом, сложил руки на груди и ядовито уточнил:

– Я же правильно понимаю, что вы одна из невест Максимилиана?

Я медленно кивнула – в такой ситуации врать не имело смысла. Регенту ничего не помешает вызвать Клариссу, которая мигом раскроет мое и так крайне неустойчивое инкогнито.

– Что же вы в таком случае здесь искали, если не принца? – Виктор с интересом приподнял брови, а я вдруг подумала, что этот мужчина удивительно хорош, скользнула взглядом по его рукам, представила, как он меня обнимает, и тут же отругала себя за такие мысли.

– Я заблудилась. – Тон мой был решителен и серьезен, чтобы не допустить и тени сомнения в достаточно глупом утверждении. Вылететь из отбора я могла себе позволить, а вот сесть за то, что подслушивала кого-то из приближенных короля (а кто еще мог проживать в Центральном павильоне?), нет. К слову сказать, заговорщики затаились, по-видимому, расслышав достаточно громкий голос регента.

– Я, конечно, знаю, что в непосредственной близости от моего племянника многие женщины начинают страдать кретинизмом, но не думал, что топографическим, – издевался Виктор, а я вдруг разозлилась. Застал в неполюженном месте, так выгоняй из отбора, а унижать нечего! И, гордо подняв голову, заявила:

– Да, страдаем, и не только в непосредственной близости, а даже и при мысли о нем. Не завидуйте, ваше величество, уверена, у вас тоже в прошлом есть славные моменты, связанные с красивыми женщинами.

Регент пораженно на меня уставился, наверное, впервые в жизни не зная, что сказать. А я ждала. Ждала крика, обещаний смерти, фактического изгнания из отбора, но не задумчивого взгляда, не тихих слов:

– Вы считаете меня старым?

Я удивленно взглянула на регента. Стариком я его точно не считала – он был гораздо младше покойного императора и только-только достиг возраста тридцати пяти лет. Но повышать мужскую самооценку мстительно не собиралась, поэтому язвительно, с намеком на раздумья, произнесла:

– Ну что вы, старым не считаю. – И, не успел Виктор расслабиться, добавила: – Но, безусловно, принц гораздо привлекательнее вас.

– Похвально, что вы так преданы жениху, – усмехнулся мужчина. – Но вопрос был в другом, а привлекателен ли я в ваших глазах, меня совершенно не интересует. Статус, знаете ли, позволяет не обращать внимания на мнение сопливой девицы с амбициями императрицы.

– Тем не менее мнением сопливой девицы насчет вашей приближающейся старости вы поинтересовались, – ядовито заметила я.

Но регент нисколько не смутился.

– Мне было интересно, как далеко вы продвинетесь в жалких потугах меня задеть.

Я судорожно сжала зубы, не понимая, как это самоуверенное хамло могло показаться мне симпатичным, и зло заявила:

– По-видимому, не такие уж они были и жалкие, раз вы так разъярились.

Виктор вдруг расхохотался, а успокоившись, наклонился, чтобы лучше меня рассмотреть, и сказал:

– Это будет интересно, в самом деле...

Я, насупившись, смотрела на регента, не понимая, что он имеет в виду, но регент мне пояснил:

– Я имею в виду отбор. И ради того, чтобы увидеть, как мой племянник потерпит фиаско в перепалке с вами, я сейчас сделаю вид, что не знаю о запрете для невест покидать левое крыло.

Я онемела от неожиданности. Постояла молча, переваривая, и наконец, осознав слова Виктора, уточнила:

– То есть вы меня отпускаете?

– Отпускаю, – передразнил меня регент тоненьким голоском.

В свете его последних слов на такую явную издевку я не обратила внимания:

– И не скажете ничего Клариссе?

– И даже принцу ничего не скажу. – Регент устало потер переносицу. – А если уйдете прямо сейчас, не задавая более глупых вопросов, даже забуду, как вы выглядите. Хотя нет, это я сделаю в любом случае.

В восторге от того, что удалось избежать наказания, я убежала, едва вспомнив о том, что необходимо поклониться. Немного поплутала по коридорам, но в конце концов добралась до своей спальни, с удовольствием обнаружила, что горничные уже ушли, и легла спать.

## Глава 5

Завтракали мы ровно в девять утра в главной столовой левого крыла. Проснулась я рано, впервые ощущая себя выспавшейся, ведь когда я работала, лечь раньше полуночи и встать позже пяти утра для меня было непозволительной роскошью.

Для первой встречи с принцем я выбрала гипюровое платье лавандового цвета значительно выше колен. Долго размышляла над прической и наконец, рассердившись на себя, оставила волосы распущенными. В конце концов, вряд ли принца возможно удивить вычурными буклями либо экстравагантной стрижкой – слишком много вокруг него трется девушек, так что способность изумляться у него давно атрофировалась.

В столовую я пришла без пятнадцати минут девять и, обнаружив, что она полна народа, в первый момент даже испугалась – решила, что спутала время. Но нет. Зал наводнили журналисты, расставляющие свою аппаратуру по местам, официанты, спешно накрывающие на стол, и охранники. Из невест пораньше прибыли только трое. Кризан Арборах, чья спальня находилась рядом с моей, – немного сутулая брюнетка с серыми глазами и приятным оттенком волос. Бровки домиком придавали ее лицу вечно удивленный вид. Ильфеина Вайес – хрупкая миловидная девушка, которой я не дала бы и шестнадцати лет, несмотря на ее высокий рост. И Вудтир Гвинон была блондинкой, к тому же настолько уверенно держалась перед камерами, да и вообще в подобном столпотворении людей, что зародила во мне подозрения насчет личности ночной путешественницы, которую я вчера преследовала.

После беглого и крайне неловкого знакомства Вудтир отделилась от нашей небольшой компании и отправилась к журналистам. Мы проводили ее озадаченными взглядами.

– Мне кажется, я ее где-то видела, – задумчиво проронила Ильфеина, перебирая пряди волос. У нее, я заметила, руки никогда не находились в покое, ежесекундно что-то трогая, перебирая, гладя, вертя.

– Неудивительно, – фыркнула Кризан. Она вообще оказалась очень говорливой и несколько шумной. – Она профессиональная модель, ее фото в нескольких мужских журналах прямо на обложке.

– Точно, – ахнула Ильфеина, занервничав еще больше. Вудтир тем временем командовала операторами, объясняя им, с какого ракурса ее лучше снимать во время завтрака. – Куда уж нам с ней тягаться.

Мы с Кризан удивленно воззрились на Ильфеину. Даже странно, как девушку с такой низкой самооценкой отобрали свахи.

– Я сдаваться не собираюсь, – непреклонно заявила Кризан. – Всем известно, что у моделей на лице густо, а в голове пусто, так что уж пусть попробует со мной потягаться. Ты чего молчишь? – она обратилась ко мне. – Тоже собралась уходить, не поборовшись?

– Я не уйду, – попробовала вмешаться растерянная Ильфеина.

– Молчи, с тобой все уже понятно. – Кризан сделала знак рукой, будто выключила звук, и с насмешкой уставилась на меня: – Ну?

Ссориться не хотелось, но Кризан, к которой в первый момент знакомства я испытывала симпатию, начинала меня раздражать. И отношением к застенчивой Ильфеине, и стремлением утвердить свой авторитет.

– Не запрягла, не понукай, – наставительно изрекла я и сложила руки на груди.

Кризан приняла зеркальную позу:

– Придумываешь, что ответить?

– Мои мозги работают не как несмазанный мотор, так что размышляю я быстро. А если молчу, значит, не хочу разговаривать. И вполне возможно, что с тобой.

Кризан сощурилась, переваривая мой ответ:

– Ты хочешь завести здесь врагов?

– Заводят на стоянке автомобиль, а я на отбор пришла за мужем.

Ильфеина с восторгом взглянула на меня, но вмешиваться в перепалку не спешила.

– Бери первого попавшегося охранника и ступай замуж – как раз твой уровень, – с издевкой заявила Кризан.

Но я спокойно ответила:

– Если полюблю, возьму за руку и уйду, а ты с такими мужицкими наклонностями останешься одна.

– Тихо, – прошептала испуганная Ильфеина.

В столовую, держа в руках планшет и зорко осматривая комнату, вошла угрюмая Кларисса. Мы с Кризан тут же растянули губы в улыбках и, смерив друг друга злобными взглядами, разошлись в разные стороны.

Пока мы с Кризан препирались, в столовую пришли остальные невесты, запаздывали только Велания, которая, по-видимому, опять собиралась обеспечить себя порцией внимания, и Мирана.

За несколько минут до девяти часов на всех невест навешали микрофоны. Ровно в назначенный срок заявила Велания, раздосадованная тем, что столкнуться с принцем в дверях не удалось, и на пять минут задержалась моя рыжеволосая знакомая.

– Что-то случилось? – тихо спросила я, когда запыхавшаяся Мирана встала рядом со мной. Кларисса проводила ее недовольным взглядом и сделала какую-то пометку в планшете.

– Случилось, – зло усмехнулась девушка. – Кто-то подпер мою дверь.

Нас рассадили за длинным овальным столом согласно схеме из планшета Клариссы. Причем Вудтир закатила скандал, так как ее посадили справа от места, предназначенного для принца, а левый профиль, оказывается, не такой прекрасный, как правый. Модель еле удалось утихомирить, настолько она разбушевалась, уверяя, что организаторы специально вставляют ей палки в колеса, но тем не менее ни одну из невест с Вудтир местами не поменяли. Сваха, хладнокровно глядя в покрасневшее от досады лицо девушки, пояснила ей, что придется сделать выбор: или поместить свой зад на выделенное место, или же удалиться из дворца вон. В Ригарийской империи у каждого имеется свобода выбора.

Когда конфликт был улажен, в столовую вошел Яш Орчаковский.

– Доброе утро, красавицы. – Ведущий залихватски приобнял Клариссу за плечи и чмокнул ее в щеку. Несгибаемая на вид сваха смущенно зарделась.

– Как вам первый день во дворце? – Яш подмигнул сразу всем и никому в отдельности. По лицам девушек было заметно, что ведущего они ждали с гораздо большим нетерпением, чем ожидают встречи с принцем. – Не отвечайте, догадываюсь, что вы в восторге.

Велания презрительно фыркнула, да так громко, что не обратить на нее внимания было невозможно.

– Вы что-то хотели сказать? – вежливо осведомился Яш. Он, наверное, забыл о своей первой встрече с Олькутт.

Велания встала со стула (дабы быть заметнее), отбросила длинные волосы за спину, приняла эффектную позу (руку в бок, ногу отставила) и приготовилась вещать.

– Хочу сразу предупредить, – ехидно проронила Кларисса. – Если вам не нравится дворец, вы прямо сейчас удалитесь из него. Это из эфира вырезать.

Сваха повернулась к журналистам. Довольными они не выглядели, но согласно кивнули. Кларисса улыбнулась и опять обратилась к Велании:

– Говорите, не стесняйтесь. Беспристрастное мнение всегда интересно.

Велания ослепительно улыбнулась и присела обратно за стол. Яш виновато кашлянул, как видно, Олькутт ему все-таки вспомнилась.

– Итак, девушки. Рад, что вам все нравится. – Ведущий покосился на Веланию, но она молчала. Правда, выражение ее лица говорило так много, что журналисты опасались поворачивать камеры в ее сторону. – Но, думаю, теперь степень вашего восторга увеличится в разы. Потому что... та-да-ам, в эту залу войдет его высочество наследный принц Максимилиан Ригарин. Простите, но это тот самый случай, когда женщинам для приветствия тоже придется встать.

Яш сделал знак охранникам, и они распахнули двери. Заиграли фанфары, отчего-то раздались аплодисменты, к которым нам тоже пришлось присоединиться, и в столовую вошел принц. Я знала, как он выглядит, как-то смотрела передачу с его участием, но на самом деле регент, который уже десять лет правил империей, гораздо чаще попадал под прицелы видео- и фотокамер. Максимилиан в отличие от своего дяди был не слишком высок, примерно сто восемьдесят пять сантиметров. Стройный мужчина, даже немного худощавый, с короткими вьющимися, но безупречно уложенными волосами и приятными правильными чертами лица. Он был очень обаятелен, но вот отчего-то впечатления сильного правителя не производил. В прессе то и дело мелькали новости о его очередном романе, а затем о бурном, скандальном разрыве. Кстати, судя по светским хроникам, которыми очень увлекалась Марисса, расходиться со своими дамами любовно Максимилиан совершенно не умел.

– Доброе утро. – Принц широко улыбнулся и, не задерживаясь, прошел к предназначенному для него месту во главе стола. – Вы можете садиться, девушки. Уверен, вас тоже морили голодом.

Мы неловко улыбнулись и загремели стульями, усаживаясь. Почти синхронно взмахнули салфетками, стеля их на колени. Яш что-то протараторил перед камерами, анонсируя предстоящий завтрак, и удалился. Я отчего-то нервничала, старалась не поднимать глаз и душила глупую улыбку. Несмотря на заверения о голоде, Максимилиан завтракать не спешил. Отпил из стакана воды и, сцепив руки в замок, сказал:

– Вот мы и встретились. Не думайте, что я пришел совершенно неподготовленным – с вашими анкетами меня ознакомили, как, впрочем, и всю страну. – Некоторые девушки глупо захихикали. – Честно сказать, я немного волновался. Совсем чуть-чуть, но все-таки наше общение будет происходить под прицелом камер, а это, согласитесь, спокойствию не способствует. Но хоть поиск моей суженой и имеет некий элемент шоу, мне хотелось бы, чтобы вы были максимально искренними. А это невозможно, если я буду давать время прорепетировать все свои речи. Сейчас каждая из вас встанет и скажет о себе несколько слов, назовем это мини-презентацией. Многого не требую – пары предложений будет достаточно. Мне-то, конечно, будет в радость провести побольше времени в окружении таких красавиц, но, боюсь, Кларисса не захочет пропустить обед.

На лице каждой из невест были написаны неподдельные паника и изумление. Не знаю, как мы будем вести себя в своей презентации, но в этой эмоции искренними были все.

Принц осмотрел нас проницательным взглядом и, не в силах сохранять серьезность, предложил:

– Давайте я начну первым. Меня зовут Максимилиан. – От его открытой располагающей улыбки становилось как-то тепло и спокойно. – Мне двадцать пять лет, и я не алкоголик. – От волнения невесты даже не засмеялись. – Если серьезно, я люблю танцы, букбалейских ежиков и красивые женские ножки. Но вы не думайте – ножки моей императрицы станут единственными в моих мечтах, грезах и реальности.

– Какой он чудесный, – доверительно шепнула мне на ухо Мирана. Я неопределенно пожала плечами, но в целом была с ней

согласна.

– Принцип нашего сегодняшнего общения все поняли? – Принц отсалютовал стаканом с водой. – После завтрака я приглашу одну из девушек на свидание.

Зря он это сказал. По-моему, большинство девушек тут же вознамерились сочинить сногшибательную речь, чтобы обеспечить себе сегодняшнее randevu. Начали с Кризан, сидевшей по левую руку от принца.

– Я технический гений, – заявила она, только-только оторвав зад от стула, и, замолчав, уставилась на Максимилиана.

– Это чудесно. – Принц кашлянул в кулак. – Но, может быть, вы представитесь?

– Кризан Арборах. – Девушка заметно смутилась. – Я могу починить любой прибор, увлекаюсь разработкой программ автоматической системы регулирования.

– Как приятно видеть умную девушку. – Принц с серьезным видом покивал. – Вы обворожительны, Кризан. Присаживайтесь.

Арборах, зардевшись, присела на самый край стула. Следующей выступала подруга Велании – Роав, но у нее, как и у последующих трех девушек, презентация была стандартна: начинающая фотомоделль, любит текилу/мартини/шампанское (нужное подчеркнуть), влюблена в принца по уши и надеется, что для сегодняшнего свидания будет выбрана именно она. Сложилось такое впечатление, что девушки не смогли придумать себе речь, но запомнили слова Роав. Хорошо хоть догадались заменить имя.

По сравнению с этими клонами выступление Реци Арнан, красивой, эффектной и мускулистой спортсменки, оказалось верхом оригинальности, к тому же девушка была мастером спорта по пауэрлифтингу. Максимилиан с сомнением осмотрел ее плечи, которые были немногим меньше его собственных, и улыбка мужчины несколько померкла.

Речь Велании Олькутт смазала хорошее впечатление, оставшееся от выступления двух девушек до нее, – Зиллы и Макснейл. Велания рассказала, что ее отец является владельцем пяти заводов на спутнике Фрибрина – Рабиоле (наконец-то мы выяснили причину самодовольства Олькутт), и заверила принца в том, что в отличие от остальных невест его богатство ее не интересует.

– Вынужден заметить, – Максимилиан лениво помешивал ложечкой кофе, – что слухи о богатстве императорской семьи очень сильно преувеличены.

Велания явно хотела поспорить, но сваха заблаговременно стала за камерами так, чтобы Олькутт ее видела, и девушке ничего не оставалось, кроме как молча улыбаться.

Следом за Веланией говорить пришлось ее полной противоположности и по внешности, и по характеру, и по благосостоянию – девушке из Поганки. Деньги, неожиданно свалившиеся в виде банковской карты с энной суммой, голову «поганке» не вскружили. Она была одета в простое темно-синее платье и украшений на себя в отличие от той же Олькутт навешивать не стала.

– Меня зовут Нирара Ви, – глядя исключительно в камеры, начала девушка. – Я родом из района Клайфсбет, который вы все называете Поганкой, и понимаю, что для меня это социальный приговор.

Девушки с Ваоля и спутников зашептались – о прозвище одного из думарских районов они не знали.

– Не говорите так, – нахмурился Максимилиан. – В отборе для каждой из девушек созданы совершенно одинаковые условия.

Нирара поморщилась и покачала головой:

– Я говорю не только об отборе. Всю жизнь я сталкиваюсь с совершенно не заслуженными ненавистью и несправедливостью, которые тормозят мое развитие и самореализацию. Выйти из Поганки невозможно – меня не приняли в университет, меня не берут на работу предприятия, которые находятся в других районах... Вы правы, при кастинге в отбор на мое место жительства не обратили внимания, но что будет, когда я выйду из него? Я пришла сюда, чтобы показать людям, что не все «поганцы» преступники и что ваше отношение к нам несправедливо.

Принц в задумчивости откинулся на спинку стула:

– Значит, о свадьбе со мной вы не мечтаете?

– Я мечтаю о настоящей любви. Если она возникнет между нами, это прекрасно. Сейчас могу сказать, что вы мне очень симпатичны, ваше высочество.

И Нирара присела, скромно опустив глаза. Я восхитилась ее хитростью. Девушка привлекла положительное внимание зрителей, ведь как же, такая искренняя, борец за справедливость, и вдобавок

обеспечила себе долгое пребывание в отборе. Сразу ее не выгонят, иначе пресса взорвется обвинениями в предвзятом отношении из-за происхождения.

Разумность Нирары заметила не я одна, потому что несколько девушек, сидящих с ней рядом, признались в любви к принцу и начали жаловаться на тяжелую судьбу жителей Рабиоля и Вассы. Я так думаю, что принц успел пожалеть о своей затее знакомства с невестами с помощью устной презентации. Мы уже полчаса сидели за блюдами, успевшими остыть, и поочередно говорили почти одинаковые вещи. Хотя что это я. У Максимилиана был шанс уже на первых минутах выяснить, кто императрицей точно не сможет стать, хотя бы из-за скудости фантазии.

Последней девушкой, сидящей по левую руку от принца, была впечатляющей внешности брюнетка Бруниса Утвальд. При виде ее груди минимум шестого размера принц заметно поглупел и заблудился взглядом в огромном вырезе обтягивающего красного платья.

– Доброе утро, – низким, завораживающе томным голосом произнесла Бруниса. Клянусь, ей отчаянно не хватало длинной сигары и полумрака. – Мне так давно хотелось увидеть вас, Максимилиан... Вы же не против, что я называю вас по имени, мы все-таки жених и невеста. Почти.

Все девушки почувствовали себя неудобно, будто ненароком заглянули в чужую постель. Принц судорожно сглотнул, взгляд его опустился ниже и вновь застыл – уже на круглых бедрах.

– Конечно... Я... я тоже рад. Бесконечно.

Использовать слова, начинающиеся на «бе», со стороны Максимилиана было неразумно – в этот момент он здорово походил на барана.

– Вот дрянь, – зло прошептала Мирана, но я с ней согласиться не могла. Принцу впору блюдечко подавать для капающих слюней, и здесь вина Брунисы состоит только в природной сексуальности.

Что говорила Бруниса дальше, Максимилиан не слушал. Зато мы узнали, что девушка по фамилии Утвальд любит сыр, дорогие автомобили и кружевное белье. Радовало, что нам его хотя бы не продемонстрировали.

Мирана выступала сразу после Брунисы, и ее недовольство было понятно. От ревности рыжая красавица еще больше похорошела –

зеленые глаза ярко горели, на щеках проступил румянец, а пышная грива растрепалась. Принц с трудом отвлекся от загипнотизировавших его прелестей Брунисы и переключился на Мирану.

– Вы похожи на солнце, – улыбаясь, возвестил Максимилиан.

Мирана смутилась, еще больше порозовела и, наверное, простила принца за такое пристальное внимание к другой девушке. А я вдруг поняла, что совершенно не знаю, что сказать. Все это время слушала других невест, примеряла их представление на себя, но полноценного и яркого рассказа так и не придумала.

Мне казалось, Мирана ничего не говорила – так быстро она села. Дрожащей рукой я оперлась на стол и осторожно, стараясь не упасть, встала. Несмотря на то что понравиться принцу не было моей целью, а скорее выступало способом, опозориться на камеру ужасно не хотелось. Максимилиан ободряюще улыбался; девушки, уже успевшие о себе рассказать, с превосходством смотрели на остальных, а у тех на лицах была написана тяжелая работа мысли.

– Меня зовут Рэйя Адальстан, – звонко сказала я, радуясь, что голос не дрожит. – Я старший сержант Службы имперской безопасности.

– Вот как? – искренне удивился принц. – Я надеюсь, во дворце вы находитесь не в поисках преступников?

«Какая проницательность», – мысленно усмехнулась я.

– В какой-то мере вы правы, ваше высочество. Я здесь в поисках опытного вора, способного похитить мое сердце. Рассчитываю, что у вас достаточно квалификации.

– Можете не сомневаться. – Максимилиан выглядел до предела самодовольно.

Я постаралась не обращать внимания на эту типичную реакцию ловеласа и продолжила:

– Я очень люблю темный шоколад, мотоциклы, танго и флейту.

Почти все правда. Кроме шоколада – я его вовсе не люблю.

– Мотоциклы – странное увлечение для красивой девушки.

– Не более чем букбалейские ежики, – парировала я, присаживаясь.

Но принц не сводил с меня взгляда, заставляя следующую девушку нетерпеливо ерзать:

– Надеюсь, вы докажете мне, что это не просто слова, сказанные, чтобы привлечь внимание.

Я растерялась, не понимая, стоит ли расценивать эти слова как приглашение на свидание. Ни одной из невест Максимилиан не говорил ничего о будущем. С одной стороны, это было неплохо, ведь свой срок пребывания в отборе я продлила. А с другой стороны... И с другой стороны минусов не наблюдалось – принц мне понравился.

Рассказы остальных девушек проскользнули мимо моего внимания. Что-то шептала Мирана, в голову лезли мечтания о первом свидании с Максимилианом, и мне показалось, что прошла всего минута, как вдруг принц встал и обратился к нам:

– Дорогие мои невесты! Я прекрасно провел время и могу сказать, что выбор свих пришелся мне по душе. Сейчас я уйду – дам вам возможность спокойно закончить завтрак. Но перед этим мне хочется пригласить на свидание одну из вас.

Все девушки подались вперед, надеясь, что сейчас назовут ее имя. Максимилиан это понимал, поэтому выдержал недолгую, но очень томительную паузу и, в сотый раз за сегодня улыбнувшись, сказал:

– Ильфеина. Сегодня в шесть часов вечера за вами зайдет охрана и проводит на место нашей встречи.

Ильфеина вспыхнула, Бруниси громко фыркнула, а я отругала себя за излишнюю самоуверенность. Каждая из невест усмотрела в вежливости принца какое-то особое отношение, и мне этой участи избежать не удалось.

– Вы все роскошны и уникальны, но мне нужно было сделать выбор, и я его сделал. Надеюсь, что вы отнесетесь к нему с уважением. Как и к следующим моим словам. Считаю, что не имеет смысла задерживать троих из вас. – Максимилиан указал на тех невест, которые полностью скопировали речь Роав. – Простите, не запомнил ваши имена.

– Но почему? – возмущенно воскликнула одна из них. Стыдно сказать, но я тоже не знала ее имени. – Вы не предупредили, что за это глупое представление можете выгнать!

– Жизнь императрицы – это всегда жизнь на виду, всегда представление, если хотите. Необходимость раздумывать над каждым словом, быть личностью, а не пустым подобием кого-то, никогда не исчезает. На самом деле эти качества желательно иметь не только

императрице, но и любому из мыслящих существ, и раз вы этого не понимаете, то очень жаль, но нам не по пути. До свидания, дорогие невесты.

Максимилиан широко улыбнулся, будто бы по левую руку от него не рыдали три девушки, и, помахав нам на прощание, удалился. Столовая тут же наполнилась шумом. Выбывшие плакали, несколько конкурсанток их успокаивали, большая часть невест обсуждали свои переживания и косились на восторженно-радостную Ильфеину.

– Я была уверена, что принц пригласит тебя, – призналась Мирана.

Я с досадой кивнула:

– Мне тоже так показалось.

– Но знаешь, Ильфеину он пригласил точно из жалости. Она какая-то... незаметная, что ли.

– На мой взгляд, она очень красивая.

Мирана с сомнением на меня покосилась, но я не желала обсуждать счастливицу, посчитав, что это не красит в первую очередь меня.

Сегодня, наблюдая за невестами, я выяснила, что среди них десять блондинок, из них пятеро подходили на роль преследуемой мной девушки ростом и вроде бы оттенком волос – Вудтир, Кароль, Ильфеина и две девушки, с которыми я пока не познакомилась.

– Кто эти двое? – показывая подбородком, спросила у Мираны.

– Одна вроде бы учительница. – Она указала на худощавую востроносую девицу. – Имени не помню. А вот эту Кесалия зовут. Она с Вассы прилетела.

Васса славилась сельскохозяйственными угодьями. На ней даже городов не было, только огромные фермы. Наверное, это совпадение, но Кесалия выглядела гораздо пышнее всех конкурсанток и блуждающей по дворцу ночной нимфой быть не могла.

Завтрак мы закончили все вместе. Журналисты собирали свою аппаратуру, сваха попрощалась и, выразительно взглянув на Веланию, удалилась. Можно было уйти, но я встала в дверях и громко попросила всех невест задержаться.

– Что опять? – скривилась Кризан. – У меня много дел.

– Какие у тебя могут быть дела? – Бруниси раздраженно закатила глаза. – На свидание принц пригласил эту мышку, и нам всем остается

весь день обнимать подушку.

Девушки, которых сегодня выгнали, грустно всхлипнули. Им разрешили забрать купленные на деньги принца вещи, поэтому они со всеми вместе направлялись в сторону спален.

– Тихо! – рявкнула я. – Ссориться будем потом. Для начала нужно договориться, как будем делить время, отпущенное нам на телефонные звонки. Предупреждаю, если ничего не решим, мне хватит совести и новостей проговорить выделенные на всех два часа.

– А сил отбиться хватит? – фыркнула Реци, поигрывая мускулами.

– Она сержант СИБ, – хмуро напомнила Вудтир. – Какие-то силовые приемы должна знать.

– Точно, – подтвердила я. – А договориться между собой и наброситься всей толпой вы не сможете. Так что предлагаю такую схему: разговариваем по очереди, начиная с первой комнаты справа. Нас двадцать две. На каждую приходится... по сколько минут?

– Пять с небольшим, – недовольно ответила Кризан, но, посомневавшись, все-таки признала: – Это нормальный вариант. Можно попробовать.

– Ничего пробовать не собираюсь, – высокомерно заявила Велания и, обогнув меня, взялась за ручку двери. – Пора бы вам уже понять, девочки, что императрица здесь одна, и это я. А императрице не пристало ждать своей очереди. Я буду разговаривать по телефону когда и сколько захочу.

Велания громко хлопнула дверью, покидая столовую, и мы проводили ее негодующими взглядами.

– Ну что? – Я раздраженно потерла переносицу. В детстве таких людей, как Велания, на нашей улице регулярно били. – Кому-то еще нужны доказательства того, что мы должны договориться?

– У кого первая комната? – осведомилась Бруниса.

– У меня, – робко произнесла Ильфеина и даже вздрогнула от того, с какой ненавистью Бруниса на нее посмотрела.

– Хватит с тебя привилегий, и так сегодня на свидание идешь. Кто за то, чтобы Ильфеина сегодня телефонный разговор пропустила? Из справедливости.

Несколько девушек подняли руки, а Ильфеина торопливо сказала:

– Я согласна. Потерплю до завтра.

– Если не пойдешь еще на одно свидание, – кровожадно заявила Бруниса.

Мне это не понравилось, но спорить я не стала.

– Значит, договорились, – подытожила Мирана. – Давайте начнем, пока Олькутт не успела добраться до телефона. Кстати, для невнимательных – где у нас находится аппарат, по которому я смогу пообщаться не только с горничными, но и со своими родными?

– В конце коридора, – подсказала Кризан.

Мы все переглянулись, и кто-то из тех невест, чей голос я слышала только раз и то на презентации, сказал:

– Приступим.

Из-за того, что Ильфеину лишили возможности пообщаться с родными, первой у телефона была Кризан. Чтобы не допустить наглого внедрения в нашу схему общения Велании, мы решили ее пятиминутку оставить напоследок. Я дождалась условного стука в дверь, извещающего, что наступила моя очередь, и стремглав бросилась к телефону.

На секунду задумалась, кому первому позвонить. Решила, что информации, необходимой майору, пока маловато, а значит, продуктивнее и важнее будет поговорить с Иреком. Набрала номер и взмолилась, чтобы сослуживец взял трубку, а не проигнорировал звонок, решив, что очередная пассия не может успокоиться.

– Слушаю. – Голос настороженный, значит, я права, и недавний разрыв имеет место быть.

– Ирек, привет, это Рэя.

– Рэя? – Голос его резко изменился на восторженный. – О Вселенная, ты же на отборе! Прямо оттуда звонишь, да? Мы тебя по телевизору видели, все в шоке! Марисса в слезах, тебя проклинает, но все остальные за тебя болеют. Подумать только, наша Адальстан – и императрица. Даже Гайдина сказала, что на тебя докладные писать не будет. Хотя какие докладные, ты же на отборе!

– У меня мало времени, – с трудом удалось перебить Ирека.

– Да я понимаю... Эй, все, идите сюда, Рэя звонит.

– Прекрати, – заверещала я. – Я по делу звоню!

– Разумеется! Ты знаешь, Гайдина с Мариссой все-таки подрались!

Я со злостью сжала в руках трубку и, стараясь не стереть зубы в крошку, спросила:

– Ты выяснил, кто внес залог за Хопсвуда?

– Нет, не выяснил, – спокойно заявил Ирек. – Ты мне столько работы по делу оставила, что о залоге я, честно сказать, забыл. О, Марисса, иди сюда.

– Какой работы? – искренне недоумевала я. – Дело было совершенно готово для суда.

– Да ладно, – не поверил сослуживец. По шуму на той стороне телефонной связи я понимала, что трубку у него пытаются отобрать. Сам виноват. Логично было бы предположить, что Марисса в приступе ревнивой зависти захочет высказать мне свои претензии. – Ни одной справки из Фрибринского сообщества пунитов, нет копии вызова защитника Хопсвуда с его планеты, а они заявляют, что ничего не приходило... Марисса, подожди!

– Не может быть, – ахнула я и еле устояла на ногах. – Когда я передавала тебе дело, все было в порядке.

Ирек помолчал, и я услышала, как где-то кричит Марисса. Судя по отдельным словам, она материлась.

– Ты хочешь сказать, они пропали уже после передачи дела?

Я вспомнила произошедший за неделю до отбора момент, когда мне показалось, что папку на столе кто-то открывал, но уже после этого одна из справок, о которых говорит Ирек, точно была. На остальные бумаги я внимания не обратила.

– Не знаю, но мне кажется, да.

– Капитану докладывать не буду, – твердо сказал Ирек. – Я и так тебя выручил. Справки сделать не проблема, дело только в сроках.

Я с тоской подумала об угрозах пунита – сослуживец о них не знал и поэтому в задержке передачи дела в суд ничего страшного не видел.

– Хорошо, но постарайся выяснить, кто внес залог. Я завтра позвоню.

– Не знаю, зачем тебе это, – недовольно вздохнул Ирек. – Тут с документами что-то непонятное творится, а ты...

Мариссе, по-видимому, удалось отвоевать телефонную трубку, потому что она громко закричала:

– Ах ты дрянь! Еще и молчала!

Свое время на делопроизводителя я тратить не желала, поэтому просто отключила связь. Взглянув на часы, заботливо оставленные рядом с телефоном одной из девушек, обнаружила, что у меня осталась почти минута. Вздохнула, но набрала номер майора. Моя совесть была бы гораздо спокойнее, если бы времени на звонок Роилу не осталось совсем.

– У телефона.

– Это Рэйя. У меня очень мало времени. Все, что я узнала, – одна из девушек причастна к покушению на дорожке. Думаю, вы видели это по телевизору.

– Видел, конечно. – Роил ощутимо всполошился. – Хорошо, что ты позвонила...

Ко мне двигалась одна из невест и, судя по ее хмурой физиономии, я сейчас использовала чужое время.

– ...Один из информаторов сообщил, что...

– Не могу разговаривать.

– Но это важно!

– Теперь мое время, – уперев руки в бока, заявила девушка. Просить подождать было бесполезно, к тому же разговаривать с майором при свидетелях было глупо. Поэтому я нажала кнопку отбоя и с извиняющимся видом передала трубку сопернице. Она фыркнула, но номер не набирала, ожидая, пока останется одна.

Я двинулась в спальню, размышляя. До завтрашнего дня Ирек должен выяснить имя покровителя Хопсвуда, и ускорить его нет возможности. Но что делать с майором? Вдруг та информация, которая у него есть, имеет ко мне самое непосредственное отношение?

Ближе к обеду Велания попыталась предпринять наглый захват телефона, но, на ее беду, в тот момент общаться с родными была очередь спортсменки Реци. Выхватить трубку из ее рук не стоило и пытаться, поэтому Велания встала в начале коридора и принялась громко оскорблять соперницу. Реци спокойно договорила свои минуты, после подошла к Олькутт и, взяв ее за шиворот, отвела в свою спальню. О чем они разговаривали, неизвестно, хотя спешно собранный десант невест и подслушивал у замочной скважины. Но из комнаты Велания вышла зареванная, злая, странно молчаливая, и последнее поразило нас даже больше следов слез на щеках. Без

препирательств Олькутт дождалась своей очереди и пообещала впредь смуту в график разговоров не вносить.

После обеда я немного успокоилась. Вполне возможно, что майор отнесся к этой загадочной информации со свойственным ему преувеличением, и подставлять себя под удар будет глупо. Поэтому единственное, что я сделала, так это вызвала горничную и попросила принести мне музыкальный инструмент.

Миловидная молодая девушка в серой форме удивленно уставилась на меня:

– Что, простите?

– Музыкальный инструмент – арфа, скрипка, флейта... Я буду рада увидеть и фортепиано, но, во-первых, сомневаюсь, что вы его донесете в одиночку, а во-вторых, оно не поместится в моей спальне.

Попытка пошутить не увенчалась успехом – девушка не сводила с меня пораженного и даже озадаченного взгляда. Ответа я ожидала довольно долго.

– Зачем вам инструменты? – наконец поинтересовалась горничная.

Я растерянно пожала плечами:

– Хотелось немного помузыцировать, раз уж выдалась такая возможность.

– Какая возможность?

– Послушайте! – Я почувствовала, что начинаю закипать. – Скучно мне – впервые за пять лет появилось много свободного времени, вот «такая возможность»! К чему эти вопросы? Если вам запрещено приносить невестам подобные вещи, так просто скажите об этом.

Горничная испуганно попятилась:

– Никто не задавал подобных вопросов, поэтому я не знаю, запрещено это или нет. Нужно уточнить у руководства.

– Будьте добры, – попросила я и приготовилась к томительному ожиданию.

Напрасно, через десять минут в комнату постучалась Кларисса.

– Вы действительно просили скрипку? – без обиняков уточнила сваха.

– И скрипку, и арфу, и флейту! Почему вас это удивляет? – не выдержала я.

– В анкетах у пяти невест указано владение музыкальными инструментами, но принести их попросили только вы.

– Может быть, остальные просто скромничают? – предположила я.

Кларисса посмотрела на меня с сомнением:

– Не заметила я в невестах особого стеснения, когда объясняла, что алкоголь в спальню им никто не принесет.

Я на секунду задумалась и без какого-либо сочувствия заметила:

– По-моему, у вашего гарнизона свах был достаточно большой выбор среди девушек, желающих попасть на отбор. Кто мешал отбирать сплошь дирижеров да закодированных пианисток?

– Принц. – Кларисса тяжело вздохнула и, отвернувшись к двери, пробормотала себе под нос, надеясь, что я не услышу: – Будь моя воля, количество невест сократилось бы втрое.

Со свахой я была согласна. Добавлю, что, если бы право выбора принадлежало мне, в гонку за императорским титулом я бы вовсе не попала.

## Глава 6

Скрипку мне все-таки принесли. Арфу обещали отыскать позднее, а про флейту и вовсе предпочли забыть. Я не обиделась и до самого ужина исполняла запомнившиеся с юности произведения. Казалось, будто не было этих лет разлуки с музыкой, казалось, мы снова единое целое и смычком я извлекаю не волшебные звуки, а рисую чьи-то судьбы, рождающиеся с первым звуком и умирающие уже после того, как наступает тишина.

Как выяснилось, приобщаться к прекрасному понравилось не всем, и за вечерней трапезой несколько невест предъявили мне претензию за испорченный послеобеденный сон. С помощью Мираны и неожиданно поддержавшей нас Реци особо активных смутьянок удалось утихомирить, но нагнетать обстановку я не стала и после ужина, отложив скрипку, отправилась в зимний сад. Атмосфера в нем способствовала размышлениям, а у меня присутствовала острая необходимость подумать о том, кто мог украсть документы. Я точно знала, что до передачи уголовного дела Иреку папка оставалась без присмотра только один раз – когда меня вызывал к себе Оррах. Но после этого я, напуганная тем, что кто-то шарил на моем столе, такого позволить не могла. Получается, что воришка долгое время выжидал удобного момента и воспользовался им, как только Ирек ослабил внимание. И что? Нужно подозревать кого-то из своих? Кого-то, кто долгое время работал рядом и всегда помогал в силу своих возможностей? Я любила всех, даже противную Гайдину и возненавидевшую меня Мариссу... Заподозрить сослуживцев в предательстве значило продать собственные светлые чувства.

Было еще кое-что, почему я пришла в зимний сад, да еще и скрылась за кустом, усевшись в то же кресло, что и вчера. Я надеялась снова встретить загадочную блондинку, разгуливающую по дворцу, как по собственному дому.

Ждать пришлось недолго. Услышав стук каблучков по плитке, я, словно почуяв добычу, притаилась в своем укрытии. Напрасно – за куст брусники заглянула Бруниси. Вчерашней незнакомкой она быть никак не могла.

– Сидишь, – глупо констатировала девушка. Я молча кивнула, не желая отвечать и надеясь, что Утвальд уйдет. Шанс, что блондинка появится и я смогу выяснить ее личность, был, но рассеялся, как только Бруниси, громыхая железными ножками по плитке, подтянула ко мне еще одно кресло.

– Совсем не хочется спать, – пожаловалась девушка. – Мечтаю покурить, но сигареты здесь запрещены.

Я была права – сигары ей для полноты образа не хватает.

– Почитай книгу, – равнодушно посоветовала я. – С непривычки здорово убаюкивает.

Бруниси воззрилась на меня с легко читающимся сомнением во взгляде:

– Тебе-то откуда знать?

– Прости, что?

– Спорим, в детстве ты была типичной отличницей, читающей даже под одеялом, подсвечивая фонариком. Тебе-то откуда знать, что чтение способствует быстрому сну? Ничего личного, но принцу ты не подходишь.

И Бруниси с неприятной улыбкой закинула ногу на ногу, выставляя бедро, меняя позу на более сексуальную и наглядно демонстрируя, что вот ее-то, такую особенную, принц точно оценит. Резко захлестнула обида – отчего-то слова про «типичную отличницу» здорово обидели, но я широко улыбнулась и спросила:

– Бруниси, ничего не имею против твоей внешности, девушка ты симпатичная, но скажи, как у тебя получилось очаровать свах отбора? Помимо большой груди императрица должна обладать и другими качествами.

Ответить Утвальд не успела – за куст заглянула Мирана.

– Сидите? – Точно так же, как недавно Бруниси, девушка подтащила кресло. – Не могу уснуть, жду, когда вернется Ильфеина.

– Возможно, она вообще не вернется, – заявила Бруниси. – Или вернется ненадолго.

Я и Мирана переглянулись.

– Что ты имеешь в виду?

– Многое. – Радуюсь, что находится в центре внимания, Бруниси томно потянулась. – Ильфеина может остаться у Максимилиана на ночь, что маловероятно – наша мышка, наверное, до сих пор на другую

сторону дороги переходит, если мальчика встречает. Может статься, свидание окажется настолько неудачным, что принц сразу же отправит девчонку домой. Я склоняюсь именно к этому варианту.

– Что-то у тебя скудно с фантазией, – с издевкой протянула Мирана. – Или постель, или удаление с отбора. А как же цветы, разговоры по душам? Ты считаешь, принц на это не способен?

Бруниси раздраженно тряхнула волосами, пропуская их сквозь пальцы.

– Он мужчина, рыжая. Притом богатый и влиятельный мужчина. А таким нет смысла ухаживать за девушками – они сами укладываются к его ногам.

– Заметно, что ты только так и поступала, – по-настоящему разозлилась я. – Некоторые мужчины ухаживают для того, чтобы показать все хорошее, что в них есть.

– Вот-вот, вся эта романтика – сплошное лицемерие.

Я решила сменить тему и повернулась к Миране:

– Кстати, что произошло сегодня утром? Почему ты пришла позже?

– Я же уже говорила, – досадливо поморщилась Мирана. – Кто-то заблокировал дверь.

– О чем вы? – не поняла Бруниси, но я сердито отмахнулась.

– Но кто это мог быть?

– Не знаю, – довольно резко отозвалась девушка. – Без десяти минут девять я собралась выходить из спальни, толкнула дверь – она закрыта. Ломилась, кричала, но никто не открывал. Даже расплакалась от злости, и тут охранник отворил дверь. Дверь была заблокирована какой-то палкой! Ты представляешь – палкой?! В общем, спасибо ему. А то бы мы сейчас здесь не сидели – ждала бы я космолет на Ваоль.

Я с сожалением взглянула на подругу. Кое-что в ее рассказе не давало мне покоя.

– Без десяти минут девять в столовой были еще не все девушки. Ты уверена, что выходила именно в это время? Неужели девушки проигнорировали твои крики из-за запертой двери? К тому же злоумышленник не мог не осознавать риска – на человека с палкой у двери обязательно бы обратила внимание одна из запоздавших невест. Ты же не думаешь, что это дело рук группы конкурсанток?

– Я не знаю. – Мирана заметно занервничала. – Может быть, вышла чуть позже, к тому же моя спальня находится не в начале коридора, вполне возможно, что на этого гада и правда никто внимания не обратил. А насчет криков, отбор – это серпентарий змей. Я тонуть буду – руки никто не подаст. Ну, кроме тебя.

– Действительно. – Я задумчиво смотрела на Мирану. – Утопающему руку подавать чревато, обычно круг бросают.

– Серпентарий? – вскинулась Бруниса. – Вообще-то я тебе ничего не сделала, рыжая!

Начинающийся спор прервало появление Каппы Карнеги – милой девушки с короткими светло-русыми волосами и пухлыми губами. Сил в ее слабых полупрозрачных ручках не хватило на то, чтобы подтащить кресло, и поэтому она просто села на газон и обняла свои колени. Одна за одной в сад приходили все невесты, по разным причинам не желающие спать. Я чуть не выругалась в голос, понимая, что интересующая меня блондинка не заметит такой табор не сможет. Кто-то из невест принес фиши – настольную игру на досках, и мы разбились на пары, поочередно играя друг с другом.

Мы даже пропустили возвращение Ильфеины. Кесалия, исправно караулящая в коридоре, залетела вдруг в сад и зашептала, замахав руками:

– Пришла, пришла! Охранник привел!

Дощечки тут же были оставлены. Без малого двадцать девушек (Велания и ее подруга Роав девичник проигнорировали) бросились в комнату первой счастливицы. На нетерпеливый стук дверь открыла восторженная Ильфеина.

– Ой, девочки! – Девушка прижала кулачки к груди. – Вы, наверное, хотите узнать, как все прошло?

– Мы хотим узнать, почему тебя не выгнали, – мрачно поинтересовалась Бруниса, но ее тут же оттеснили.

– Он прекрасен! – Ильфеина не обратила внимания на ядовитую реплику. – Мы поужинали в саду в беседке, он расспрашивал меня о семье, моих увлечениях, показывал созвездия...

Бруниса громко и демонстративно фыркнула и с гордо поднятой головой отправилась в свою спальню. Радоваться чьему-то успеху девушка явно не умела. Часть невест, надеявшихся на истерику Ильфеины из-за изгнания с отбора, тоже в разочаровании удалились.

Дружеская атмосфера, которая только-только начала зарождаться в нашем пропитанном ядом коллективе, разрушилась.

На завтрак невесты пришли невыспавшиеся, злые, но перед камерами за улыбками тщательно скрывающие плохое настроение. Как и вчера, журналисты заняли большую часть столовой и терпеливо ожидали развития событий, застыв с диктофонами, блокнотами и видеокамерами в руках, клешнях и щупальцах – журналистская братия изобиловала приезжими с далеких планет.

Яш Орчаковский вошел в столовую в компании Клариссы и высокого подтянутого мужчины зрелых лет. По пристальному цепкому взгляду и строгой выправке мне сразу стало понятно, что он военный, хотя и был в гражданской одежде.

– Ах, я ослеплен, – дурашливо воскликнул ведущий, прикрывая рукой глаза. – Ослеплен улыбкой красавицы, которая первой побывала на свидании с принцем. Ильфеина Вайес, радость моя, выйдите вперед.

Ильфеина, не скрывая смущения, шагнула из толпы невест навстречу ведущему. Несколько девушек обиженно зашептались – сегодня все внимание камер, а следовательно, и зрителей было направлено только на счастливницу Вайес, что, по мнению большинства, было нечестным.

Яш меж тем не умолкал, вытягивая из молчаливой Ильфеины подробности свидания. Как нам поведала девушка, вчера за ними повсюду следовали операторы с телекамерами, и было понятно, что интерес ведущего направлен только лишь на выяснение чувств самой Вайес.

– И последний вопрос... – Спустя как минимум полчаса, на протяжении которых все невесты стояли с вымученными от зависти улыбками, интервью наконец подошло к концу. – Вы поцеловались с принцем?

Ильфеина густо покраснела и тихо ответила:

– Вы же знаете, что нет.

Бруниса с важностью оглядела невест. Торжество ее было совершенно непонятно – на свидание Утвальд еще и вовсе не приглашали.

– Были моменты, когда камеры не наблюдали за вами, – провокационно напомнил Яш. – На мой взгляд и на взгляд

телезрителей, это неправильно – империя должна знать все о своем будущем правителе. Происходило ли что-то, о чем мы не знаем? Объятия, поцелуи, взаимные откровения?

Ильфеина гордо подняла подбородок и твердо заявила, заставив нас совсем другими глазами взглянуть на нее:

– Разговоры по душам и поцелуи, даже если они были, – это дело только мое и принца. Интервью закончено, Яш. Благодарю за внимание.

Ведущий с удивлением приоткрыл рот, а сваха, вскинув брови, сделала пометку в своем планшете. Мирана толкнула меня локтем в бок:

– Принца, наверное, не будет.

– Почему ты так решила?

– Взгляни на этого мужика рядом с Клариссой – у меня от него мурашки по коже пробегают. Вряд ли его позвали на завтрак в качестве разогрева для невест. Уверена, люди с такими мор... мм... лицами сообщают только плохие вести.

Я опасливо посмотрела на мужчину. Строгий костюм, до блеска начищенные туфли, на голове залысины, но он не пытается скрыть их волосами, как любят делать его сверстники. Ни бороды, ни нахмуренных бровей – ничего пугающего в его облике не было, но, почувствовав на себе мой взгляд, мужчина повернул голову, и отчасти слова Мираны стали понятны. Складывалось впечатление, что меня вмиг просканировали.

– У меня объявление. – Кларисса прижала планшет к груди. – В воскресенье во дворце пройдет небольшое мероприятие – бал-маскарад. Форма одежды – вечерние платья и маски. Стиль может быть любым, но предупреждаю: лично я ваши мини-бикини, не прикрывающие самую интересную часть женского тела, в зал не пропущу.

Невесты загалдели, обсуждая такую новость, сразу выбивающую из колеи. Главным образом всех интересовало – где взять наряды. Многие из девушек не озаботились приобрести подходящее для бала платье, ограничившись нарядами для соблазнения принца. Кларисса оглядела всех с нескрываемым злорадством – затруднения девушек не стали для нее открытием – и предупредила:

– В магазин вас больше никто не выпустит. Маски можно будет заказать горничным, а насчет платья... Придется проявлять чудеса фантазии и швейного мастерства. Думаю, не нужно пояснять, что принц на бал тоже придет.

– Что же делать? – Мирана мигом вспотела. – Я не приобрела совершенно ничего подходящего к этому случаю. А ты?

– Что-нибудь придумаю, – уклончиво ответила я. Отчего-то мне пришло в голову, что организаторы отбора придумают что-то похожее, и поэтому в моем новом гардеробе можно было разгуляться и фантазии, и швейному мастерству.

– Дамы! – Яш повысил голос, потому что три его предыдущих обращения невесты не расслышали. – Я понимаю, как вас взволновало объявление Клариссы, но пришло время познакомиться с нашим гостем. Начальник личной императорской охраны Велаш Бруни. Это его ребята защищают вас, девочки, от происков полчищ завистливых девушек империи, не прошедших в отбор, и, как ни печально, именно он объявит, с кем сегодня нам придется попрощаться.

– Он не принц, – возмущенно воскликнула Кризан. – Почему мы должны подчиняться решению незнакомого мужчины? Пусть даже и начальника охраны?

Сваха улыбнулась одними губами, зато Велаш ответить не поленился.

– Принц поручил мне собрать досье на всех невест. – Голос его звучал вкрадчиво, будто бы гипнотизировал, обволакивая сознание своими путами. – Работа выполнена. Теперь нам предстоит обсудить каждую из вас и выяснить, кто недостоин того, чтобы в будущем стать императрицей.

– Как это? – растерянно спросила Кароль Вилз, хлопая возмутительно длинными ресницами. – Мы же прошли в отбор, значит, свахи уже посчитали нас достойными.

Велаш криво усмехнулся:

– Рассказывая о себе на собеседовании, некоторые девушки исказили факты или же умолчали о крайне важных не только для его высочества, но и для любого мужчины вещах. Прошу вас, присаживайтесь, дамы. Очень неудобно заставлять вас стоять.

Невесты, как овцы на заклание, двинулись к столу и расселись на свои места. Я заметила, что у некоторых девушек заметно дрожат

руки.

В отличие от Кароль Вилз мне была понятна цель проверки невест. Гораздо легче выгнать неподходящую девушку вначале, чем впоследствии, когда она станет императрицей и всплывут порочащие ее факты из прошлого. Представляю ликование журналистов. Также я понимала, что обманщиц не отсеяли на стадии собеседования, дабы они почувствовали себя в безопасности, а граждане империи увидели, что личная охрана может добыть какие угодно сведения. Непонятно мне было только одно – почему не явился принц. Он показался довольно решительным человеком, и вряд ли его могла смутить обязанность раскрывать проступки невест на камеры.

– Кризан Арборах, – вкрадчиво позвал Велаш. На место принца во главе стола он садиться не стал – застыл за спинкой стула Кризан, которая нервно заерзала и втянула голову в плечи. Велаш наслаждался тягучей паузой, во время которой, казалось, слышно было биение сердца девушки, от страха находящейся на грани обморока, и отошел, спокойно объявив: – К вам вопросов нет.

Кризан криво улыбнулась и приложила ладони к горящим щекам. Мы с Мираной озадаченно переглянулись – реакция Арборах прямо указывала на то, что причина волноваться у нее есть, но, возможно, по мнению начальника охраны, причина эта не заслуживает внимания?

Двигаясь по левой стороне стола, Велаш останавливался позади каждой девушки, заставляя их переживать не самые лучшие моменты в жизни, но по большей части комментарии его сводились к возрасту – Велании оказалось двадцать три года вместо заявленных двадцати, а Роав и вовсе двадцать пять лет. Правда, о том, чтобы девушка покинула отбор, ведь возраст ее превышал допустимый верхний рубеж, речь не шла.

– Бруниса Утвальд. – Велаш равнодушно мазнул взглядом по тому клочку ткани, который брюнетка считала платьем. – Нам известно, что с его высочеством вы уже встречались.

Все без исключения невесты перегнулись через стол, возмущенно глядя на Брунису, но, странное дело, она стушевалась и потупила взгляд:

– Возможно, но я этого не помню.

– Разве? На протяжении двух лет вы преследовали принца, пытаясь попасться ему на глаза либо же напроситься на свидание.

Последний год охрана периодически задерживала вас, принудительно выводила из зданий, если там находился принц, но вы все равно стоите на своем. Я прав?

– Не знаю, о чем вы говорите, – твердо сказала Бруниса, хотя нижняя губа ее дрожала.

– Разумеется, – с легкостью согласился Велаш. – И, чтобы попасть на отбор, фамилию вы не меняли?

– Это какая-то ошибка, я просто взяла фамилию бабушки – моя собственная была очень неблагозвучной.

– Не переживайте. – Велаш двинулся к следующей девушке. – Принц решил дать вам шанс.

Наверное, этому шансу Бруниса была обязана своей очень выдающейся части тела. А то, что принц не разглядел ее раньше, объясняется огромным количеством красавиц, всегда заслоняющих ему обзор.

– Нирара Ви. – «Поганка» гордо встала и обернулась к Велашу в отличие от других девушек, предпочитающих оставаться к начальнику охраны спиной. – Ваша личность тоже вызывает определенные вопросы. Главным образом из-за того, что человека с такими именем и фамилией не существует. Вы можете это объяснить?

Нирара побледнела, но голос ее не дрожал, да и насупленные брови совершенно не выражали сожаления:

– Могу, но не думаю, что вам мое объяснение придется по вкусу.

– Тем не менее я жду ответа.

– Жители Клайфсбета, откуда я родом, совершенно не защищены государством. Хотя вы и будете утверждать обратное, – добавила девушка, заметив, что Велаш собирается возразить. – Я не знаю своих родителей, и имя мне было дать некому, как и оформить документы.

При этих словах Велаш досадливо крикнул.

– Когда я выросла и смогла самостоятельно этим заниматься, бюрократический аппарат нашей империи не позволил мне официально появиться на свет. И что мне нужно было делать? Благо, что в Клайфсбете не проблема сделать поддельные документы. И да, это именно благо, не смотрите на меня так, иначе бы я не смогла заявить о такой проблеме во всеуслышание перед камерами.

– Прошу прощения, – обреченно подал голос один из журналистов. – Это тоже вырезать придется?

Нирара сердито дернула головой как от пощечины, но промолчала, скрестив руки на груди и в упор глядя на начальника охраны.

– Это решит принц, – медленно произнес Велаш, не отводя взгляда от сердитой «поганки». – Ему же будет принадлежать и вердикт, останетесь ли вы на отборе.

Нирара упала на стул, и только сейчас стало заметно, что она настолько сильно сжала кулаки, что на ладони остались кровавые полукруглые следы от ее ногтей. Заметив взгляды, устремленные на нее, «поганка» торопливо спрятала руки под стол.

– Мирана Блэтт. – Рыжеволосая девушка, сидящая по правую руку от меня, удивленно вскинула брови. – Кем был ваш отец?

– Был? – ровным голосом переспросила Мирана. – Он и сейчас есть. Инженер-электронщик на молочном заводе Ваоля.

Велаш недоверчиво хмыкнул:

– Вы говорите о вашем отчине, Мирана. Разве не так?

– Другого отца я не знаю, – отрезала девушка. – С самого детства меня воспитывает Грэг Блэтт, а человека, который давным-давно бросил меня, назвать своим родственником я не смогу.

Меня такая реакция девушки почему-то взволновала. Я ничего не знала об ее отце или отчине, но тот факт, что начальник охраны обратил на них внимание, заставлял задуматься.

– Надеюсь, – едва слышно пробормотал начальник охраны и подошел ко мне.

Ощущая его спиной, я почувствовала, что взмокла, хотя не видела причин Велашу мной интересоваться. Посещение моей квартиры Роилом? Не думаю, что другие девушки не общались с мужчинами. Глупая попытка расследовать заговор? Если Велаш не предатель, его это только рассмешит.

– Рэя Адальстан. Ваша мама – заслуженная артистка Ригарийской империи?

Я удивленно обернулась:

– Да, вы правы.

– Хотя вы давно не общаетесь с матерью, хочу сказать, что я был ее горячим поклонником.

Отлично, мне дали понять, что размолвка с родителями не является секретом, но чего-то подобного я и ожидала, поэтому с

улыбкой сказала:

– Спасибо, при встрече я обязательно передам, что ригарийцы ее помнят.

Итогом общения Велаша с невестами стало изгнание из отбора девушки по имени Гаргис. Мы с ней мало общались. Симпатичная, с немного крупными чертами лица и короткими темно-русыми волосами, она была безумно молчаливой, и даже имя я запомнила только после того, как Велаш озвучил ее маленький секрет. По-настоящему маленький – семимесячный. Гаргис скрывает наличие у нее семимесячного ребенка, надеясь, что на отборе ей удастся отыскать ему нового папу. Принц таковым стать не захотел, и Велаш объявил, что теперь невест стало на одну меньше. Гаргис расплакалась, и Клариссе даже пришлось ее вывести, чтобы громкие рыдания не заглушали тихого голоса Велаша.

– К оставшимся девушкам у меня неприятных вопросов нет, – неожиданно улыбнулся начальник охраны. – Его высочество поручил мне выбрать девушку, которая сегодня пойдет с ним на свидание.

Все подобрались, а я растерянно прислушивалась к затихающему плачу Гаргис и потому не сразу поняла, что назвали мое имя.

– Рэйя Адальстан, – повторил Велаш, заметив, что я непонимающе смотрю на него. – Сегодня в семь часов за вами зайдет охранник и проводит к принцу. Будьте готовы.

Я растерянно улыбнулась, стараясь не обращать внимания на злые взгляды соперниц. Конечно, мне было приятно. Конечно, я предвкушала приятный вечер в обществе понравившегося мне молодого человека. Но у медали есть и обратная сторона. И я отлично осознавала, что по вчерашней договоренности с невестами сегодня разговаривать по телефону возможности не будет.

Мы попрощались с Яшем и Велашем, причем ведущий не преминул поинтересоваться, почему я не прыгаю от радости, и отправились в спальни. Больше нельзя было откладывать разговор с Роилом, да и дать Иреку ценные указания также необходимо. Поэтому, уже закрывая дверь в спальню, я знала, что делать – искать телефон, работающий без ограничения времени. Во дворце такой точно должен быть.

## Глава 7

После завтрака невесты разбрелись по спальням в ожидании своей очереди общения с родными. Я предприняла попытку уговорить нескольких девушек уступить мне свое право на телефонный разговор, но ожидаемо получила отказ. К обеду мое волнение по поводу отсутствия связи достигло такого пика, что даже Мирана стала странно на меня коситься и уточнила, в чем причина моей бледности. Разумеется, ввиду скорого свидания с принцем нервозность удалось списать на это. Но от рыжеволосой девицы не так легко было отвязаться: настолько ее интересовали подробности моего вечернего облачения, темы, на которую я планирую поговорить с принцем, что даже после обеда она проследовала за мной. Из спальни Мирану пришлось в прямом смысле слова выталкивать.

Оставшись одна, я ненадолго затаилась. По коридору то и дело слышался стук каблучков – невесты совещались по поводу предстоящего бала и лицемерно плакали друг другу, что уж им-то совершенно нечего надеть. Хотя уверена, большая часть девушек все-таки озаботились тем, чтобы обеспечить свой новый гардероб разнообразными фасонами платьев.

Спустя час и голоса, и топот стихли – невесты удалились на послеобеденный сон. Я выждала еще минут десять и принялась готовиться к партизанской вылазке. Извлекла из шкафа простое серое платье до колена, сходное с тем, что носят горничные, и которое заблаговременно приобрела в магазине; заплела обычную косу и прикрыла ее белым платком. Обула обычные черные мокасины, на обуви горничных были еще и серебряные нашивки, но я решила, что разницу вряд ли кто обнаружит без пристального осмотра.

Расчет был прост: штат прислуги, обслуживающей дворец, просто огромен, и совершенно точно горничные не знают всех своих коллег в лицо. Как и охрана не допрашивает каждую уборщицу о причине ее перехода из одного крыла в другое. Бейджей во дворце никто не имел; единственное затруднение состояло в том, что горничные, которые обслуживали нас в столовой и убирали спальни, носили еще и белые фартуки, но всегда можно сказать, что мой просто-напросто испачкан

и я спешу за другим. В общем, я всерьез рассчитывала на удачу, зная, что она любит смелых.

Выйдя из коридора, решила сократить путь и двинулась той дорогой, которой нас в первый день пребывания во дворце вела Кларисса. Но, услышав на границе с Центральным павильоном голоса охранников, испуганно попятилась – маскировка маскировкой, но лезть на рожон не следовало.

Поэтому, пятясь, я вернулась в галерею спален невест и отправилась через зимний сад блуждать в том направлении, которое мне не так давно обозначила блондинка. Уже в первом коридоре мне улыбнулась удача – встретила девушка, которая неторопливо катила тележку со стопками выстиранной и выглаженной униформы. Приблизившись и улучив момент, я стянула один фартук и быстро повязала его, как только горничная скрылась за поворотом. Теперь чувство уверенности меня и вовсе не покидало. Встречая в бесконечных коридорах людей, я, будто знакомая, кивала в ответ на их приветствия и тут же опускала голову, пряча лицо. Охрана же и вовсе не обращала на меня никакого внимания, и возникала мысль, что заговорщикам следует обрядить убийцу в костюм горничной.

Без каких-либо затруднений я добралась до лестницы, на которой не так давно чуть не сломала нос, но подниматься на верхний этаж не стала – телефона в спальнях могло и не оказаться. Вместо этого свернула на одном из пролетов и попала в полутемный глухой коридор. Охраны не было, последних парней в форме я встретила у лестницы, и у меня сложилось стойкое ощущение того, что их недостаточно для качественной охраны гигантского количества дворцовых помещений. Это наводило на определенные мысли. Например, Велаш вполне мог увольнять своих подчиненных, чтобы принца сложнее было защитить. Я медленно двинулась по коридору, прислушиваясь к звукам за дверями, коих оказалось пять. Одна из комнат была туалетом, во всяком случае, на это указывала соответствующая табличка, две другие были закрыты – я безуспешно подергала двери, а за четвертой слышались громкие голоса. Я недолго постояла, подслушивая, но единственное, что совершенно точно смогла разобрать, так это то, что говорившие – мужчины. Без особой надежды и с мыслями о дальнейшем пути толкнула последнюю дверь, и – о чудо! – она оказалась открыта. Быстро подготовив речь в свое оправдание, я с

опасением заглянула в комнату. Мне удалось набрести на чей-то кабинет, в настоящий момент пустующий, и, не теряя времени, я скользнула внутрь, неплотно прикрыв за собой дверь. Действовать предстояло быстро. Мельком осмотревшись, в поисках телефона я бросилась к письменному столу, застывшему посреди полупустой комнаты. Телефонный аппарат нашелся сразу – на столе царил образцовый порядок, и на секунду я замешкалась, решая, кому позвонить в первую очередь. Роил говорил о какой-то важной информации, но задание майора имело большее значение для него, чем для меня, и могло несколько минут подождать. Поэтому я набрала номер Ирека.

– Слушаю, – почти сразу взял трубку сослуживец.

– Не вздумай никого звать, – тут же предупредила я. – Времени очень мало.

– Вот так всегда, – заметно развеселился Ирек. – Хорошо, что позвонила, у меня новости.

– Хорошие?

– Интересные, тебе понравятся. – Интрига нарастала, отчего я только напряглась. – Ты же знаешь, что у пунитов в друзьях ходят только пуниты?

Это для меня секретом не являлось – отвратительный характер пунитов и исключительная кровожадность некоторых из них отталкивали представителей более мирных рас.

– По документам залог за Хопсвуда внесло Ригарийское общество пунитов.

Существование в государстве обществ различных инопланетных рас было обязательным условием одного из межпланетных договоров, и в настоящий момент их было превеликое множество. Суть их сводилась к следующему: по приезде в империю гость регистрировался в соответствующем обществе, в последующем обещался уведомлять обо всех своих передвижениях, клятвенно заверял, что будет платить членские взносы, получал определенные справки, необходимые для более или менее спокойной жизни в империи, и... исчезал. Но даже такие его ограниченные данные могли стать полезными, например, в расследовании, к тому же теоретически законопослушные граждане других государств могли надеяться на определенную поддержку в трудной жизненной ситуации. Но только

теоретически. Изначально предполагалось, что финансирование их будет происходить за счет членских взносов и пожертвований, но, как я заметила выше, надеяться на это было глупо. Поэтому на деньги, которые все-таки выделяла империя, едва удавалось выплатить зарплату постоянным работникам обществ, и уж точно ни у одной из подобных организаций не было средств внести за своего члена залог.

Помолчав, я уточнила:

– Ты проверял это? Сам понимаешь, как фантастично звучит подобное утверждение...

– Понимаю, поэтому проверил лично и зашел уточнить у прокурора. Все честь по чести – со счета, принадлежащего Обществу пунитов, переведены средства в количестве полутора миллионов ригаев.

– Нужно наведаться в это Общество. Вряд ли им удалось накопить такую сумму, экономя на премиях.

Ирек молчал, и в трубке слышалось только его сердитое сопение.

– Что-то не так? – спросила я.

– Рэя, не режь меня без ножа. Когда я принимал у тебя дело, договорились просто передать его прокурору, достойно оформив, но о дополнительном расследовании речь не шла.

– Ну, пожалуйста, – заканючила я. – Это даже не расследование, так, просто разговор.

– Нет, – отрезал Ирек. – Помимо этого Хопсвуда, у меня множество неоконченных дел. К тому же очень плотно насел дисциплинарный комитет.

Я нахмурилась. Ирек всегда был образцовым сибовцем, и у руководства никогда к нему не было претензий.

– Расскажешь?

– Позже. – Сослуживец тяжело вздохнул. – Старые проблемы нашли свой выход.

– Значит, ты мне не поможешь, – с грустью уточнила я. Настаивать не решалась, нежелание Ирека было слишком очевидно.

– Прости, но нет, – повеселел мужчина. – Вполне может быть, с отбора ты уже не вернешься, так что забудь об этом деле.

– Постараюсь вернуться. – Я задумчиво потерла переносицу. – Скажи, в эти дни, когда предположительно пропали справки из папки, кто был в отделе?

– Как обычно – новеньких не принимали. Нидаровича и Пиковса в расчет не берем – они только вчера из отпуска вышли. Знаешь, подозревать своих, как мы сейчас делаем, это очень неприятно.

Мы с полминуты строили предположения о том, кем мог быть воришка, и наконец попрощались.

Покровитель Хопсвуда был, безусловно, очень влиятелен и имя свое раскрывать не желал, что говорило в пользу моей версии об участии пунита в делах более массовых, чем насилие над незащитными женщинами. Но насколько мне было известно, ни по одному из преступлений с другой квалификацией пунит не проходил даже свидетелем. Может быть, изнасилованные девушки молчат еще об одном совершенном против них преступлении? Но я бы еще поверила, что они скрыли сексуальное насилие, опасаясь обсуждений, но не правонарушение другого толка, в которое может быть замешан покровитель пунита.

Я сжала виски руками. Как оказалось, у меня очень мало информации и дело рановато передавать в суд. С одной стороны, злоумышленник оказал мне неплохую услугу, потянув время, а с другой – расследовать преступление в настоящий момент не было никакой возможности.

Номер Роила я набирала, не в силах выбросить из головы мысли о злосчастном пуните, перебирая действия, которые необходимо совершить в ближайшее время: еще раз опросить выживших после изнасилования девушек и посетить Общество пунитов. Поэтому, когда в размышления ворвался голос майора, даже вздрогнула:

– Это Рэйя. Какие у вас новости?

– Рэйя? – Даже по телефону было слышно, как растерялся Роил. Не понимаю, с чего бы это. – Хорошо, что позвонила... Нам стало известно, что под тебя копают.

– Вообще-то это логично, – хмыкнула я. – Сегодня начальник личной охраны ясно дал понять, что в курсе подноготной каждой невесты.

– Люди Велаша действуют другими методами: официальные запросы, неофициальные беседы, но позавчера кто-то забрался в архив отделения СИБ и разворошил твое личное дело.

– Вы думаете, это связано с отбором?

– А с чем же еще? – искренне удивился Роил.

Я молчала, думая о Хопсвуде и искренне недоумевая, почему Ирек мне об этом не сказал.

– Хорошо, буду иметь в виду. – Отбрасывая ненужные мысли, я потряхнула головой. – У меня есть просьба: проверьте Кризан Арборах и выясните все об отце Мираны Блэтт.

– Это невесты? – Роил заинтересовался. – Есть причина полагать, что они замешаны в заговоре?

Я не сразу поняла, что дверь, которая была неплотно прикрыта, хлопнула. К моим волосам даже прикоснулся сквозняк, хотя, наверное, это надвигающиеся неприятности решили предупредить о своем приближении. Я медленно положила телефонную трубку и, не оборачиваясь, попросила Вселенную сжалиться. Мне очень нужно было, чтобы хозяин кабинета не заметил моего самоуправства с телефоном, ведь тогда он просто выгонит горничную, в неподходящий момент зашедшую в его кабинет.

– Что вы здесь делаете? – Раздраженный мужской голос показался мне смутно знакомым, поэтому оборачивалась я уже со стойким осознанием того, что размер неприятностей гораздо больше предполагаемого. И действительно, в дверях, сложив руки на груди, стоял регент. Он окинул меня внимательным взглядом, и в его темных глазах мелькнуло узнавание.

– Девушка, как же вы так быстро сменили свой род деятельности? Только позавчера волочились за моим племянником, а уже сегодня вытираете пыль.

Я недовольно взглянула на Виктора – его тон и манера общения ожидаемо меня раздражали, заставляя забыть, что вообще-то кое-кто пойман с поличным.

– По-моему, это вполне можно совместить.

– Возможно. – Регент приблизился. Его движения не были вкрадчивыми, как у Велаша, но отчего-то завораживали своей плавностью. – Если у вас нет официального статуса невесты. Или вы обманули меня в первую нашу встречу?

– Не обманула. – Отступать было некуда – с тыла подпирал стол. – Но мне помнится, вы обещали забыть о моем существовании.

– Так я бы с удовольствием, – посетовал Виктор. – Но вы же забрались в мой кабинет. Могу я спросить: зачем? Знаете, будь я немного понаглее, предположил бы, что вы ищете встречи со мной.

Я чуть не застонала. Впору писать книгу под названием «Что такое не везет». Надо же, из тысяч дворцовых помещений я забралась именно в кабинет регента!

– Вы бы ошиблись, – заверила я и посмотрела по сторонам. Хотелось спрятать взгляд, лишь бы не видеть насмешливого лица этого мужчины. – Мне казалось, ваш кабинет должен выглядеть иначе.

– И как же? – Виктор потер подбородок, но я могу поклясться – он прятал улыбку. – Позолоченные стены и мебель из хрусталя?

– Примерно так. – Кабинет действительно выглядел достаточно аскетично, идя вразрез с моими представлениями о быте императорской семьи. Простая мебель, да и ее было мало: два книжных шкафа, стол и удобное кресло. Даже ковра не было, и ничего не скрадывало этого ощущения пустоты от довольно большого, ничем не заполненного пространства.

Регент криво усмехнулся и пояснил:

– Это мой неофициальный кабинет.

– Есть и другой?

– Разумеется. Вы и туда собираетесь наведаться? – Виктор резко шагнул вперед, заставляя меня сильнее прижаться к столу, и быстрым взглядом осмотрел свое рабочее место. – После знакомства с вами я пожалел, что отказался от камер видеонаблюдения во дворце. Документы вас не заинтересовали, тогда что вы здесь делаете?

– А почему вы отказались от камер? – пользуясь моментом, поинтересовалась я. Это и впрямь показалось мне очень подозрительным.

Мужчина неожиданно наклонился, нависая надо мной так близко, что я почти легла, опираясь локтями на стол. Поза была очень двусмысленная, и невольно у меня промелькнул ряд вовсе не приличных мыслей, но Виктор, больно ухватив меня за подбородок, прорычал:

– Что ты здесь забыла? Поиски принца отпадают сразу – второй раз не поверю.

Даже с такой открытой и болезненной демонстрацией власти в темных глазах сквозило желание меня поцеловать. Возможно, мне показалось, возможно, это было отражением моего желания, потому что, несмотря на то что этого человека я совсем не знала, его близость

меня возбуждала. Наверное, именно осознание этого меня испугало настолько, что я дернула головой, высвобождаясь, и зло ответила:

– Разговаривала по телефону. Мы что, уже на ты перешли? Очень быстро, я ведь еще не ваша родственница.

Регент отступил на шаг и прищурился от гнева:

– Что за бред? Невестам предоставили телефон.

– Ну да! Два часа в день на всех, а сегодня мне и вовсе не досталось времени из-за свидания с принцем.

Виктор молчал, рассматривая мое лицо, а я молчала, стараясь не обращать внимания на стремительно растущее чувство дискомфорта.

– Не досталось времени, и ты сразу же бросилась бродить по дворцу? Так хотелось общения? С кем ты разговаривала?

Я пожала плечами и отвернулась, не отвечая главным образом из-за того, что не знала, на кого стараниями инженеров СИБ перенаправляется связь, да и перенаправляется ли вообще. Не дождавшись ответа, регент предположил:

– С любовником?

– Вы за кого меня принимаете? – искренне возмутилась я.

– С мужем? – притворно ахнул Виктор.

В ответ я раздраженно закатила глаза, и мужчина торжествующе меня оповестил:

– Хорошо, что есть отличный способ выяснить это.

Регент набрал на телефоне несколько цифр, включил громкую связь, и мы услышали приветливый голос:

– Ваше величество, агент Кирро на связи.

– Добрый день, Кирро. Подскажите, в последние семь-десять минут с моего телефона совершались какие-то звонки?

– Да, два звонка на один и тот же номер.

Я повеселела, так как ответ агента ясно демонстрировал тот факт, что разработки инженеров не пропадают впустую – звонила-то я на два различных номера.

– О чем был разговор? – ядовито осведомился Виктор, хитро поглядывая на меня. Его вопрос меня не удивил, будто бы факт телефонной прослушки мог стать открытием.

Агент замешкался с ответом. Немного помолчал, закашлялся и наконец неуверенно сказал:

– Разговор шел о средствах гигиены для женщин и скидках в имперских торговых центрах. Желаете прослушать запись?

– Нет, я вам верю. Спасибо.

Регент нажал на кнопку, прекращая разговор, и задумчиво воззрился на меня:

– Ты пробралась в мой кабинет, рискуя своим статусом невесты, чтобы поговорить о скидках?

– А также о прокладках, – мстительно уточнила я. – Жуть как хотелось поговорить об этом с лучшей подругой.

– Почему же потребовалось два телефонных звонка? Не все уточнила в одном?

– Мне показалось, в коридоре кто-то прошел. Естественно, я заволновалась и положила трубку. – От нервов начало подрагивать левое колено, но я твердо смотрела в глаза мужчине.

– Как тебя зовут? – внезапно спросил Виктор, опять наклонившись ко мне. Хорошо хоть за подбородок больше не хватал.

– Так нас же объявляли по телевизору, вы не смотрели?

– Не интересуюсь чужими невестами, – странно усмехнулся Виктор и наконец-то, обогнув стол, отошел от меня настолько, что я смогла спокойно вздохнуть. – Но если тебе тяжело назвать свое имя, думаю, его с удовольствием озвучит Кларисса.

Я на мгновение задумалась и, правильно расставив акценты в словах регента, вкрадчиво поинтересовалась:

– А если скажу, вы не станете ее звать?

В темных глазах регента сверкнуло что-то по-настоящему кошачье. Он улыбнулся каким-то своим мыслям, и я отчего-то подумала, что он предложит мне убедить его не вызывать сваху каким-то крайне неприличным способом. Но Виктор потер виски и сказал:

– Твоя наглость меня утомляет. Я склоняюсь к мысли, что не следовало тебя отпускать в нашу первую встречу, и некоторых мелких, но противных проблем удалось бы избежать.

Регент отвернулся и медленно проговорил:

– Будь уверена, за тобой установят наблюдение.

Боясь даже вздохнуть, я проскользнула мимо мужчины и только успела прикоснуться к двери, как услышала раздраженный рык:

– Имя!

Без зазрения совести я ответила:

– Велания Олькутт.

Я настолько перенервничала, что по дороге в спальню несколько не пыталась спрятаться от проходивших мимо горничных. Нервно кусала ногти и краснела, когда вспоминала хитрый взгляд Виктора. Хуже всего то, что эти воспоминания не вызывали во мне возмущения.

В спальне я сразу бросилась в душ смывать с себя глупые мысли и, что уж тут скрывать, желания. Махровым полотенцем вытиралась яростно и отбросила его с твердым решением, что с регентом больше никогда не встречусь. Во всяком случае, с моей стороны вероятность таких свиданий будет сведена к минимуму.

Едва успела набросить халат, как в дверь постучали и на пороге появилась Мирана.

– Ты спала, что ли? – Рыжеволосая девушка, которую ничуть не смутил мой кислый вид, окинула взглядом комнату, и уверена, от нее тот факт, что кровать не разостлана, не укрылся. – Я заходила раньше, но ты не открыла.

– А зачем заходила? – поинтересовалась я, расчесывая мокрые волосы.

– Как это? – Мирана удивленно захлопала ресницами. – Ты же сегодня на свидание идешь – я помогу собраться.

– Ты считаешь, я не в состоянии самостоятельно надеть платье?

– Вот об этом я и говорю. – Девушка возмущенно всплеснула руками. – Ты собираешься. Просто. Надеть. Платье.

– А как нужно? Со спецэффектами?

– А как же прическа? Макияж? Прости, но ты просто обязана иметь шикарный вид, я бы даже сказала, лоск. И я, – Мирана обвела свой силуэт руками, – тебе в этом помогу.

Я отбросила с лица волосы и, вздохнув, решила говорить напрямую.

– Прости, Мирана, но предложение помощи от соперницы меня, честно сказать, пугает.

– Мы же подруги! – Девушка обиженно надула губки.

Заводить нового врага не хотелось, но и доверять почти незнакомому человеку свою шевелюру я не собиралась.

– Для того чтобы стать подругами, нам нужно многое вместе преодолеть, – мягко поправила я. – Так что, как бы хорошо я к тебе ни относилась, прихорашиваться буду самостоятельно.

Мирана задумалась и уточнила:

– Мне стоит обидеться и переметнуться в клан Велании?

– Это твое право, – я равнодушно пожала плечами. – Но если речь идет о каком-то объединении, то мне, конечно, выгоднее, чтобы ты оставалась союзником, но, извини, без слишком деятельного участия в моей жизни.

– Решено. – Мирана поудобнее прилегла на кровать. – В таком случае хотелось бы посмотреть, что ты наденешь, дабы затем обсудить это с другими. Так лучше?

– По крайней мере, честнее.

Должна признать, время с Мираной мы провели достаточно весело – смеясь и шутя. Я оглянуться не успела, как в дверь опять постучали – за мной явился охранник. Глубоко вдохнув, чтобы не волноваться, я оправила платье и бросила на себя взгляд в зеркало. Отразившаяся в нем девушка мне понравилась: высокие каблуки и локоны мне необычайно шли, как и вечернее платье темно-синего цвета, но, когда я открыла дверь, охранник взглянул на меня с сарказмом.

– Наверное, вам стоит переодеться. Не хотелось бы портить сюрприз, но на каблуках будет очень некомфортно.

Волнение, которое я и так подавляла с трудом, подскочило в разы. Проямлив что-то насчет ожидания, я захлопнула дверь и с паникой во взгляде уставилась на Мирану, меланхолично разглядывающую свои ногти.

– Ты это слышала? Я собиралась больше трех часов!

– Натяни шорты и кроссовки и будешь так же шикарна.

– Ты, возможно, забыла, но на улице весна. Притом не поздняя, какие шорты? – с истерикой в голосе спросила я, зарываясь в шкаф.

– Красота требует жертв. Вспомни, на свидании будут журналисты.

– Жертву в виде собственного здоровья я была согласна приносить в подростковом возрасте, но и тогда мне этого не позволяла делать мать. Так что начинать уже поздно.

Из закровов того числа вещей, которые покупала на всякий случай, я выудила обтягивающие эластичные брюки черного цвета с кожаными вставками и подобрала к ним водолазку. Немного подумав,

взяла с собой и куртку-косуху, ведь во дворце мы останемся вряд ли. Мирана окинула меня насмешливым взглядом:

– Принцу придется снимать много одежды.

Я села на пол, чтобы спокойно завязать шнурки на кроссовках:

– Не превращайся в Брунису. Я иду на обычное свидание.

Мирана хмыкнула, а я, закрывая за собой дверь, добавила:

– Не забывай, за нами будут следовать журналисты.

Охранник вывел меня из дворца и провел к автомобилю. Я немного смутилась отъездом, ведь Ильфеина утверждала, что дальше парка они не удалялись. Ехали мы недолго – остановились буквально через несколько минут у огромного забора со шлагбаумом, чтобы охранник показал пропуск. Я заподозрила, что Виктор не настолько добродушно отнесся к моим путешествиям по дворцу, как казалось, и сейчас меня везут на пытки. По моему мнению, за таким высоким забором может происходить только что-то незаконное.

Тем приятнее было осознать, что я ошиблась, – за забором размещался личный космодром с миниатюрными межпланетными катерами. Недалеко от посадочной полосы, нетерпеливо постукивая носком тяжелого ботинка, меня уже ожидал Максимилиан. Он был великолепен: белый защитный костюм наподобие тех, которые надевают мотоциклисты, растрепанные волосы и горящие настоящим мальчишеским азартом глаза. Принц обошел остановившийся автомобиль и открыл дверь, подавая мне руку.

– Рад видеть вас, Рэйя. – Смотря в глаза, Максимилиан поцеловал мою руку, намеренно заставляя смутиться. Журналисты защелкали фотоаппаратами, и сразу с двух сторон подбежали операторы, дабы запечатлеть нас с разных ракурсов. Наверное, я не смогла скрыть недовольную гримасу, раздраженная таким пристальным вниманием, потому что принц понятиливо усмехнулся и негромко произнес:

– Придется потерпеть это маленькое неудобство.

– Жаль, что неудобство это не одно, – пошутила я. – Их здесь как минимум десять. Но неважно, я тоже очень рада видеть вас.

И это действительно было правдой. Мое хорошее настроение немного омрачало только осознание того, что на свидание меня пригласил Велаш, а не сам Максимилиан.

Принц под руку подвел меня к катеру, и мы скоро в него погрузились. Правда, с отправлением вышла небольшая заминка: катер

рассчитан был только на двоих, и журналисты мало того что не смогли отправиться с нами и, соответственно, у них не было возможности безостановочно снимать, так еще и во второе средство передвижения все желающие явно не помещались. Некоторое время мы с принцем сидели в своем уже задраенном и полностью готовом к отправлению космокатере и, смеясь, наблюдали за посадкой журналистов. Странное дело, но в миниатюрный катер влезли десять человек, и это не считая громоздкой аппаратуры, которую, конечно же, они взяли с собой.

— Куда мы летим? — осмелилась я спросить, когда автопомощник поднял катер в небо. Летающий аппарат журналистов еще стоял внизу и мигал всеми лампочками, показывая, что катер перегружен.

— На Этельстат, — подмигнул Максимилиан. — И раз уж я решил познакомить тебя со своей вотчиной, думаю, есть смысл перейти на ты.

Я чуть не задохнулась от восторга. Этельстат, спутник Фрибрина, уже сто пятьдесят пять лет был закрыт для посещений простыми смертными, считаясь личной собственностью императорской семьи. Огромные территории были разделены между родственниками императора, и по негласному правилу никто не вмешивался в жизнь соседнего поместья. Красоты этого небесного тела были легендой, о них все знали, но никто не видел. Иногда, как, например, сегодня, на Этельстат приглашали журналистов, но бывало это так редко, что их согласие терпеть значительные неудобства в полете легко объяснялось.

— Я не против, — восстановив дыхание, пробормотала я и сразу же прилипла к окнам в ожидании скорой встречи со спутником-мечтой.

Дорога заняла полчаса. На средней для таких аппаратов скорости катер преодолел слой тропосферы, быстро разогнавшись, покинул атмосферный слой Фрибрина и вышел в открытый космос. Загудели дополнительные двигатели, и спутник, который всегда казался не просто далеким, а недостижимым, мгновенно приблизился.

Виды, открывшиеся мне, когда катер сбросил скорость, идя на посадку, оказались великолепными. Не было городов с их неизменными заводами и однотипными коробками домов, отсутствовали дороги, похожие на многочисленные швы планеты. Везде, куда простирался взгляд, видны были только горы, покрытые зеленым мхом лесов. Когда мы улетали с Фрибрина, в Думаре был

вечер, а в той части Этельстата, куда сейчас спускался катер, занимался рассвет.

– Здесь очень красиво, – я с улыбкой взглянула на Максимилиана.

И он кивнул в ответ:

– Каждый раз удивляюсь этому, хотя уже должен был привыкнуть за столько-то лет.

– Здесь есть поселения? – Если бы окна открывались, я бы, наверное, выпала из катера, так сильно старалась выглянуть.

– Это Вилмарские горы, – лениво пояснил принц. – Если пролететь сто пятьдесят километров на запад, обнаружим мое поместье, но сейчас мы остановимся здесь.

Катер приземлился на небольшой посадочной площадке, и нас окружила толпа охраны.

– Придется подождать журналистов, – с досадой вспомнил принц.

Меня это ничуть не расстроило, я с восторгом вдыхала чистый воздух и смотрела по сторонам, охранники же отреагировали совершенно безэмоционально. Немного позже принесли защитный костюм красного цвета, схожий с тем, который уже был на принце, и я с помощью Максимилиана облачилась в него. Куртку пришлось снять, но мой выбор обтягивающей одежды позволил не раздеваться перед незнакомыми мужчинами. К моменту появления изрядно помятых журналистов, которые все-таки смогли заставить перегруженный катер взлететь, я была совершенно готова. Правда, пока не понимала к чему.

– Наконец-то вы явились, господа, – насмешливо обратился Максимилиан к недовольным, но сосредоточенным журналистам. Я поймала себя на мысли, что таким поведением он очень схож с дядей. – Право, не стоило уделять нам столько внимания, катер был рассчитан на одну журналистскую команду из двух человек.

Я с сомнением посмотрела на принца – ни один из присутствующих репортеров не смог бы уступить своему коллеге возможность попасть на Этельстат. И он, безусловно, об этом знал.

По сигналу принца охрана вывезла несколько квадроциклов. Максимилиан обернулся ко мне, но старался говорить громко, чтобы операторы смогли запечатлеть разговор на камеры.

– Рэйя, я помню, ты сказала, что управляешь мотоциклом. Рисковать твоей жизнью и проверять правдивость этих заверений, устраивая гонки, я, конечно, не могу, поэтому предлагаю прогулку на

квадроциклах. В защите, шлеме и при умелом вождении риск практически минимален. Так что, согласна продемонстрировать свои умения?

– Еще бы! – От предвкушения я даже зажмурилась.

– Наперегонки, – предложил принц, держа в руках шлем. – Фишки и указатели направления расставлены. Во всяком случае, должны быть. – Трое мужчин в форме, стоящие между нами и журналистами, почти синхронно кивнули. Они собирались двигаться за нами на точно таких же квадроциклах. Журналистам выделили огромный внедорожник без крыши, и они набились в него почти с удобством. Жаль, конечно, их было – на переднем пассажирском сиденье разместилось сразу два оператора (камерам ведь необходим комфорт), а сзади устроились семеро совсем не стройных журналистов. Одному бедолаге не хватило места, и он, нервничая, просил взять его хотя бы на ступеньку.

Не обращая никакого внимания на дискомфорт репортеров, Максимилиан провел для меня краткий инструктаж по вождению и помог отрегулировать шлем. Я не стала пояснять, что квадроциклом не раз управляла, а со шлемом-то уж точно умею обращаться, но, хихикая и смущаясь, совершенно по-женски принимала помощь принца.

Мы проехали к импровизированной линии старта, выделенной красными лентами, и остановились, преувеличенно сильно и громко газуя. Максимилиан хитро посматривал на меня, по-видимому, уже уверенный в своей победе, но я, несмотря на то что, по заверениям психологов, мужчины очень любят побеждать, проигрывать ему не собиралась.

Охранник дал отмашку, и, в первую секунду забуксовав на месте, мы рванули вперед. Камни вырывались из-под колес, разлетаясь в разные стороны и заставляя журналистов, подъехавших слишком близко и вытягивающих шеи в ожидании сенсации, трусливо уворачиваться.

Победить принца мне не удалось. Маршрут наш был просто великолепен: через горные реки, лесные тропинки, мимо озера и вдоль красочного обрыва. Охранники не отставали, журналистам периодически удавалось поравняться с нами, но перегруженный внедорожник зачастую не мог выдержать такой темп движения по бездорожью. То и дело я отвлекалась на восхитительные в свете

восходящего солнца пейзажи, и Максимилиан вырывался вперед, в азарте ничего вокруг не замечая. Я спохватывалась, квадроцикл ревел, подчиняясь моему желанию ехать быстрее, и даже сквозь толстый защитный костюм чувствовался жар раскаленного двигателя, но в итоге принц первым пересек финишную черту. Снимая шлем, подошел к моему квадроциклу и помог подняться.

– Ты победил, – с досадой констатировала я.

Максимилиан довольно пригладил встрепанные волосы.

– Надеюсь, ты не станешь утверждать, что поддавалась мне.

– Хотела бы я так сказать, но это неправда, – признала я. – Все было честно.

– Да брось. – Принц шутливо меня приобнял. – Если бы трасса была знакома, ты бы обязательно выиграла.

Журналисты, даже не выходя из внедорожника, защелкали камерами, и я отстранилась, предвидя заголовки газет: «Нежности принца с одной из невест». Такой милый, хотя пока что и дружеский жест был испорчен густым налетом показушности, который был неизбежен в окружении такого количества репортеров. Принц правильно понял мое настроение и досадливо поморщился.

– Если нас оставят на пять минут, позволю сфотографировать свое поместье изнутри. – Максимилиан вроде бы ни к кому не обращался, но журналисты, быстро посоветовавшись, что-то прошептали водителю, и внедорожник, взвизгнув колесами, умчался.

Принц расслабил плечи и, запрокинув голову, глубоко вздохнул.

– Ты же принц, – задумчиво сказала я. – Неужели не можешь ограничить столь пристальное внимание журналистов?

– Они неизменно находятся рядом, и тем более это обязательно сейчас. Страна должна полюбить будущую императрицу, а чтобы познакомить с ней граждан, необходимы камеры, камеры, много камер. Так приятно хотя бы секунду, хоть немного побыть без их внимания.

Я красноречиво взглянула на троих охранников, к побегу репортеров не присоединившихся. Максимилиан улыбнулся:

– Это мои братья по несчастью. Они охраняют меня с детства, и у них так же, как и у меня, не бывает выходных. Вик, Марк и Базрад.

Охранники опять синхронно кивнули. Я с недоумением покосилась на них и мысленно восхитилась принцем, который был в состоянии различить этих, на мой взгляд, совершенно одинаковых

людей. Хотя, возможно, он просто знает, как их зовут, а кому какое имя принадлежит, не в курсе.

– Ты очень задумчива, – неожиданно сказал Максимилиан, понаблюдав за моим лицом. – Улыбаешься, осматриваешься вокруг с интересом, а затем, словно по щелчку, в глазах появляется тревога.

Я очень удивилась: принц не производил впечатления настолько внимательного и чувствительного человека. И, находясь под влиянием его чуткого наблюдения, нестандартного для человека такого положения, призналась:

– За отбором, там, в обычной жизни, у меня осталось неоконченное дело.

– Несчастливая любовь? – Мне показалось, или Максимилиан погрузился?

– Нет, что ты. Расследование. Передавая документы коллеге, я посчитала дело закрытым, но, как выяснилось, еще очень многое не сделано, не проверено и не предпринято. Это мучает меня и занимает большую часть моих мыслей, извини.

– Ты хочешь уйти? – помолчав, уточнил принц.

Я даже засмеялась, услышав такое предположение:

– Опять нет. Просто ты поинтересовался тем, что меня беспокоит, и я рассказала...

– Это будет интересно. – Принц сложил руки на груди, и я даже вздрогнула, в который раз заметив схожесть его с дядей. – Если дело только в том, что тебе нужно совершить какие-то следственные действия, то я могу помочь.

Я непонимающе нахмурилась, но принц лишь подмигнул и обернулся к возвращающимся журналистам.

## Глава 8

Что имел в виду Максимилиан, в этот вечер выяснить так и не удалось – журналисты подоспели очень не вовремя. По их раздосадованным взглядам сразу стало понятно, что подслушать наш разговор не удалось, несмотря на новомодные шпионские штуки, которые в настоящий момент они прятали в карманы. Мне и принцу пришлось сделать несколько совместных фото, дабы успокоить расшатанные сегодняшним вечером нервы репортеров, и, тепло попрощавшись, мы расстались. Максимилиан отправился в поместье устраивать обещанную экскурсию, а меня доставил во дворец один из охранников.

По возвращении у дверей спальни меня ожидала делегация хмурых и сонных невест, но я настолько утомилась, что проигнорировала их, прошла в комнату и закрыла на замок дверь. Думала, придется сооружать баррикады, но обошлось без крайних мер – ограничившись возмущенными комментариями, девицы разошлись. Я же перед сном вспоминала события сегодняшнего дня и размышляла. Должна признаться, отбор принимал для меня несколько иное значение, чем простое исполнение задания. Появлялись симпатии, подобие дружбы, собственный интерес. К тому же у меня не было возможности следить за принцем, и единственным достижением оставалась слежка за белокурой нимфой в первый день пребывания во дворце, да и то вряд ли можно с уверенностью заявить, что девушка имеет отношение к заговору. Уснула я не скоро, и обрывистый короткий сон запомнился только пребыванием в нем Виктора.

Ранним утром все невесты были разбужены истошным воплем, доносящимся из чьей-то спальни. Пока девушки решались выглянуть в коридор, дабы выяснить, что происходит, несвязные крики переросли в обличающие, которые состояли в основном из мата.

Когда я распахнула дверь, уже представляя чей-то хладный труп, глазам моим предстала удивительная, если не странная, картина. Две невесты вцепились друг другу в волосы и катались по полу. Девушка-блондинка в сиреневом пеньюаре оказалась чуть крепче и, подмяв под себя соперницу, пинала ее ногами. А девушка с кудрявыми темными

волосами, способная лишь обороняться, выкрикивала такие витиеватые ругательства, что даже у меня, привычной к несдержанным на слова преступникам, вяли уши. Зрелище, прямо сказать, было не для слабонервных – разноцветные пряди волос валялись на полу, окружая эту странную парочку, пеньюар одной бесстыдно задрался, демонстрируя всем желающим голый зад, а пеньюар второй девицы был изорван в клочья.

Столпившиеся в коридоре невольные зрительницы, покинувшие свои спальни из-за шума, испуганно жались друг к другу, но вмешиваться не решались, настолько яростной была схватка. Подоспевшая охрана разняла девушек и развела их, запыхавшихся, поцарапанных и избитых, в разные стороны. У блондинки под левым глазом зрел внушительный фингал, брюнетка же всхлипывала, прикрывая разбитую губу ладонью. Скоро явилась и Кларисса, сразу же принявшаяся выяснять причину схватки. Из сбивчивого рассказа брюнетки, перемежавшегося с рыданиями, мы узнали следующее. Накануне брюнетка (зовут ее, кстати, Валериана) хвасталась, что придумала и уже даже изготовила отличное платье для бала. Валериана неплохо умеет шить, и для нее отсутствие подходящего наряда не стало такой проблемой, как для остальных. Служанки принесли швейную машинку, ткань она получила, разрезав некоторые свои наряды, и буквально за несколько часов, обладая определенными навыками, перешила облачение из магазина. Ладно бы Валериана просто сказала о шикарном платье – все бы просто пропустили это мимо ушей, но ей пришлось в голову и надеть его, демонстрируя соперницам правдивость своих слов. Сама я не имела чести лицезреть это платье, ведь в тот момент общалась с принцем, но говорят, что наряд и впрямь оказался достойным. Присутствовавшая на мини-показе невеста с Рабиоля, по имени Зирку, взглянула на сияющую Валериану и заметила, что у них примерно один размер одежды. А так как у самой Зирку подходящего для бала платья не было, как не было и навыков швеи, остальное несложно угадать. Ранним утром, когда, по мнению ученых, спящего настигает самый крепкий сон, Зирку, так сказать, «пошла на дело». На ее беду, Валериане не спалось – она допоздна просидела с книгой, а имея от природы чрезмерную впечатлительность, вертелась в кровати, переживая за главную героиню. Тут-то она и услышала странный шорох у двери. Как мы

помним, впечатлительность девушки не знала границ. Валериана решила, что к ней наведались грабители, и, не придумав ничего лучше, спряталась от них в шкаф. Представьте удивление Зирку, когда она в поисках платья открыла шкаф и обнаружила в нем побледневшую от страха Валериану. Подозреваю, что некоторое время они глупо глазели друг на друга, и если бы блондинка в тот момент пошевелила мозгами и ушла, придумав хоть какую-то причину своего появления, невест не подняли бы с постелей в половине пятого утра. Вопреки здравому смыслу Зирку схватила злосчастное платье, которое висело прямо перед ее носом, и попыталась удрать. Вот тогда-то Валериана истошно закричала, поняв, зачем явилась соперница, и бросилась на нее с кулаками. На беду брюнетки, Зирку оказалась сильнее и, несмотря на то что в общем-то была виновата, сдаваться не собиралась.

– На что ты надеялась? – изумилась Кларисса, обращаясь к Зирку. – Что Валериана не заметит исчезновения платья? Или что не узнает его на тебе в день бала?

– Исчезло и исчезло, новое сошьет, – угрюмо огрызнулась Зирку. – А насчет бала... Если бы меня в этом платье увидел принц, слова этой замухрышки стали бы неважны.

– Надеюсь, не стоит объяснять, почему ты покидаешь отбор? – сверля Зирку взглядом, грозно спросила Кларисса.

Но Зирку искренне не понимала, в чем состоит ее вина. По мнению девушки, на войне все средства хороши, а в сражении за любовь можно прибегать к методам и вовсе препротивным:

– Когда вы запланировали бал, оставив поиск нарядов на наше усмотрение, должны были сознавать, во что это выльется.

– Осознавали, – со сладкой улыбкой согласилась Кларисса. – И надеялись, что такие криминальные элементы, как ты, себя проявят. Так и получилось.

Я невольно бросила взгляд на желтые тряпки, лежащие на пороге спальни Валерианы, и с сожалением подумала, что натянуть их на кого-то теперь невозможно. Стало ужасно жаль чужой труд, так нещадно растоптанный.

– Не радуйся так бурно. – Кларисса с презрением взглянула на Валериану, которая от радости, что возмездие для Зирку наступило так скоро, даже захлопала в ладоши. – Ты тоже сегодня отправляешься домой.

– Как это? За что? – не поверила своим ушам брюнетка.

Я же, поняв ход мыслей свахи, все для себя уяснила.

– С таким запасом ругательств твое место на стройке, а не на императорском престоле, – отрезала Кларисса. – Императрица всегда должна держать себя в руках.

– Даже когда ее за волосы таскают? – возмутилась Валериана, и ее поддержал гул голосов невест.

– Даже тогда, – не уступила сваха. – Кто думает так же, как и Валериана, сделайте шаг вперед и начинайте мысленно собирать чемоданы. Зато будете знать, что поступили в соответствии со своими убеждениями.

Все ожидаемо остались на своих местах, и Кларисса, удовлетворенно хмыкнув, удалилась, напоследок приказав охранникам проследить за сборами девушек, потерявших статус невест принца.

Мы попрощались. Зирку вела себя совершенно спокойно, хотя со справедливостью изгнания согласна не была, искренне полагая, что возникший инцидент полностью на совести организаторов отбора. Валериана же молча плакала, закрывая поцарапанное лицо руками. Уже через час девушек выставили из дворца вместе с наспех собранными горничными чемоданами.

Перед завтраком я попала под пристальное внимание Яша. Так же, как вчера Ильфеине, ведущий принялся задавать мне вопросы.

– Вы женщина-боец, – решительно заявил он. – Старший сержант Службы имперской безопасности просто не может быть мягкой и пушистой, ведь так?

– Нет, – натянуто улыбаясь, ответила я. – Старший сержант я на службе, а в обычной жизни мне, наоборот, не хватает твердости.

– Отбор нельзя назвать обычной жизнью, – заметил Яш. – Здесь, как нигде, могут проявиться ваши бойцовские качества, а принц славится своим легкомыслием. Сможет ли он подчинить вас себе?

– Я думаю, с возрастом легкомыслие его высочества рассеялось, и на отборе невесту ищет мужчина разумный и серьезный.

– Вы поняли это после вчерашнего свидания? – сделал изумленный вид Яш. Непонятно, что же меня привлекало раньше в этом второсортном актеришке. – Что именно подтолкнуло вас к этой мысли?

Я даже растерялась, вопрос показался мне несколько туманным:

– Поведение принца, наверное.

Было заметно, что ведущего такой ответ не удовлетворил.

– Какие-то определенные слова? Нет? Значит, поступки! Вчера принц ненадолго отослал съемочную команду. Что произошло за эти четыре с половиной минуты?

– Мы разговаривали.

– Просто разговаривали?

– А вы считаете, можно было успеть что-то большее? – разозлилась я.

– Поцелуи, объятия должны были быть, – наседал Яш, разговаривая напористо и быстро, чтобы не дать мне времени на раздумья.

– Вас печалит тот факт, что пока в отборе не происходило ничего экстраординарного? – успела спросить я.

Яш хмыкнул. Сбить его с толку оказалось нелегко.

– Разве сегодняшнюю драку невест вы считаете недостаточно скандальным действием? Но все заметили вашу попытку уйти от ответа, и более настаивать на нем я не стану. Всем и так все ясно. – Ведущий многозначительно подмигнул в камеру. – Вам понравилось вчерашнее свидание?

– Очень понравилось, – терпеливо отвечала я.

Дальнейшие вопросы растянулись минут на семь и оказались различными вариациями на тему, что же произошло между мной и принцем, когда нас не снимали камеры. Я стойко держалась, на все вопросы отвечать старалась односложно или же уклончиво, да и ядовитые реплики, рвущиеся изнутри, сдерживала. Спасло меня появление принца.

Максимилиан ворвался в столовую, расточая улыбки. Ведущему кивнул как старому знакомому и, абсолютно не считая себя виноватым, заявил:

– Прошу прощения за то, что немного спутал ваши планы, Яш. Но я достаточно долгое время стоял за дверью в ожидании, когда о моем приходе наконец-то сообщат, и, честно сказать, озверел от безделья и голода. Дорогие невесты, приветствую вас.

Все без исключения девушки улыбнулись в ответ, и улыбки их были лишены какого-либо жеманства и кокетства – принц искренне

располагал к себе. Я наскоро попрощалась с Яшем и спряталась в толпе невест.

Завтрак прошел мирно и позитивно. Максимилиан отвечал на все вопросы девушек, постоянно шутил и смеялся. Заметно было, что у принца хорошее настроение, и, заражаясь им, веселились и невесты. Вопросы, задаваемые Максимилиану, в основном касались личных тем. Например, Бруниса в своей обычной пошловатой манере общения спросила:

– Как скоро должна наступить близость между вами и девушкой?

На что принц ответил, что в каждом отдельно взятом случае это индивидуально. Для всех девушек свой режим переключения скоростей, и обобщать не хотелось бы. Бруниса ответом явно осталась довольна, подозреваю, отнеся слова Максимилиана в пользу быстрой связи, главной героиней которой, разумеется, считала себя. Но я да и многие невесты усмотрели в словах принца намек на некое разделение девушек по принципу «для свадьбы» и «для секса».

Велания меня удивила, задав его высочеству вопрос о книгах, которые он прочитал, а Нирара свернула разговор в иное русло. Все девушки задавали свои вопросы сидя, но «поганка» резко поднялась с места и громко спросила:

– Ваше высочество, собираетесь ли вы как-то повлиять на возмутительное бесправие людей, живущих в Клайфсбете?

– Мы на выборах? – Максимилиан в первую секунду растерялся, но сразу взял себя в руки и заметил, что Клайфсбет населяют не инвалиды или же беженцы, а в основном криминальные элементы.

– В основном, – горько усмехнулась Нирара. – А также дети, жены этих криминальных элементов и люди, которых именно нахождение за чертой бедности толкнуло на преступный путь.

Случайно повернувшись, я заметила, как Мирана побледнела и вцепилась руками в скатерть. Заметив мой взгляд, девушка опустила руки и пояснила:

– Заболел живот.

Но я вдруг вспомнила инцидент с ее опозданием. Тогда она точно так же злобно смотрела по сторонам и после неумело лгала.

– Это проблема не одного дня, – медленно и серьезно проговорил принц. – В первую очередь нужно повышать уровень жизни населения, тогда...

– Это все слова! – запальчиво воскликнула Нирара, перебивая принца. Охрана подобралась, девушки возмутились, но Максимилиан сделал всем знак успокоиться и внимательно слушал «поганку». – Я спрашиваю не об империи, в которой есть богачи, а есть бедняки, не о планете и даже не о городе. Я говорю об одном отдельно взятом районе. Когда в нем появится заслуживающая доверия социальная служба? Когда прекратится игнорирование Клайфсбета органами власти? Я уже молчу о предвзятом отношении к людям из Поганки! Но если вы, ваше высочество, предпримете хоть какие-то шаги к изменению ситуации в городе, то и народ последует вашему примеру.

– Я вижу, вы продумали некоторые действия, которые необходимо предпринять администрации города? – спокойно заметил принц. – И думаю, мы сможем их обсудить сегодня. На нашем с вами свидании.

Нирара зарделась, внезапно вспомнив, что, помимо защитника прав угнетенных, она является еще и женщиной, а перед ней сидит самый завидный жених империи.

– Благодарю вас, ваше высочество, – пролепетала «поганка» и села на свое место.

Бруниса раздраженно бросила приборы на тарелку – ее попытка обратить на себя внимание принца опять провалилась.

На выходе из столовой меня удержал за локоть один из охранников:

– Через час за вами зайдут, будьте готовы.

Сердце мое ухнуло куда-то вниз. Я кивнула, чувствуя, как к горлу подбирается неприятная тошнота, грозящая вытолкнуть сырники, которые я в большом количестве поглощала за завтраком. Зачем я могла понадобиться охране? Наверное, регенту уже донесли о моем настоящем имени, или же он выяснил, что я засланный шпион СИБ. Но тогда это значит, что он действительно замешан в заговоре! Глубоко вдохнув и уговаривая себя успокоиться, я на деревянных ногах направилась в спальню и там умылась. Если бы меня действительно собирались допрашивать, вряд ли бы предупреждали об этом заранее. Логичнее ударить меня чем-то по голове или придушить в кровати. Ведь убили же заговорщики информатора... Стоп. Почему я вообще решила, что охранник – посланник Виктора? Может быть, Максимилиан решил дать мне телефон.

Почувствовав легкую головную боль, я потерла виски и решила отвлечься. Насколько мне помнилось, в день знакомства с принцем Велания появилась в столовой сразу перед Мираной, и потому я намеревалась спросить, не заметила ли она что-то подозрительное.

Узрев меня на своем пороге, Велания заметно удивилась, но достаточно быстро оправилась и постаралась сделать вид, демонстрирующий мысль «как меня достали посетители».

– Чего тебе? – неприветливо буркнула она.

– Поговорить. – Я оттеснила блондинку плечом и прошла в комнату. В спальне Велании царствовал сиреневый цвет. Все – от стен до мебели, не говоря уж о шторах и покрывале, – играло различными его оттенками, но самое удивительное было в абсолютном порядке. Ничего лишнего не стояло на туалетном столике, кровать по-солдатски идеально была застелена, вещи прятались на своем месте в шкафу, а не лежали на стуле, кресле или же полу. Мне казалось, что в характере Велании нести с собой хаос и разрушения, но впечатление мое оказалось ошибочным.

– Какие опять претензии? – уперев руки в бока, возмутилась Велания. – К телефону я первая не иду, жду своей очереди, что еще?

– Никаких претензий, – спокойно ответила я. – Хотела поговорить.

Велания немного замешкалась, но все же, поджав губы, кивнула на кресло, предлагая присесть:

– Говори.

Я села на край кресла лавандового цвета, подождала, пока Велания устроится напротив, и сказала:

– У тебя очень красивая комната.

Велания нервно дернула плечом:

– Не моя заслуга.

– В чем-то и твоя. Горничные обычно приходят, когда мы на обеде, но у тебя и без них идеальный порядок.

Велания раздраженно закатила глаза:

– Ты пришла, чтобы поговорить об этом? О моей привычке поддерживать чистоту? Самый странный разговор в моей жизни.

– Нет, не об этом. – Я едва заметно поморщилась. Установить с Олькутт хоть какое-то подобие дружественных отношений, наверное, никому не было под силу. – Помнишь, в день нашего знакомства с принцем ты немного опоздала? Почему?

– А что? – Велания сразу же напряглась. – К приходу принца я успела, меня за это не выгнали, чем ты недовольна?

Что за характер-то такой противный? В каждом слове подозревает подвох. Я, как могла, замаскировала разгневанную гримасу под суровость и сквозь зубы процедила:

– Как ты помнишь, я старший сержант Службы имперской безопасности и если задаю такие вопросы, значит, есть необходимость. Итак, дубль два: почему ты опоздала?

На лице Велании была написана тяжелая работа мысли. Девушка задумалась, недоверчиво глядя на меня, но все-таки недовольно буркнула:

– С принцем хотела в дверях столкнуться. – Значит, мое первое предположение было верным. – Поэтому долго собиралась, еще и по галерее спален невест прогулялась. Но не вышло – только подошла к столовой, как рыжую в коридоре напротив заметила. Пришлось заходить, а то бы она мигом растрепала, что я специально опоздала.

Я насторожилась:

– Рыжая – это Мирана Блэтт?

– А кто еще? – пожала плечами Велания. – Только у нее волосы огнем горят, у всех остальных прически нормальные. Ну, большей частью. Наверное, эта Мирана сама хотела на себя внимание Макса обратить, но у нее тоже не вышло. Эй, ты учти, если кому расскажешь про это, я все буду отрицать.

– Не беспокойся, – отмахнулась я, вставая с кресла. – Никому не интересны твои детсадовские уловки. Спасибо за ответ.

Велания в беспокойстве прикусила губу:

– Зачем ты вообще приходила? Что случилось-то?

Я интригуяще приложила палец к губам и ушла, оставив Веланию наедине со своими домыслами.

Вырисовывалась странная, если не удивительная картина. Мирана караулит кого-то в коридоре и скрывает это. Возможно, она так же, как и Велания, хотела столкнуться с принцем в дверях, но, насколько мне помнится, в столовую она зашла гораздо раньше его. Был, конечно, вариант спросить об этом напрямую у госпожи Блэтт, но я уже задавала ей вопрос насчет опоздания, и она сочинила какую-то глупую байку о заблокированной двери.

Я уже вернулась в свою спальню, а мысли лихорадочно кружили в голове. Мирана утверждала, что ее выпустил из комнаты охранник, интересно, как она выкрутится, если спросить его имя или как он выглядит. Может быть, я зря накручиваю себя? Вполне возможно, что подлянка с дверью имела место быть.

Скоро в дверь постучали – наступила моя очередь разговаривать по телефону. Под влиянием последних новостей я сразу же набрала номер Роила. Майор был чем-то очень недоволен и, по-видимому, решил выместить свою злость на мне:

– Ты уже довольно долгое время находишься во дворце, что удалось выяснить?

Я даже опешила от такой наглости:

– Ровным счетом ничего! И хочу заметить: это ваша вина! Кто обещал, что задание будет плевым, меня сразу пустят во все помещения дворца, а принц так и вовсе все важные встречи станет в моем присутствии проводить?

Роил сердито засопел в трубку:

– Мы такого не обещали.

– Тогда непонятно, на что вы вообще надеялись, – тут же отбрила я. – Меня не выпускают из левого крыла, на свидании с принцем была только один раз, какие данные я должна вам предоставить? Сколько раз в час его высочество чихнул? Так с радостью отвечу – ни одного! Но эти данные, сами понимаете, не основаны на систематических наблюдениях.

– Из эфира я знаю, что вы оставались наедине, – заявил Роил. – О чем говорили в этот момент? Кто был рядом из охраны?

– А это вам зачем? – насторожилась я. Поведение и необоснованные претензии майора мне совершенно не нравились.

– Важна любая информация! – рявкнул Роил. – Даже если она тебе и кажется неважной. Тебя предупреждали: твое дело маленькое, систематизировать данные будем мы!

«Ничего себе маленькое!» – разозлилась я, а вслух сказала:

– С радостью расскажу вам об охранниках, я даже имена их выяснила, но только после того, как вы поведаете мне о невестах Арборах и Блэтт. Если помните, я просила вас кое-что о них выяснить.

– Ты условия еще ставить будешь? – Майор явно не поверил своим ушам.

– Конечно, – мстительно улыбнулась я, жалея, что Роил этого не видит. – Вряд ли у вас есть еще одна возможность протолкнуть своего шпиона во дворец, так что глупостью будет не воспользоваться ситуацией. Тем более это в ваших интересах – как знать, может быть, предчувствие меня не подводит и эти девушки замешаны в заговоре.

– И что тогда? На основании твоего предчувствия и их биографий, в которых личная охрана не усмотрела ничего подозрительного, нам группу захвата высылать? Ты говорила, что одна из невест – виновница покушения на девушку в первый день. Эта невеста похожа на Арборах или Блэтт?

– Возможно, – уклончиво ответила я. – Так что вы выяснили?

Роил тяжело вздохнул, но принялся рассказывать:

– Арборах в возрасте семи лет взломала сайт одного из крупнейших банков империи. Деньги со счетов не переводила, да и скорее всего произошедшее было случайностью и баловством ребенка, хотя и слишком разумного. Но это единственное доказанное неправомерное ее поведение.

– Было и недоказанное?

– Год назад закончились ее отношения с парнем, который через месяц после разрыва сел в тюрьму, осужденный за совершение ряда экономических преступлений. Возможно, Арборах каким-то образом помогала ему, но это только домыслы, фактов никаких нет.

Значит, темные пятна в биографии Кризан присутствуют, поэтому она и смутилась в присутствии начальника охраны. Но думаю, ситуацию с предполагаемым участием Арборах в преступлениях ее возлюбленного люди Велаша изучили более тщательно, чем майор. И будь в ней что-то стоящее, Кризан тут же изгнали бы с отбора.

– Хорошо, что насчет Блэтт?

– Не понимаю, почему она тебя вообще заинтересовала. Ее отец – инженер-электронщик на заводе, обычный мужчина, правда, любит выпить. Но это не преступление.

– Вы говорите об отчине, – закатила я глаза. – А меня интересует ее родной отец.

– В метриках ничего об этом нет. Попробую выяснить. Теперь твоя очередь – охрана принца.

– Простите, у меня закончилось время для разговора, – вежливо сказала я. – Новостей много, за пару слов не успеть.

– Что-о?! Сержант Адальстан, да я вас...

– Простите, – повторила я и положила трубку.

Никаких угрызений совести я при этом не испытывала, отчего-то вопросы Роила насчет охраны меня смутили. Если у СИБ есть какие-то подозрения по поводу конкретных людей, логичнее спросить у меня, был ли рядом с принцем такой человек. Наверное, пока не разберусь в том, что на самом деле происходит, стоит фильтровать ту информацию, которую требует вызнать майор. А с другой стороны, никакой стоящей информацией я пока и не владею. Но не заметила я и со стороны Роила особого рвения мне помочь. Уж о родном отце Мираны мог бы и постараться что-то выяснить, у Велаша же получилось.

Время еще оставалось, и, ни на что особенно не надеясь, я набрала номер Ключера. Трубку он взял не сразу, и своего соседа я даже не узнала – настолько голос его был бесцветен и тих. Это так не походило на жизнерадостного Ключера, что я тут же предположила:

– Ты заболел?

– А, Рэйя, это ты, – с намеком на радость протянул сосед. – Нет, к сожалению, не заболел. В ином случае хотя бы на больничный ушел, но разве ж мне с таким богатырским здоровьем повезет?

– Ты на работе?

– На ней, родимой, – с ненавистью прошипел Ключер. – Ты представляешь, миграционная служба вконец обнаглела – каждый день звонят и ехидно интересуются, как у меня дела. Даже не скрывают, сволочи, что это их рук дело!

– Ключер, ну неужели все так плохо? – постаралась я воззвать к его разуму.

– Все еще хуже, чем ты себе представляешь, – заверил сосед. – За каждый проступок, за каждое опоздание меня журят перед коллективом, вместо того чтобы впаять официальный выговор. Тогда у них нет оснований меня выгнать, а я, как ты знаешь, самостоятельно уволиться не могу – миграционка первым же рейсом отправит меня на ЛошТан-Ага.

– Тебя волнует мнение коллектива?

– Как выяснилось, да! Другие курьеры, обиженные особым отношением ко мне начальства, делают пакости. То еду подменяют, то форму изрежут (но это не так уж и обидно), а вчера в шкафчик

фекалии подбросили! Ты понимаешь? Экскременты! Собачьи! При том, что собак я ненавижу.

– Я могу тебе чем-то помочь? – спросила я, заметив, что время заканчивается.

– Забери меня, – жарко зашептал в трубку Ключер. – Ты же теперь знакома с принцем, вот скажи ему ненароком, что есть такой пришелец с ЛошТан-Ага, совершенно измученный миграционной службой. Неужели его не озаботят муки разумного существа, хоть и с недружественной планеты?

– Ключер, я бы не надеялась, что он тебе поможет.

– Это моя единственная возможность сбежать отсюда! Я счастлив, что пять лет назад в этой занюханной риелторской конторе обратился именно к тебе. Это ведь моя заслуга, что ты стала такой умницей и красавицей. Не забудь и об этом сказать его высочеству.

– Обязательно, – засмеялась я. – До встречи, Ключер.

– До встречи, на которой, надеюсь, ты будешь с принцем.

Ключера, конечно, было жаль, но его тоску по беззаботным дням я всерьез принять не могла. Понимала – ведь знала соседа достаточно долгое время и замечала, что он ужасный соня и лентяй, – но ему все же пора было повзрослеть.

Ровно через час после завтрака в мою дверь постучал охранник, причем это был один из тех мужчин, которых представлял мне Максимилиан. Завидев его, я облегченно выдохнула – все страхи насчет возмездия со стороны регента оказались беспочвенны. «Наверное, принц собирается исполнить свое обещание помочь мне с расследованием, – облегченно решила я. – Хорошо, если бы он выпустил меня из дворца. Хотя бы на пару часов. Нет, пары часов мало...»

– Вик? – наудачу спросила я, запомнить, кому принадлежит это имя, так и не смогла.

Мужчина в ответ улыбнулся, да так, что от испуга я едва сознание не потеряла, и сказал:

– Базрад. Но это не имеет никакого значения, называйте меня так, как вам удобно.

– А почему вы так похожи? – осмелилась я уточнить, когда мы покидали галерею спален. Случайно обернувшись, я с неудовольствием заметила, как вслед нам удивленно смотрит Вудтир.

Уверена, к моему возвращению все невесты уже будут осведомлены о моем уходе. – Близнецы?

– Нет, – спокойно ответил Базрад. – Погодки. Но нас все равно мало кто различает.

Мне стало немного стыдно за свою невнимательность, и весь оставшийся путь до автомобильной стоянки я сконфуженно молчала. Охранник подвел меня к обычному автомобилю цвета морской волны, доступному для среднего слоя населения, и распахнул дверь. Но, когда я обнаружила на заднем сиденье незнакомого мужчину в темных очках и с модной в этом сезоне бородой, присаживаться мне сразу же перехотелось.

– Базрад! – Я испуганно попятилась. – Что происходит? Я закричу!

– Рэя! – Мужчина раздраженно сдернул очки, и я с изумлением узнала в нем Максимилиана. – Не дури, садись скорее.

– Ваше высочество... – пораженно прошептала я и, как безвольная кукла, села с ним рядом. С неподдельным шоком рассматривала небольшие усы и бороду, которые кардинально меняли облик принца.

– Хорошо получилось, правда? – подмигнул Максимилиан, но я, вытаращив глаза, молчала. Забывшись, даже потрогала рукой волосы на его лице. Понимала, что не могли они вырасти так быстро, всего за час, и это фальшивые усы и борода, но проверить все-таки было необходимо.

– М-м-м, мне нравится твоя инициативность, – развеселился принц.

А я испуганно отдернула руку и покраснела:

– Прости, получилось и впрямь здорово.

Максимилиан довольно ухмыльнулся.

– Зачем этот маскарад? Вроде бы сегодня не воскресенье.

– Как зачем? – удивился принц. – Я хочу расследовать с тобой это загадочное дело, которое занимает все твои мысли, а в моем обычном облике это будет крайне проблематично.

– Расследовать со мной? – простила я. – А нельзя ли просто ненадолго выпустить меня из дворца? Уверяю, так получится намного лучше, нежели я буду водить за собой толпу мужиков.

– Нельзя, – нахмурился Максимилиан. – Из дворца я изымаю тебя под свою личную ответственность, причем тайком. Вот так совершишь ты преступление, а у тебя будет алиби. Да и вообще, у меня образовалась пара свободных часов, и мне хотелось бы развеяться.

«Развеяться», – недовольно фыркнула я, но спорить не стала. Вместо этого включила навигатор автопомощника и задала курс по адресу Ригарийского общества пунитов. Максимилиан приподнял брови, удивляясь выбранному пункту назначения, но промолчал.

В машине мы были одни – охрана двигалась в соседнем автомобиле, ни на сантиметр не отставая. За это я была безмерно благодарна принцу, ведь какими бы преданными ни были ему братья-охранники, оказывать им полнейшее доверие для меня было бы преждевременно.

Дорога заняла гораздо больше времени, чем мы рассчитывали, и, помня о том, что принц свободен всего пару часов, я нервничала, что на середине разговора с председателем Общества нам придется встать и уйти. Максимилиан же был в полнейшем восторге: он впервые ехал на машине без правительственных номеров, кортежа и мигалок, и длинная автомобильная пробка для него была в новинку. Принц отвечал на все мои вопросы и с удовольствием задавал свои о службе и друзьях, о хобби и соседях. Пробовал было расспросить о родителях, но заметил мое нежелание обсуждать их и вернулся к теме расследования. Пообещав рассказать об этом деле чуть позже, я осмелилась выяснить один факт, не дававший мне покоя уже несколько дней.

– Чтобы стать императором, тебе приходится жениться. А твой дядя женат? Или для него такие правила не действуют?

– Был женат. – Максимилиан не заметил, как я напряжена. – Его жена умерла семь лет назад. Да и не сказать, чтобы они были особенно близки. Дядя женился, потому что того требовал долг. Я надеюсь, у меня будет по-другому. – И принц тепло мне улыбнулся.

Общество располагалось в двухэтажном грязно-сером здании на окраине Центрального района. По-хорошему, здание давно надо было снести, так что думаю, лишние деньги Общество потратило бы на переезд в другую, более пристойную резиденцию, а не платило бы за злобного соотечественника.

За нами последовал только один из охранников. Покосившись на него, я призадумалась, но уточнять имя постеснялась. Изнутри здание выглядело немного лучше, чем снаружи, – заметно было, что здесь регулярно убирают и стараются как-то облагородить вверенное имущество. Истертые половики покрывали деревянный пол, в котором порой даже отсутствовали половицы. Стены окрасили свежей краской, вернее, ее остатками, потому что я насчитала девять различных цветов, и каждый из них совершенно неожиданно переходил в другой. Маленькие окна хоть и были начисто вымыты, пропускали очень мало света, и в комнатах царил полумрак. Вечером, наверное, включали свет, но днем в целях экономии как-то обходились. Вслед зазвеневшим колокольчиком, висящим над дверью, вышел седовласый пунит в серебристом костюме. Я, кстати, давно заметила, что пуниты предпочитают одежду светлого тона.

– Приветствую вас, – степенно сказал пунит. – Я Кирро Путч, председатель Ригарийского общества пунитов.

С Кирро я не встречалась, ограничиваясь направлением запросов насчет Хопсвуда по почте, но слышала о нем только положительные отзывы, что для пунита, безусловно, было достижением.

– Я старший сержант Службы имперской безопасности Рэя Адальстан, а это, – я замялась, – стажеры.

Небольшие опасения вызывала возможность того, что Кирро потребует мое удостоверение, которое благополучно осталось лежать в квартире, но пунит смерил меня настороженным взглядом и кивнул:

– Вы расследовали дело насчет нашего соотечественника Плиса Хопсвуда. Я помню имя на запросах.

– Действительно, – обрадовалась я. – И именно по этому поводу я и пришла сегодня к вам.

– Он еще что-то натворил? – скривился председатель. – Учтите, Общество не несет никакой ответственности за деяния своих членов, к тому же Хопсвуд только раз здесь появился, и...

– Тогда почему вы внесли за него залог? – вклинилась я в возмущенную речь пунита.

Кирро осекся, пожевал губами, не зная, что ответить, и я даже издали заметила, как он вспотел:

– Мы иногда помогаем нашим согражданам.

– Конечно, конечно, – мило улыбнулась я. – Принесите, пожалуйста, ваши бухгалтерские документы.

– Зачем это? – насторожился председатель.

– Хотелось бы подтверждения ваших слов. Мы взглянем, как часто за последний год вы помогали своим землякам, на какие суммы, а главное, откуда вы такие деньги берете.

– Нам выделяет государство, – проблеял пунит.

– Вранье! – отрезал Максимилиан.

А председатель и вовсе испуганно сжался:

– Я не понимаю, чего вы добиваетесь! Общество имеет право вносить залог, я имею право вносить в его бюджет собственные средства. Да, Хопсвуд единственный, кому мы помогли, но осудить меня за это вы не можете.

– Кто вас надоумил внести за него залог?

Мышиные глазки Кирро забежали, он насупился, собираясь заплакать, но молчал.

– Я спрашиваю: кто? – повысила я голос, а охранник красноречиво сжал кулаки.

Председатель взвизгнул и, вытирая вмиг покрасневшие глаза, бессвязно закричал:

– Я засужу вас! Сначала СИБ требует помочь следствию, затем СИБ допрашивает меня! Что вы за существа такие? Деньги, деньги, нет их у меня больше! Все для ваших нужд выложил! Вон, идите вон, помогите!

И председатель упал на колени, разразившись рыданиями. Я бросилась было ему на помощь, но Максимилиан потянул меня за рукав:

– Пойдем, не думаю, что он в состоянии нам еще что-то поведать.

## Глава 9

В машине я уперлась локтями в колени и устало опустила лицо в ладони.

– Какие нервные в нашей стране председатели обществ, – задумчиво произнес принц, постукивая пальцами по стеклу. – Мне показалось, или он кричал что-то о помощи, которую оказывал СИБ? Интересно, о какой такой помощи идет речь?

– Я тоже заметила, – глухо произнесла я. – Вполне возможно, что речь идет о всяких справках, но из-за них он бы вряд ли так паниковал. А с учетом того, что упоминались деньги... – я замолчала.

– Я так понял, речь идет о залоге, который вопреки всему заплатило Общество пунитов. И скорее всего на председателя надавил кто-то из сибовцев, – подытожил Максимилиан. – Может быть, есть смысл надавить сильнее?

– Нет, – покачала я головой. Так как лица от рук я еще не подняла, мои мотающиеся из стороны в сторону косы, наверное, смотрелись очень забавно. – Вряд ли сообщник Хопсвуда выходил на Кирро напрямую, только зря время потеряем, да и спугнем их. Я и так знаю, что в деле с пунитом замешан кто-то из своих – из уголовного дела пропали кое-какие бумаги.

– Важные?

– Нужные. Но легко восстанавливаемые. Поэтому и не понимаю логики преступника.

В этот момент в голове моей мелькнула мысль или догадка, проскользнувшая так быстро, что я не успела задержать ее и потому просто отмахнулась.

– Я, конечно, очень умный и, безусловно, сообразительный, но не пора ли рассказать мне, в чем состоит это уголовное дело?

– Пора.

Я глубоко вздохнула, подняла голову и, глядя на Максимилиана, начала рассказ:

– Больше года назад в Думаре начались странные исчезновения девушек. Возраст и внешность их были различны, возраст варьировался от шестнадцати до сорока лет, и объединяло этих

несчастливых одно – раса. Пропавшие девушки неизменно оказывались людьми, коренными ригарийками. Хотя женщинам других рас можно было и не волноваться, в городе объявили о таинственном маньяке, призвали потенциальных жертв к осторожности, но девушки все равно регулярно исчезали. Девять месяцев назад одну из пропавших девиц удалось найти. Она сама сбежала из таинственного дома, где ее насиловали, долгое время блуждала по лесу и через несколько дней вышла к людям. Найти то место ей так и не удалось. Описать своего мучителя уцелевшая жертва также не смогла. Через месяц обнаружили труп одной из девушек. Характерные и для той, и для другой повреждения давали основания полагать, что похитителем и насильником было одно и то же существо или человек.

Через два месяца удалось спастись еще одной девушке, а через две недели отыскали четвертую, находившуюся в полубезумном состоянии. Таким образом, к первому месяцу зимы нашлись семь девушек – две были мертвы, пять выжили. Но за весь период поступило сорок семь заявлений о пропаже женщин! Конечно, какой-то процент можно было списать на «загуляли» и бытовые преступления, но различные улики, показания свидетелей, даже простая логика давали основание полагать, что панику мы подняли не зря. Не зря, но ни один из криминалистов не мог объяснить, почему одних девушек до сих пор не нашли, а другие найдены, живые или мертвые. В последний месяц зимы все женщины нашего отделения отправились по паркам ловить маньяка на живца. Долгое время ничего не получалось, но однажды я в свой выходной без дополнительного согласования с начальством, да и без уведомления кого бы то ни было, отправилась на прогулку вокруг озера. Страховал меня Ирек, и нам улыбнулась удача: кто-то приставил к моей шее нож и попытался затащить в припаркованный у деревьев автомобиль. Нож мне удалось выбить главным образом потому, что серьезного отпора нападавший не ожидал, на самом деле он оказался очень силен – нам с Иреком едва удалось его скрутить. Выжившие девушки опознали голос и даже запах задержанного Плиса Хопсвуда, а с учетом биологического материала, который был найден под ногтями одной из погибших девушек, срок ему был обеспечен. Но на всех допросах пунит нагло улыбался, не признавался в совершенных преступлениях и обещал всем долгую и мучительную смерть. Судьба десятков девушек

оставалась неизвестной, пунит не признавался, несмотря на все наши ухищрения. Начальство торопило с завершением расследования, и судить Хопсвуда будут только за некоторые эпизоды.

– А почему ты сейчас начала что-то предпринимать? – не понял принц. – Решила все-таки отыскать девушек в обход начальства?

– Почти. Мне кажется, Хопсвуд замешан еще в чем-то. В чем-то более массовом, нежели изнасилования. И пропажа документов, и этот залог вкупе со странным поведением Кирро наводят на мысль, что у Хопсвуда есть покровитель. А ты когда-нибудь слышал о покровителе маньяка?

– Может быть, насильников было двое? Никто не знает, до каких зверств может прийти извращенное сознание. А если оно объединяется с точно таким же, зверства увеличиваются не в два, а в три раза.

– Выжившие девушки говорят только об одном насильнике. Конечно, может быть, они развлекались вдвоем не всегда, а в те моменты, когда Хопсвуд выходил на охоту в одиночку, жертвам удавалось сбежать. Но тогда тем более нужно искать сообщника. Где-то на свободе бродит еще один злобный маньяк, к тому же обладающий властью и деньгами.

– Стоит официально возобновить расследование.

– И какой в этом толк? Хопсвуда официально выпустили на свободу, несмотря на тяжесть вменяемого преступления. К тому же мне кажется, кто-то специально добивается задержки дела. И именно поэтому мы не имеем права идти на поводу у преступников и увеличивать количество дней, оставшихся до суда.

Во дворец мы вернулись уже после обеда. Максимилиан взглянул на часы и помчался снимать бороду. Я в крайней задумчивости, сопровождаемая охранником, направились в спальню. Но в галерее спален меня уже ожидали невесты. Впереди всех, сложив руки на груди, стояла Реци Арнан. Остальные девушки, выдвинув ее в качестве ударной силы, сгруппировались позади.

– У нас к тебе разговор, Рэя, – серьезно заявила Реци. Охранник, попрощавшись, ушел. – И отказаться от него мы тебе не позволим.

– Я вас слушаю. – Я потеряла нос, стараясь не рассмеяться.

– Что происходит? Почему тебя куда-то уводит охрана, хотя свидание сегодня будет у Нирары? И почему Кларисса ничего об этом не знает?

– Девушки, успокойтесь, – повысила я голос. – На свидание Нирары я не претендую. Сегодня принц позволил мне покинуть дворец. – Я подождала, пока гул возмущенных голосов невест стихнет, и продолжила: – Как вы помните, я служу в СИБ, и дворец покинуть мне пришлось для допроса в качестве свидетеля по одному уголовному делу.

– Разве ты не расследуешь преступления? – нахмурила белый лобик Кароль.

– Всякое бывает, – уклончиво ответила я. – По некоторым делам я прохожу свидетелем. Поэтому со всей ответственностью могу заявить, что никакой романтической подоплеки в моем отсутствии нет.

– И принца ты не видела? – ревниво уточнила Бруниса.

– Я видела какого-то бородатого мужика, – улыбнулась я. И не солгала ведь! В машине со мной и впрямь был мужчина с бородой и в темных очках.

Даже не обладавшая особым умом Кароль помнила, что у Максимилиана растительности на лице нет, поэтому девушки, удовлетворившись моими объяснениями, стали расходиться по спальням.

– На скрипке поиграть можно? – в пустоту задала я вопрос.

Смутившиеся из-за беспочвенных подозрений невесты в большинстве своем ответили утвердительно.

Я приняла душ и в крайней задумчивости взяла в руки скрипку. Настроение способствовало тому, чтобы музыка неслась вперед, сметая мои тревоги, опасения и заблуждения. Я закрыла глаза и представляла себя лодкой в бушующем море. Меня подбрасывали вверх волны, и я кружилась на месте как в воображении, так и в реальности, пользуясь тем, что меня никто не видит.

Когда я отняла руку со смычком от скрипки, услышала, как кто-то стучит в дверь. И, по-видимому, стучит довольно давно, потому что удары были сильные и беспрестанные.

– Иду, – недовольно крикнула я и, взяв скрипку и смычок в одну руку, распахнула дверь.

На пороге в своей излюбленной позе, сложив руки на груди, застыл Виктор.

Свое сердце я почувствовала где-то в горле. Отступила на шаг и почувствовала, как из повлажневших рук выскальзывает скрипка. Я

перехватила ее поудобнее и спросила:

– Вы что-то хотели?

Виктор удивленно приподнял брови, но достаточно спокойно сказал:

– Я войду?

Я немного засомневалась, но, заметив, как в глазах регента мелькнул недобрый огонек, поспешила его пригласить. За те несколько секунд, что Виктор проходил, закрывал дверь и с интересом осматривался, я пережила, наверное, самые тревожные мгновения в своей жизни. Хотела было положить скрипку на стол, но призадумалась и крепче сжала ее в руках. Не то чтобы я подозревала регента в том, что он примется меня бить (такого впечатления Виктор не производил), но тяжесть в руках приятно успокаивала.

– Как дела? – вдруг спросил регент.

Такой вопрос я ожидала услышать меньше всего, поэтому помолчала, собираясь с мыслями, и, откашлявшись, неуверенно сказала:

– Все хорошо, спасибо. А у вас?

– Замечательно. – Виктор прошел по комнате, присел в кресло, вытянув длинные ноги практически на полспальни, и кивнул мне, приглашая устроиться напротив.

– Спальня вообще-то моя, – напомнила я.

Регент равнодушно пожал плечами:

– В таком случае ты отвратительная хозяйка. Могла бы и предложить гостю присесть.

Я раздраженно вспыхнула:

– Гостей обычно приглашают. Что вы хотели, ваше величество?

Виктор закинул руки за голову и спросил:

– Расскажешь, куда вы ездили с принцем?

Несмотря на то что имелось острое желание перечить регенту во всем, я ощутила настоятельную потребность присесть. Что незамедлительно и сделала, расположившись на краю кровати. А затем, язвительно прищурившись, делано удивилась:

– Вы ошибаетесь, я даже не покидала дворец.

– Хм. – Регент задумчиво приложил палец к губам. – Велания Олькутт, возможно, из дворца и шагу не ступила, но вот Рэйя

Адальстан в компании принца отсутствовала три часа и двадцать две минуты.

– Вроде бы вас не интересуют чужие невесты, – вспомнила я.

Виктор недовольно нахмурился:

– А кто сказал, что меня интересуешь ты? Меня волнует тот факт, что наследник шляется не пойми где.

– И не пойми с кем, – подсказала я.

– И это тоже, – согласился регент. – Итак?

Я вздохнула и подняла глаза к потолку:

– У нас было неформальное свидание. Мы не хотели, чтобы журналисты следовали за нами с камерами наперевес. Все как у обычных людей, не переживайте.

– Да, конечно, – фыркнул Виктор и вдруг встал с места. Пришлось обратить на него внимание – я напряженно наблюдала за мужчиной, за тем, как он по-кошачьи мягко приближается ко мне. – Милая, ты плохо знаешь Максимилиана. Устрой он неформальное свидание, вы бы отправились прямиком в его спальню, а не катались по городу с приклеенными усами и бородой в компании охранников. Я его хорошо знаю, поэтому думаю, что наследник пытается во что-то ввязаться.

– Вы слишком торопите события, – не вытерпела я. – Я еще к тому, что вы меня на ты называете, не привыкла, а тут еще и фамильярное обращение «милая». Для меня это слишком большой стресс, ваше величество.

– Не играй со мной. – Виктор наклонился ко мне так близко, что я шеей почувствовала его дыхание и выровняла спину от напряжения. – Иначе даже довольно близкие отношения с принцем тебя не спасут.

– От чего не спасут? – Мой голос неожиданно стал хриплым. Странно, но его величество не отстранился, он будто бы вдыхал мой запах.

– От меня, – тихо, но так же хрипло сказал Виктор.

Тишина давила, она будто бы стала густой, как кисель, и, стараясь разорвать ее, разорвать те чары, что пытались связать нас, я зажмурилась и выпалила:

– Я попросила принца помочь мне в расследовании.

– К черту принца, – прошептал регент и, не касаясь, провел рукой вдоль моего плеча, повторяя силуэт. – Почему ты назвалась чужим именем?

– Испугалась, – прошептала я и закусила губу, отчаянно желая, чтобы Виктор прикоснулся, но он, будто бы зная об этом, убрал руку.

– А мне кажется, что ты сделала это, дабы проверить степень моей в тебе заинтересованности.

Я широко распахнула глаза. Этот мужчина слишком хорошо меня понимал, и именно поэтому нельзя было ему поддаваться. Я встала, отошла на безопасное расстояние, хотя мое внутреннее «я» вопило от возмущения, и без тени сомнения заявила:

– Вы ошибаетесь, ваше величество.

В глазах Виктора я ожидала увидеть злость, раздражение или хотя бы недоверие, но регент усмехнулся и, покачав головой, сказал:

– Что ж, в таком случае мне пора удалиться, ведь так?

– Было бы неплохо, – рассеянно подтвердила я, расстроено размышляя над тем, как хотелось бы, чтобы Виктор остался. Правда, рациональное сознание в этом месте спрашивало зачем. Но хотя я могла придумать более чем приятное времяпрепровождение с этим умопомрачительным мужчиной, никуда не исчезающий мой внутренний реалист утверждал, что дело закончится обменом колкостями.

Виктор подошел ко мне и протянул ладонь для рукопожатия:

– До свидания.

Я подняла удивленные глаза на регента и, неловко прикоснувшись к его руке, внезапно почувствовала, как сильно она сжалась в ответ. Мужчина сделал шаг вперед, прижал меня к себе и, наклонившись, прикоснулся к моим губам. Пальцы его свободной руки трогали мою шею, неуловимо лаская, мягкие и горячие губы требовательно прикасались, вынуждая меня ответить на поцелуй. И признаюсь, долгих уговоров не потребовалось. Я выгнулась, сильнее прижимаясь к регенту, когда его рука скользнула на мою талию. Приоткрыла рот и, когда его язык скользнул в меня, чуть не замурлыкала от восторга. Рука, до сих пор державшая скрипку, безвольно повисла, и я расслабилась, отдаваясь во власть сильного мужчины. Внутри меня волшебной разноцветной рекой разливалось удовольствие. Я испытывала ни с чем не сравнимое ощущение и забыла о том, что целует меня его величество регент императорского престола, дядя наследного принца. Я чувствовала окутывавший меня запах мужчины, который великолепно целуется, мужчины, руки которого счастлива

была ощущать на себе, и мне хотелось, чтобы это никогда не заканчивалось.

Поцелуй Виктор оборвал внезапно. Просто-напросто отстранился, опустил руки и заявил мне, разочарованно глядящей на него:

– Я не ошибся.

Он ушел, осторожно прикрыв дверь, этот чрезвычайно довольный собой мужчина. А я так и осталась стоять посреди спальни со скрипкой в руке.

Время до воскресенья тянулось как резиновое. Из дворца Максимилиан меня больше не забирал, передав через охранника, что пока очень много дел и мы обязательно займемся расследованием, когда появится возможность. На просьбу выпустить меня из дворца одну я ожидаемо получила отказ. Что-то подсказывало мне, что неожиданно свалившееся на принца обилие государственных дел было заслугой регента. То ли он действительно волновался за наследника престола, то ли основательно желал досадить мне. Хоть думать о втором варианте как более вероятном было приятно, но вместе с тем я понимала, что вряд ли настолько сильно заинтересовала такого мужчину.

За два дня с Роилом я поговорила всего один раз – позвонила ему в пятницу и спросила, выяснил ли он что-то об отце Мираны Блэтт. Недовольный моей предыдущей выходкой, майор сказал, что не готов разглашать информацию человеку, который неизвестно на чьем поле играет. Я же любезно напомнила, что основной целью нашей так называемой игры является благополучие его высочества, и заверила, что для этого делается все от меня зависящее. Не преминула спросить, может ли он сказать о себе то же самое. Роил с моим утверждением согласился, но формулировка его согласия меня несколько смутила: майор утверждал, что делает все, но для благополучия страны.

Мы достаточно мирно поговорили. Роил расспросил меня о невестах, а в конце разговора с неохотой сказал, что отец Мираны предположительно был преступником. Предположительно, потому что точной информации об этом нигде не было, а во всех документах невесты Блэтт указан отчим. Из какого-то внутреннего упрямства про охрану я так ничего и не рассказала. И, не желая ругаться, в субботу позволила майору отдохнуть и позвонила Иреку.

Сослуживец не слишком рад был меня слышать, однако же поздравил с тем, что я задержалась на отборе почти до конца недели, а когда узнал, что мне хочется поговорить с Мариссой, и вовсе подобрел.

– Давно не узнавала о себе новой информации? – прямо спросил он. – Так ты на форумы отбора зайди, Марисса там уже группу поддержки против тебя собрала.

– Ты читаешь женские форумы?

– Почему это женские? – обиделся Ирек. – Ты думаешь, мужчинам неинтересно, кто станет императрицей? Я тебе так скажу: по объемным и круглым причинам нас это волнует даже больше, чем женщин. Во всяком случае, некоторые невесты могут быть уверены, что не нравятся нам не из зависти или ревности к принцу.

– Марисса, – терпеливо напомнила я, помня о способности сослуживца в разговоре удаляться совсем уж в неведомые дали. – Я хочу поговорить с ней.

– Тебе не угодишь. Недавно совсем не желала ее слышать, – укорил Ирек, но трубку все-таки передал.

В разговоре с делопроизводителем мне пришлось выслушать плохо завуалированные оскорбления, а потом уже, когда женщина выпустила пар, удалось задать интересующий меня вопрос:

– Марисса, а ты можешь подробнее рассказать о происшествии в архиве?

– Каком происшествии? – не поняла Марисса. И, судя по ее тону, удивилась она искренне.

Я ощутила беспокойство:

– Мое личное дело на месте?

– Да, лежит на верхней полке. Я всех неудачников туда складываю, – съязвила делопроизводитель и вдруг, судя по звуку, хлопнула себя по лбу. – Ты что, сон вещий видела? В архив сторож пьяный забрался, бутылку искал, а личное дело твое начальство брало, но вернуло, не переживай. Лежит твоя тоненькая, без заслуг, папка на месте.

Я задумчиво молчала. Непонятно, то ли делопроизводитель лгала, то ли Роил неумело нагнетал обстановку. В свете появившегося недоверия к майору я склонялась ко второму варианту, хотя и не могла понять, для чего ему это. К тому же поддержкой версии Мариссы

служил и тот факт, что о похищении моего личного дела молчал Ирек. Но все же я спросила:

– И в нем все в порядке? Никаких справок, фотографий не пропало?

– Я не проверяла, – разозлилась Марисса. – Взяли, сдали, поставили на место. Кому ты нужна, фотографии твои воровать. Нашлась тут звезда!

Я огорченно вздохнула и положила трубку. Разговаривать с этой женщиной, когда в ней просыпалось агрессивное словоблудие, было невозможно.

Меня смущало, что из-за свободного времени я все больше погружалась в пучину отбора и замечала за собой интерес к рассказам девушек, возвращавшихся со свиданий, да и к обычным женским разговорам вообще.

Свидания с невестами, по-видимому, входили в комплекс государственных дел, потому что их принц не пропускал. После Нирары Максимилиан встретился с девушкой по имени Лорас, и, если верить ее рассказу, они отправились кататься на гренадских шихонах – животных с четырьмя ногами, пышным хвостом, мордой, схожей с кошачьей, и крыльями, находящимися в зародышевом состоянии. Гренады использовали шихонов в качестве выючных животных, а некоторые породы были фаворитами даже в межгалактических гонках.

Выбор развлечения принцем объяснялся достаточно просто – Лорас в своей анкете указывала шихона в качестве любимого животного, да еще и в порыве вдохновения приписала себя к участникам одной из гонок. Обман ее раскрылся быстро: бедная девушка сначала боялась подойти к диковинному двухметровому зверю, а когда все-таки, поддавшись уговорам и воспользовавшись помощью принца (не без удовольствия, конечно), села, выдержка ее и вовсе покинула. Истерично визжащую и вцепившуюся в шерсть животного даже зубами девушку с трудом стянули с шихона. Не стоит и говорить, что в тот же день врушка отправилась домой.

В субботу на свидание были приглашены сразу две девушки – Полианна и Вудтир, и итогом этой встречи стало удаление Полианны из отбора. Для нас всех произошедшее оказалось потрясением. Мы настолько привыкли, что девушек выгоняли по объективным и легко

объяснимым причинам, что о возможности изгнания просто потому, что принцу на свидании было скучно, мы вовсе не думали.

Тот факт, что на свидание принц теперь меня не приглашал, немного раздражал, но я отлично понимала, что, если мне достанется два рандеву против нуля у большинства невест, отбора я могу и не пережить. К тому же с Максимилианом у нас складывались достаточно дружеские отношения, и на фоне моей горячей, хоть и нежеланной симпатии к Виктору изменять их составляющую пока не хотелось.

Вообще, все невесты отбора словно бы разделились на два лагеря: первый составляли я, Мирана, Ильфеина, Реци, Нирара, Кесалия и другие девушки, как правило, не знающие, что такое большие деньги, и не желающие преклоняться перед мнимым авторитетом Велании. Несложно догадаться, что второй лагерь возглавляла госпожа Олькутт, и поддерживали ее Кризан, Вудтир, Кароль, Роав и еще три невесты, обыкновенно прячущиеся в тени блестящей пепельной блондинки. Брунуса держалась особняком. Нельзя сказать, что мы как союзницы способствовали друг другу завладеть вниманием принца или же устраивали пакости девушкам, поддерживающим Веланию. Нет, обычно мы даже не общались, но в стычках, которые, как в любом женском коллективе, то и дело возникали, неизменно становились на сторону союзницы.

Журналисты с восторгом наблюдали за этим расслоением, широко освещали его в прессе и в общении с невестами пытались разжечь конфликт, чтобы добавить «горячих» новостей в эфир.

Так как приближалось воскресенье, пришлось вплотную заняться выбором наряда для бала. Перелопатив весь свой гардероб (а он немаленький, денег нам для его пополнения выделили действительно предостаточно), выбрала несколько подходящих для предстоящего бала платьев, но определиться так и не смогла. Для контрольной примерки и помощи в сложном выборе была приглашена Мирана. Несмотря на мою не совсем вежливую расстановку интересов в нашем общении, мы постепенно сближались. До откровенностей о своем прошлом и настоящем дело пока не дошло, но наше общение явно уже выходило за рамки разговоров обычных знакомых.

Я поочередно надевала платья, а Мирана, облокотившись на подушки, восседала на моей кровати, словно коронованная императрица. В пользу сравнения говорил ее роскошный пеньюар

цвета фуксии с кружевной отделкой, а минусом можно было считать лимонад в бокале вместо шампанского.

– Отличное платье, – лениво отпивая напиток, прокомментировала Мирана мою третью по счету примерку. Платье было желтым и идеально подходило для бала – легкий покрой, пышная юбка, открытые плечики и лиф бандо. Его тяжело было бы раскритиковать даже Клариссе. К тому же на мне оно сидело безупречно.

– Думаешь? – Я еще раз покрутилась перед зеркалом. Немного смущал цвет. Честно говоря, я и вспомнить не могла, когда еще мне приходилось покупать одежду такого оттенка. Наверное, стоило списать мое временное помутнение рассудка при покупке на стресс из-за отбора.

– Уверена. Лимонад будешь?

– Нет. – Я огорченно вздохнула и спряталась за дверцу шкафа, чтобы опять переодеться.

– Лимонад очень грустно пить, – услышала я голос Мираны. – Шампанское более веселый напиток.

– Представь, что пьешь шампанское, – посоветовала я. – Пузырьки в бокале тоже есть.

Мирана хмыкнула и замолчала до того момента, как я снова вышла в поле ее зрения, но уже в другом наряде. На этот раз на мне было надето серое гипюровое платье с облегающим лифом, рукавами до локтя и плавно струящимся элегантным подолом. Такое платье нравилось мне больше, поэтому перед зеркалом я подзадержалась.

– Это намного лучше, – одобрила Мирана и внезапно спросила: – А ты в курсе, что Кесалия спрашивала у принца разрешения уехать на свадьбу брата?

– Нет, – равнодушно пожала я плечами. – Да и зачем мне эта информация?

– И он ее не отпустил, – вкрадчиво закончила девушка.

Я понимала, к чему она клонит, но старательно изображала из себя глупышку.

– Имеет право. – Я опять спряталась за шкафом.

– Может, расскажешь, как удалось уговорить принца отпустить тебя из дворца?

Я так сильно дернула замок на платье, что он затрещал. Испуганно чертыхнулась и раздраженно напомнила:

– Я же говорила: нужно было на допрос.

– Допрос важнее свадьбы брата?

– Естественно! Расследование для государства в приоритете, нежели празднества. Если бы Кесалия предъявила повестку, вопросов бы не возникло.

– Тебе повестка пришла прямо во дворец? – удивилась Мирана.

Я не видела ее, надевала следующее платье, но отлично понимала, что девушка притворяется: всем известно, что повестка приходит по месту жительства, а до конца отбора ни одна из невест дворец своим домом назвать не могла. Я заметила, что начинаю нервничать, и, понимая, что меня это может выдать, постаралась безразлично объяснить:

– Разговаривала по телефону с соседом, он сказал, что на мое имя пришла повестка. На свидании я спросила у его высочества, как быть, и получила ответ, что для качественного расследования можно разок и поступиться правилами.

– Ты звонила соседу? – не поверила Мирана.

– А почему бы и нет?

– Действительно, почему... Прости, показывай скорее следующее платье.

Едва я вышла из своего укрытия, Мирана присвистнула и, отсалютовав бокалом, сказала:

– Забудь все, что до этого я говорила о других тряпках. Это – именно то, что тебе нужно.

Я и сама видела, что с этим платьем мы созданы друг для друга. Оставалось удивляться тому, что я еще и посмела рассматривать другие.

Воскресенье для всех невест было волнующим и суматошным днем. Все девушки старались стать еще прекраснее, хотя куда уж лучше. Казалось, отбор и так собрал весь цвет империи. Девушки обменивались лосьонами, средствами для лица, волос, пяток и остальных частей тела, которые были не видны окружающим, но очень важны в процессе подготовки к балу. Удивительно, что никому не пришло в голову добавить в предлагаемую другим косметику какое-нибудь средство, способное навредить внешности. Наверное, на женскую вредность оказали влияние нервы и... патруль в лице

Клариссы. Сваха требовала отчета по всем перемещениям любых средств, хоть как-то воздействующих на тело девушек.

Мимо меня всеобщее волнение не прошло. Платье было отглажено и висело, ожидая своего часа. Для выбора подходящей маски горничные принесли сразу несколько возможных вариантов. Прическу и макияж пришлось делать самостоятельно. Теперь я вроде бы была и не против помощи Мираны, да только обращаться с подобными просьбами было неудобно, а сама она не предложила. Поэтому трясущимися руками укладывала волосы в высокую прическу (благо приобрела плойку), проклиная тот день, когда мне пришлось в голову их отрезать, и наносила макияж, практически ничем не отличающийся от того, который делала ежедневно. Конечно, хотелось бы как-то выделиться, но вместе с тем я отлично понимала, что перед важным мероприятием эксперименты не проводят.

В половине шестого вечера, ожидая охранника, который должен был проводить меня в зал, где должно было состояться мероприятие, я встала на каблуки и окинула себя придиричивым взглядом. Красное струящееся платье с разрезом до середины бедра и вырезом, подчеркивающим грудь, удивительно шло мне, преображая и так довольно неплохую фигуру в олицетворение женственности и сексуальности. Маску я подобрала в тон платью, она наполовину закрывала лицо, так что узнать меня было непросто, но вполне возможно. Ярко-красные губы привлекали внимание, хотя на это я и рассчитывала, когда наносила макияж.

Без десяти минут шесть все невесты собрались у двери зала. В глазах зарябило от великолепных платьев различных цветов. Как я и предполагала, жалобы девушек на то, что нечего надеть, оказались обычным жеманством. Почти все позаботились о том, чтобы врасплох их никто не застал. Встречала нас Кларисса, и сразу же внешний вид двух невест был жестоко раскритикован. Вопреки предупреждению свахи девушкам вздумалось прийти в симпатичных, но безумно коротких платьях. После отповеди Клариссы невесты вознамерились было пойти переодеться – оказывается, у них были и подходящие к случаю наряды, но взбешенная сваха заявила, что девушки, которые не могут с первого предупреждения осознать масштаб запрета, участвовать в гонке за титул императрицы не могут.

Когда девушек, растерявшихся от новости, что они отправляются домой, увели, Кларисса, нервничая, провела краткий инструктаж. Суть его сводилась к следующему: «Вести себя прилично». Отчего-то главная сваха была уверена, что как только откроются двери, мы дружной толпой, как саранча, бросимся на столы, съедим все закуски, выпьем шампанское, а после, икая от переедания, набросимся на принца и изнасилуем его. Что более чем глупо, так как для этого нам как минимум придется снять со всех мужчин маски. Шутка. Так и будем насиловать, не зная, кто перед нами.

В общем, наставления Клариссы мы слушали, закатив глаза. Ни одна из невест не желала опозориться перед членами императорской семьи, да еще и под прицелом телекамер. Наконец Кларисса перестала брызгать слюной и дала знак охране открыть дверь. Мы заходили по очереди, после объявления имени, и неудивительно, что каждую из невест осматривали сотни людей, мысленно выставляя оценку.

Я входила в зал третьей, и почти сразу у меня закружилась голова. И из-за золотистого великолепия – зал был прекрасно оформлен, и из-за поистине огромных размеров помещения, и из-за большого количества людей. На бал, наверное, собралась вся императорская семья с множеством ответвлений родословной, многие чиновники и послы других государств. Последним было разрешено находиться с открытым лицом, потому что их пропорции слишком уж отличались от наших и подходящую маску найти было сложно.

В центре зала ожидал принц в белом костюме старомодного покроя (но на бал-маскараде он мог позволить себе подобную вольность) и без маски. Каждую девушку Максимилиан с улыбкой встречал, обводил по кругу и оставлял у специально сооруженного помоста. На нем мы в итоге собрались все вместе, сфотографировались, и уже затем было объявлено начало бала.

Мужчины сразу же устремились к невестам, желая пригласить нас на танец. Принц отдал первый танец своей матери – невысокой полноватой женщине с презрительным выражением лица и в пышном черном платье без украшений. Говорят, вдовствующая императрица до сих пор носила траур по своему умершему мужу, мне же казалось, что женщина с таким высокомерным взглядом горевать может только по своей ушедшей молодости.

«Повезет же кому-то со свекровью», – внутренне содрогнулась я и вдруг подумала, а ведь есть шанс, что «повезет» именно мне.

На первый танец меня пригласил полный, похожий на пончик мужчина, на голову ниже меня ростом. Маска его была выбрана не по размеру – предназначенная закрывать все лицо, она не могла скрыть пышные, трясущиеся, как желе, щеки и тройной подбородок. Мужчина забыл назвать свое имя, но не преминул сообщить, что является руководителем одного из комитетов при министерстве образования. Зачем мне наряду со сведениями о требованиях к выпускникам вузов эта информация, не знаю, но я терпеливо слушала, с интересом глядя по сторонам.

Мимо меня, с удовольствием кружась в танце с высоким подтянутым мужчиной в серебристой маске, скользнула Велания. Рядом, изнывая от скуки, с таким же нудным ворчуном, какой танцевал со мной, неуклюже двигалась Кризан. А вот веселый голос румяной Кесалии слышен был отлично, несмотря на громкую музыку и расстояние, разделяющее нас.

Так прошли три танца. Я безостановочно улыбалась, принимала приглашение очередного партнера и танцевала с ним. Пока, случайно повернувшись, не заметила высокого мужчину в черном костюме и в черной с золотом маске, закрывающей все лицо. Я не могла знать точно, но седые виски, эти темные насмешливые глаза и плавность, с которой он танцевал, не оставляли сомнений в том, что вижу Виктора. Регент безукоризненно вел грудастую Брунису в танце, и мне показалось, что ее формы он разглядывал с интересом.

– Все в порядке? – спросил у меня посол Агаферской республики. По-видимому, я слишком сильно сжала его тонкую перепончатую ладонь.

– Более чем. – Как я не стерла себе зубы в крошку, не знаю. Танец не удался. Хоть и запрещала себе, постоянно оборачивалась и искала регента глазами. Иногда казалось, что он смотрит на меня, но я могла и ошибаться, находясь в каком-то воспаленном возбуждении.

Небольшой перерыв я провела у стола с напитками, от волнения так сильно сжимая бокал, что он, казалось, вот-вот лопнет. Рядом хихикали и другие невесты, но слова их я с трудом могла понять, слыша только свой бешено стучащий пульс. Почему-то для меня стало настоящим открытием, что регент посетил бал. Насколько я знала, он

игнорировал такого рода развлечения, а так как это мероприятие устраивал принц, мне думалось, его величество бал точно пропустит. Но, как выяснилось, ничто человеческое Виктору не чуждо.

Объявили следующий танец. Сразу же в нашу сторону двинулся Виктор, возвышающийся над большинством присутствующих. И хоть у стола я была не одна, но отрадно было мечтать, что на танец регент желает пригласить именно меня. Подняла повыше подбородок, как можно равнодушнее мазнула взглядом по Виктору, давая понять, что его заметили, но значения не придали, и тут слева послышалось:

– Можно ли пригласить тебя на танец?

На ты, помимо Виктора, ко мне на этом балу мог обратиться только Максимилиан. И уже поворачиваясь к нему, я понимала, что танец с регентом безвозвратно утрачен. Может быть, его можно будет ненадолго отложить, но проблема состоит в том, что у Виктора этого не спросишь.

– Конечно, – сладко улыбнулась я принцу, который смотрел на меня несколько виновато. Теперь он был в маске, но вряд ли кто-то мог обмануться его личностью – белоснежный старомодный костюм на балу присутствовал в единственном экземпляре. Как только я вложила руку в протянутую ладонь его высочества, затрещали затворы фотоаппаратов. Журналисты и до этого фотографировали всех невест, но наибольшее их внимание привлекал принц. С кем он танцует, с кем разговаривает, почему пригласил сначала Вудтир, а затем Брунису... Их интересовало все. Завтрашний репортаж будет изобиловать различными подробностями сегодняшнего вечера.

– Ты злишься на меня? – спросил Максимилиан, осторожно прижимая меня в танце.

– За что? – не поняла я, старательно не замечая, как виснет на Викторе восторженная Кароль. Дурочка дурочкой, но сообразила, кто перед ней и что партия регента тоже может быть прекрасно сыграна.

– Ну как же, обещал помочь, а не могу найти времени, – с готовностью пояснил принц. – Но это неспециально, правда. Дядя чего-то разъярился, обвинил меня в том, что я недостаточно вникаю в дела государства, которым скоро буду управлять, и вот два дня пришлось присутствовать на безостановочных заседаниях комитетов.

– Не бери в голову, – великодушно разрешила я.

Но, заметив, как Виктор наклонился к Кароль и что-то сказал ей, а девушка в ответ громко расхохоталась, я скорчила такую зверскую физиономию, что Максимилиан заволновался:

– Завтра я обязательно выделю время! Заранее продумай, чем займемся.

– Обязательно, – процедила я, обходя принца по кругу.

Кароль этот обязательный элемент танца проигнорировала, преданно заглядывала в глаза Виктору и обнимала его больше положенного. Я почувствовала настоящую потребность в табельном оружии. Когда мы с Максимилианом вновь оказались лицом к лицу, он с сомнением взглянул на отразившееся на моем лице желание убивать и опять принялся заверять меня в том, что задержка расследования произошла не по его вине.

Честно сказать, в тот момент мне меньше всего хотелось разговаривать о расследовании. Единственной темой, способной меня удовлетворить, было обсуждение способов убийства Кароль и оскотления Виктора. Хотя он ничем и не был мне обязан, но, как и у любой девушки, моя симпатия двигалась бок о бок с собственничеством, и плевать, что объект страсти ничего о моих чувствах не знает.

Окончание танца я встретила с восторгом, хотя принц немного расстроился, полагаю, из-за надуманного им чувства вины. Только Максимилиан подвел меня к столику, как рядом возник Виктор.

– Позволишь? – Голос его был приветлив, но глаза сурово блестели за маской.

Максимилиан недовольно взглянул на него и несколько ворчливо заметил:

– Тебе не кажется, что это мои невесты? Ты вообще не собирался приходить.

Как будто солдатиков делят.

Виктор равнодушно пожал плечами:

– Решил развеяться. Ты не сможешь танцевать со всеми одновременно. Ведь так? – Потом регент повернулся ко мне: – Вы подарите этот танец мне, прекрасная незнакомка?

Я криво улыбнулась, хотя душа моя в этот момент пела и плясала, и вложила свою руку в ладонь Виктора. Слишком я была взбудоражена его близостью и потому не сразу поняла, что вторую руку принц до сих

пор не отпустил. Таким образом я оказалась между двумя мужчинами, каждый из которых пару секунд тянул меня в свою сторону. Максимилиан быстро опомнился и отпустил меня, но уверена: журналисты не смогли пропустить столь удачный кадр.

Танцевать нам с Виктором предстояло динамичный танец, предполагающий почти полное слияние тел. Это была случайность, но приятная по многим причинам. Регент привлек меня к себе, и от его прикосновения я почувствовала, как сердце, которое и так билось как сумасшедшее, обрело способность сломать мне ребра. Два танца и двое таких разных мужчин. Виктор даже прикасался иначе: более уверенно, напористо и вместе с тем... нежнее. Хотя не знаю, как это все могло соединяться.

– Макс ревновал, – внезапно сказал Виктор. Я удивленно взглянула на него. – Я танцевал с тремя его невестами, но только из-за тебя он был недоволен.

– Вам показалось, – искренне заверила я. Хотя и пришлось мне стать потенциальной невестой Максимилиана, воспринимала я его не иначе как друга. – Мы с его высочеством только друзья.

Я тут же пожалела, что так сказала. Пытаясь дать понять Виктору, что сердце мое свободно, ненароком себя подставила.

– Надо же, – насмешливо протянул регент. – Две невесты до тебя заверяли, что именно они станут императрицами и с Максом у них духовная связь. Хотя не уверен, что мой племянник помнит их имена. А именно ты, чью руку он не хотел отпускать, утверждаешь, что ты с ним просто дружишь.

– Вы не так поняли, – начала было я.

Но регент перебил:

– По твоим словам, в голове у меня сплошная путаница и я все не так понимаю. Давай поговорим о другом. Не объяснишь ли мне, как так получилось, что в телефонном разговоре, за которым я тебя застал, ты все время молчала?

Все мысли сбивала рука Виктора на моей спине, которая словно бы прожигала тонкую ткань. С трудом сосредоточившись, я возмутилась:

– Вы его слушали, что ли?

– Конечно! – Регент остался невозмутимым. Стоит заметить, танцевал он прекрасно. – Твой голос слышен только вначале. Не

подскажешь, что ты сказала, когда твоя подруга подняла трубку?

– Не помню, – прошипела я.

– Не можешь вспомнить три слова? – расстроился Виктор. – Что ж, я помогу. Ты сказала: «Привет, это Рэйя». Остальное время твоя собеседница рассказывала о скидках, которые, к слову, закончились восемь месяцев назад.

– Вы и это проверили? – Черт бы побрал его дотошность.

– Звонила ты два раза, – продолжал регент. – Но этот момент мы выяснили – ты услышала шаги в коридоре и, испугавшись, положила трубку. Ведь так? Но странно получается: при первом звонке ты на полуслове оборвала подругу, следующий разговор начала опять с «Привет, это Рэйя», а твоя собеседница, нисколько не смутившись, закончила свое недосказанное слово.

Не могу понять, как я не споткнулась. Эти деятели СИБ, по-видимому, записали из моего разговора по служебному телефону слова приветствия и, добавив их к чужой записи, крутили ее по кругу, надеясь, что ни одному агенту не придет в голову слушать глупые женские разговоры. Но система споткнулась о добросовестность его величества. Дав мне осознать все сказанное, Виктор достаточно дружелюбно спросил:

– Во что ты ввязалась, Рэйя? Возможно, усталый агент и не обратил внимания на нестыковки (его, кстати, уже уволили), но я отлично понимаю, что прослушал инсценировку. Значит, номер, на который ты звонила, защищен переадресацией для всех прослушивающих устройств. Кто же настолько серьезно защищает свои разговоры? Иностранная разведка? Тот факт, что ты куда-то вводила принца, наводит меня на дополнительные размышления.

Я хмыкнула. Нужно было выкручиваться, и так как пока открыться я не могла, не зная, участвует ли регент в заговоре, то, набрав побольше воздуха, неохотно сказала:

– Я звонила на службу. По-моему, защита СИБ от прослушиваний вполне логична.

– И ты можешь это доказать?

Мне показалось, или в голосе Виктора послышалось облегчение? Я пожала плечами:

– Мы можем позвонить на номер отдела, где я работаю, и вы услышите тот же самый разговор. Надеюсь.

– Хорошо. – Музыка закончилась, и мы поклонились, благодаря друг друга за танец. – Тогда пойдем.

– Прямо сейчас? – растерялась я.

– Конечно. Неужели ты думаешь, что я дам тебе возможность предупредить сообщников?

– Нас заметят!

– Переживу, – отрезал Виктор, но, как видно, вспомнив о Максимилиане, исправился: – Я выйду первым, ты – через две минуты. Не позже, поняла? Иначе тебя выведут с помощью охраны. Я и так на многое закрываю глаза.

Я едва удержалась от того, чтобы показать его величеству язык. Он действительно кое-что мне простил, поэтому, боюсь, такой поступок будет лишним.

Как и договорились, мы с Виктором прошли в комнату охраны, где агент нашел в справочнике номер моего отдела и самостоятельно набрал его на стационарном телефоне, стоявшем тут же в кабинете. Сразу же включился небольшой приемник, и как только по обычному телефону мы услышали голос дежурного, фоном ему из приемника зазвучал мой голос и голос якобы моей подруги: «Привет, это Рэйя». – «Дорогая, привет, рада тебя слышать. Ты не заходила в новый торговый центр на Пятой мостовой? Уверена, тебе понравится...»

– Все это я уже слышал. – Виктор нажал отбой на телефоне, из которого слышны были возмущенные угрозы дежурного, который заподозрил в нас телефонных хулиганов, и запись тут же прервалась. – Хорошо, допустим, я тебе верю. Но вопрос о твоей поездке с принцем остается открытым. Выйди.

Я дернулась, предполагая, что последнее слово обращено ко мне, но, как оказалось, команда предназначалась агенту, который тут же вскочил и покинул комнату, прикрыв за собой дверь.

– Его высочество просто вызвался мне помочь, – покаянно сообщила я. – Незакрытым осталось одно мое расследование, и...

Я замолчала, видя, что мужчина меня не слушает. Виктор приблизился и смотрел на меня сверху вниз странно потемневшими глазами.

– Расскажешь? – Он осторожно прикоснулся к моим волосам и наклонился ближе к моему лицу.

– А вы слушаете? – поинтересовалась я хриплым голосом.

– Когда мы уже перейдем на ты?

Я не стала указывать его величеству на тот факт, что он это уже давно сделал, а обвила руками его шею и поцеловала.

## Глава 10

Чувства, которые я испытывала, прикасаясь к Виктору, не передать словами. Восторг, опьяняющее желание и упоение калейдоскопом эмоций, пронизывающих все мое существо.

Мужчина будто ждал поцелуя, а наконец дождавшись, словно сбросил оковы и крепко обнял меня, пылко отвечая на мою инициативу. Не знаю, сколько продолжалось это безумие, но, по-видимому, долго, потому что агент неуверенно постучал в дверь.

– Ваше величество, все хорошо?

Виктор неохотно оторвался от меня и раздраженно рявкнул в сторону двери:

– Ты считаешь, в случае чего я не смогу справиться с девушкой? Не мешай, у нас следственный эксперимент.

Я захихикала и пальцем провела по губам Виктора. Заметно кружилась голова, хотя не выпила я ни капли спиртного, и откуда-то появилось чувство неловкости.

– Я словно мальчишка, – хмыкнул регент и поймал губами мой пальчик. – Прячусь с понравившейся девушкой в темных комнатах.

Я указала на горящий светильник.

– Намек понял. – Виктор притянул меня ближе. – Исправить?

– Нет. – Я неохотно высвободилась из его объятий. – Нужно идти, меня может хватиться Кларисса.

– Или Макс, – уточнил регент, наблюдая за моим лицом.

– Или Максимилиан, – подтвердила я.

Виктор едва заметно помрачнел:

– Я уже говорил: чужие невесты меня не интересуют.

Я понимала, на что намекает мужчина, и был очень высок соблазн признаться ему в истинной цели моего пребывания на отборе, но пока такой возможности не было. Поэтому я решила его поддразнить:

– Тем не менее ты здесь. Со мной.

Виктор хотел было что-то сказать, но все же промолчал и с чересчур равнодушным видом отступил назад. И действительно, какие-то претензии предъявлять ему было рановато. Сегодняшний поцелуй всегда можно будет списать на воздействие алкоголя, и нельзя

утверждать, что наутро Виктор так не сделает, подумав и взвесив все за и против.

Агент с выпученными от осознания ответственности глазами навтытяжку стоял в коридоре.

– Ваше величество... – проблеял он, неуверенно меня оглядывая. Съеденную Виктором помаду я нанесла заново, и вроде бы, кроме горящих восторгом глаз, ничто нас выдать не могло. Хотя кто знает, какие мысли посетили голову агента. Вдруг он решил, что меня пытали в кабинете, тогда да, мой цветущий вид мог вызвать некоторое недоумение. – Может быть, вызвать начальника охраны?

– Нет, – ответил Виктор. – С госпожой Адальстан мы все уже выяснили.

Хмурый и задумчивый регент проводил меня до коридора, ведущего в бальный зал, и удалился. Судя по его дальнейшему направлению, возвращаться на бал он более не собирался. Отрадно было думать, что и явился он на него ради меня. Вот только что было его изначальной целью: выяснить правду насчет телефонного разговора либо же поцеловать меня?

Я медленно шла в зал и размышляла над тем, можно ли считать вопрос прослушки всего лишь поводом, который должен был привести к нашему дальнейшему сближению, как вдруг помимо музыки, доносящейся из-за неплотно прикрытых дверей, услышала всхлипывания. Остановилась, прислушиваясь, и мне показалось, что звук доносится из-за тяжелых портьер на окнах по правую руку от меня. Посмотрела по сторонам. Часовой у двери ни на что не обращал внимания и, по-моему, благополучно спал стоя, облокотившись о стену.

Я подошла к окну и, резким движением отдернув штору, увидела, что на широком подоконнике, съежившись, сидит и тихонько плачет Нирара. Зеленая маска упала, валяется на полу, шлейф платья девушка держала в руках и, обняв его на манер плюшевого медведя, плакала прямо в ткань, пытаясь заглушить звуки.

– Что случилось? – испуганно спросила я. Мое воображение рисовало картины разбушевавшейся Клариссы, выгоняющей всех, кто попал под горячую руку.

Нирара закрыла лицо ладонями и простонала:

– Ничего не случилось. Уходи.

– Так не пойдет. – Я присела на другую сторону подоконника, радуясь тому, что окна во дворце такие большие. – Именно тебя я вовсе не ожидала увидеть рыдающей, поэтому уйти не смогу, прости.

Нирара запрокинула голову, пытаясь остановить слезы:

– Я тоже не ожидала, что так расстроюсь.

– Может, расскажешь?

– Да нечего рассказывать, – тяжело вздохнула девушка. – Просто вечер не удался.

– Надеюсь, тебя не выгнали? – осторожно спросила я, предполагая самое худшее.

Но Нирара с усмешкой покачала головой:

– Нет, но уверена, это ненадолго.

Я молчала, и «поганка», посомневавшись, продолжила:

– Принц не пригласил меня на танец.

Я чуть не засмеялась от абсурдности такого повода для слез, но не успела сказать слова утешения – Нирара добавила:

– Он оставил меня в отборе, несмотря на незаконность самого моего существования, отдал распоряжение изготовить для меня документы, и свидание наше так замечательно прошло... – Нирара взволнованно сглотнула. – Я просто подумала, что это кое-что значит, но он... его высочество весь вечер проходит мимо меня.

– От того, что ты здесь прячешься, ситуация не изменится, – заметила я. – Нужно было остаться в зале.

– Да, я знаю. Но Велания весь вечер пытается меня зацепить. Едкие фразочки, усмешки, критика. – Нирара с сожалением себя оглядела. – Мне казалось, платье очень красивое, но со слов Олькутт выяснилось, что вкус у меня отвратительный.

Я ощутила острый прилив жалости к «поганке». Вырвавшись из преступного болота, которое так долго ее не отпускало, она очень боялась сделать ошибку в своем поведении, выдать происхождение... А Велания... Мерзавка просто нащупала слабое место у девушки, которая действительно составляла ей конкуренцию, и потому старательно на него давила, ожидая, когда Нирара споткнется.

– Значит, так, – твердо сказала я, наклонившись для того, чтобы лучше видеть лицо девушки. – Не забывай, что Веланию на свидание принц не пригласил ни разу, поэтому к ее мнению вообще не стоит прислушиваться.

– Она очень красивая и в себе так уверена, – недоверчиво прошептала Нирара. – Я немного завидую ей.

Было заметно, что завидовала «поганка» Велании не так уж и немного, но судить ее было сложно. Как тяжело было и оставаться равнодушной, когда у тебя нет даже документов, а кто-то пахнет большими деньгами и всячески демонстрирует свое превосходство.

– А она завидует тебе, – хмыкнула я. – У тебя есть цель: помочь своему району, Максимилиан обратил на тебя внимание, и красива ты даже без косметики. Серьезно, я заметила тебя еще на этапе собеседования. Нас же с тобой отобрали в первый день.

– Правда? – Глаза Нирары загорелись надеждой.

– Правда. Сейчас ты умоешься, приведешь себя в порядок и отправишься поражать принца в самое сердце.

Вытерев остатки слез, Нирара наконец улыбнулась. Я проводила ее к уборной, где она могла спокойно умыться, и, придерживая разлетающийся подол платья, поспешила в зал. Вошла как раз в середине очередного танца и обнаружила Максимилиана в компании Велании. Я мысленно порадовалась тому, что Нирара еще не вернулась, и отправилась к столу, справедливо полагая, что провожать госпожу Олькутт принц будет туда же.

Так и получилось. Максимилиан вел Веланию, но не сводил с меня взгляда. Я немного смутилась, заподозрив, что мое отсутствие принц заметил. Только-только отпустив руку счастливой Велании, принц сразу же устремился ко мне.

– Потанцуем? – недовольно спросил Максимилиан.

Журналисты напряглись, предчувствуя сенсацию. Я погрустнела, представляя заголовки завтрашних газет. Мало того что меня, словно канат, перетягивали высочество и величество, так еще и принц приглашает на танец уже второй раз. Но отказать я не могла.

– Ты куда-то пропала, – настороженно заметил Максимилиан.

– Разве? – делано удивилась я. – Просто отлучилась в дамскую комнату.

Мы разошлись, смешиваясь с другими парами, и когда через два такта сошлись снова, принц, стараясь казаться равнодушным, сказал:

– И дядя куда-то запропастился.

– Совпадение. В дамской комнате его точно не было, – заверила я. Мы снова разошлись, что дало мне возможность перевести дух для

нового вранья. И чтобы уберечь себя от очередного неудобного вопроса, приблизившись к принцу, сразу же спросила:

– А какие у вас отношения с его величеством?

Максимилиан честно задумался и уверенно ответил:

– Хорошие. Хочу сказать, он, конечно, пытается меня воспитывать, но на самом деле всем, что я знаю, обязан ему. Отцу некогда было мной заниматься, что неудивительно при его статусе и занятости, но Виктор с самого детства забирал меня у гувернанток и сначала играл, а потом и занимался со мной.

Я пораженно уставилась на Максимилиана и, с трудом подбирая слова, спросила:

– И из-за престола у вас споров не возникало?

– Из-за престола? – удивился принц. – Дядя совершенно не желал занимать пост регента, но по-настоящему для этого подходил только он. Потому сейчас ему даже не терпится сбросить на меня груз власти.

Я была так удивлена, что едва не ошиблась партнером, вновь расставшись с Максимилианом. Как бы регент мне ни нравился, в заговоре против принца я его подозревала, и у меня впервые промелькнула мысль, что, возможно, заговора-то никакого и нет. Но зачем тогда меня отправили на отбор?! Решила подумать об этом позднее на свежую голову. Сейчас же с учетом того, что танец подходил к концу, я решила поговорить о другом.

– Ваше высочество, – кокетливо начала я. – Могу ли я попросить вас о небольшой услуге?

Максимилиан заинтересованно на меня взглянул:

– Смотря о чем.

Я хотела было пококетничать, но с учетом моей несколько странной для типичной невесты отбора просьбы решила говорить серьезно:

– Пригласи на танец Нирару. Нечестно получается, что ты уделяешь внимание не всем своим невестам.

– Почему ты просишь именно за нее?

– Именно Нираре нужно добавить уверенности. Мне кажется, она достойна титула императрицы гораздо больше любой из нас, – твердо сказала я.

Максимилиан поклонился, обозначив окончание танца, и задумчиво на меня взглянул:

– Насчет достоинства не знаю, но я совершенно не хотел ее обидеть, просто в этой суматохе совершенно запутался, с кем танцевал, а с кем нет. В каком она платье?

Я осмотрела девушек, собравшихся у стола, и уверенно кивнула на красавицу в длинном зеленом платье. Вернувшаяся Нирара выглядела совершенно спокойной, а заплаканное лицо было прикрыто ажурной маской.

– Понял, – краешком губ улыбнулся принц. – Исправлюсь. – Потом легонько придержал меня за пальцы и прошептал: – Но учти, с тебя причитается.

По спальням мы разошлись ближе к полуночи. Заметно было, что принц, как и многие невесты, не против продолжения банкета, но Кларисса настаивала на соблюдении хотя бы подобия режима. Но скорее всего она переживала, как бы с наступлением ночи мы не утратили приличный облик и не опозорились перед приличными людьми.

Ее волнение можно было понять. Кларисса переживала, что свах, и ее в том числе, обвинят в некомпетентности. К тому же вполне могли найтись недовольные тем, что в случае провала этого отбора придется объявлять новый, а это лишнее время, деньги и дополнительная задержка для вступления Максимилиана на престол. Так что принц спорить не стал – невесты были не единственными женщинами на балу, и он вполне мог остаться и развлекаться столько, сколько ему заблагорассудится.

Уснула я не сразу. Хоть и устала, долго ворочалась и перебирала в уме события сегодняшнего дня. Неожиданно возник вопрос: а если бы Виктор пришел сейчас, пустила бы я его? Мысли скользнули дальше – я предположила, что пустила бы, а затем фантазии переросли в ранг совсем уж неприличных и продолжились во сне.

Разбудили меня неожиданно – громким стуком в дверь. Не совсем проснувшись, я не сразу нащупала выключатель светильника, а затем, сонно щурясь, посмотрела на часы. Половина четвертого утра. Казалось, я только прикрыла глаза.

– Иду! – раздраженно крикнула я, так как стучавший не унимался. Набросила на себя халат и почти на ощупь, с трудом и не всегда открывая глаза, отправилась к двери и с вполне ожидаемой злостью ее распахнула. Сон улетучился, как только на своем пороге я обнаружила

охранника. Он не был знаком мне, но отчего-то я решила, что его прислал Максимилиан. Наверное, его высочество выпил лишнего и на фоне сегодняшнего вечера решил, что «причитающуюся» благодарность за танец с Нирарой он получит в виде ночи любви. Все эти мысли промелькнули в моей сонной голове, и на охранника я начала смотреть далеким от восхищения и даже нормального отношения взглядом.

– Прошу прощения, но вам нужно пройти со мной. – Отчего-то взгляд его показался мне похабным, что еще более укрепило меня в неизвестно откуда взявшемся подозрении насчет принца.

– С какой это стати? – я сложила руки на груди.

Охранник явно растерялся:

– Распоряжение сверху, еще раз извините.

От скандала, который непременно поставил бы меня в глупое положение, спасло только одно: за спиной зашедшего за мной мужчины прошел еще один охранник, сопровождавший Брунису. Вряд ли это было их регулярной прогулкой в половине четвертого утра-то, поэтому я захлопнула рот и закивала, всем своим видом демонстрируя, что согласна идти следом.

Меня проводили в просторное помещение неподалеку от галереи спален. Назначение его мне было не совсем понятно, но зеркальные стены и паркет рождали ассоциации с танцевальной студией. Там уже собрались почти все невесты, помятые и заспанные, кутающиеся в свои тонкие халатики. Краешком сознания я отметила тот факт, что ни одна не приобрела теплого махрового халата, отлично понимая, что, возможно, наступит тот день, когда Максимилиан оценит эту часть гардероба. То, что на месте оценщика я теперь хотела видеть Виктора, нисколько не отменяло мыслей и желаний других девушек.

Как выяснилось, не у меня одной на этом отборе неожиданно сменились приоритеты.

Кларисса не вошла, а прямо-таки влетела в комнату. Подзадержавшаяся у двери Ильфеина едва успела отпрянуть. Сразу стало понятно, что подъем не был обычной учебной тревогой – за несколько часов произошло что-то из ряда вон выходящее.

– Все на месте? – с трудом сдерживая злость, спросила у одного из охранников сваха. Тот кивнул. – Странно. Дамы! – обратилась к нам

Кларисса. Я все ждала, что из ушей у нее повалит пар. – Вас собрали здесь для объявления: Виветта Каплан только что покинула отбор.

Мы зашептались. Всех, конечно, интересовали подробности изгнания, но уточнять мы не решались, боясь, что любое неосторожное слово переполнит чашу терпения свахи и она примется зверствовать. И если девушки, побывавшие на свидании с принцем, в какой-то мере были защищены от ее произвола – Максимилиан обязательно поинтересуется исчезновением невесты, которая смогла обратить на себя внимание, то остальных его высочество вполне мог и не запомнить. Как, например, Виветту. Насколько мне помнится, Максимилиан ее пригласил на танец одной из последних.

Кларисса обвела нас сердитым взглядом и принялась вещать. Виветта, расстроенная тем, что принц не рухнул как подкошенный к ее ногам, усиленно налегала на спиртное и концу мероприятия не обрадовалась. Когда Кларисса разогнала девушек по спальням, Виветте окончание банкета показалось преждевременным, к тому же принятый градус подогревал кровь, и потому она отправилась искать приключений, а главное, взаимной любви. Нашлась она довольно быстро – один из официантов был не против небольшой интрижки с подвыпившей красивой девушкой. Незаметно интрижка переросла в слишком тесные объятия, и сливающуюся в них парочку застал один из охранников. По-видимому, алкоголь в крови женщины и повышенное либидо у мужчины не подсказали им укрыться в какой-нибудь комнате, и прелюбодеянием они занялись прямо в коридоре, на подоконнике, спрятавшись за широкой портьерой. Я лично могла выступить свидетелем того, что на подоконнике можно с удобствами разместиться, поэтому в слова Клариссы сразу же поверила.

В общем, все опасения свахи были реализованы, правда, одной только Виветтой. И алкоголь, и изнасилование, и, подозреваю, чревоугодие были, не зря же девушка обратила внимание именно на официанта.

– Это, конечно, очень познавательная история, – широко зевнув, заметила Кароль. – Но нельзя ли было рассказать ее утром?

– Нет! – отрезала сваха. – Я должна была удостовериться в том, что вы все находитесь в своих кроватях.

– Так прошлись бы и проверили, зачем всех собирать-то? – подсказала Кризан.

По лицу свахи было заметно, что такой вариант ей в голову просто не пришел, но недоумение быстро сменилось ехидством:

– Не дождетесь! Меня подняли с постели, тыкнули носом в выходку подопечной, так что и вам нелишним будет пострадать из-за своей соратницы.

– Соратницы, – презрительно фыркнула Велания. Виветта, кстати сказать, числилась ее прихлебательницей. С учетом выбывших вчера из-за неподходящих платьев девушек в нашем лагере пока было больше сподвижников. – Девица просто забыла, где находится. И ради кого.

– Это все оттого, что нас слишком много, – посетовала Ильфеина. – Мы не чувствуем от принца тепла.

– Ты права, – влезла раздраженная Бруниса. Без привычной косметики ее было трудно узнать. – Пора бы основательно проредить наши ряды. Начнем с тебя – иди домой, дай дорогу достойным.

Терпеть подобные концерты, к тому же ранним утром, у меня желания не было, и, спросив у Клариссы разрешения, я ушла. За мной потянулись и остальные. Грязное и неприятное происшествие с Виветтой, конечно, обсуждали, но многие девушки были рады еще одной отсеявшейся участнице. Шансы стать императрицей у каждой резко возрастали.

Как я и думала, наутро все газеты гудели о повышенном внимании принца ко мне. Не скрывали газетчики и того факта, что меня заметил и регент.

Перед завтраком, на котором все невесты, и я в том числе, были невыспавшиеся и злые, Яш всерьез решил довести меня до истерики. Уже традиционно он спрашивал об отношении к принцу, ожидаемо интересовался моим мнением насчет Виктора, затем с хитрой ухмылкой рассказал, что, расставшись незадолго до отбора с очередной пассией, регент теперь один, и вопросы начались по новой. Как будто за время эмоционального монолога Яша я должна была изменить свое мнение. Нет, немного отредактировано оно было гораздо раньше, вот только пронырливому ведущему я об этом сообщать не собиралась.

На завтраке Максимилиан был необычайно весел, как видно, инцидент с Виветтой его несколько не расстроил, и принц предупредил нас о небольшом мероприятии, назначенном на вторник.

Невест пригласили на передачу центрального телеканала, специализирующегося на политике. Нас должны были разделить на две группы и устроить дебаты. На мой взгляд, четырнадцать девушек сразу – слишком много для скучной программы, которую обычно посещали степенные мужи-эксперты, но, наверное, руководство телеканала хотело немного освежить вещание. К тому же элемент шоу на нашем отборе предполагал проведение подобных дискредитирующих мероприятий, и удивительно, что их не было раньше. Это был хороший способ выяснить и продемонстрировать всей империи, присутствуют ли у невесты хотя бы зачатки интеллекта. Всем было понятно, что по итогам программы с кем-то из них мы точно распрощаемся, а когда объявили тему дебатов «Образование Ригарийской империи: плюсы и минусы включения в ее состав иной планеты и иных народностей», некоторые девушки чуть не заплакали.

После завтрака меня остановил охранник Максимилиана. В этот раз я соригинальничала и предположила:

– Марк?

– Вик, – улыбнулся мужчина. – Уладьте свои дела, скоро я за вами зайду.

Я кивнула Вику и уже отходила от него, как заметила Мирану. Рыжеволосая подруга задержалась в дверях, пристально наблюдая за мной. Увидела, что я двинулась к двери, и сделала вид, что задержка произошла случайно.

Под «своими делами», как видно, охранник подразумевал телефонный разговор. Для них наша договоренность о строгой очередности тайной не была. Так как количество девушек значительно уменьшилось, разговаривала каждая невеста много дольше первоначально отпущенного времени, и я вся извелась, пока ждала заветного стука в дверь.

В первую очередь я позвонила Иреку. Напарник был на рабочем месте, и я попросила его продиктовать адреса пострадавших от Хопсвуда девушек. Записала на заблаговременно приготовленный листок и, поблагодарив, отключилась. После решила позвонить Роилу и, честно сказать, не пожалела, хотя разговор вышел не из приятных.

– Мне известно, что с принцем у тебя довольно близкие отношения, – издалека начал майор.

– Правда? – хмыкнула я. – А откуда вам это известно? По телевизору сказали? Тогда да, это действительно достоверная информация.

– Неважно, меня интересует, почему ты об этом ничего не сказала.

– Мне кажется, или мои личные отношения с его высочеством должны вас интересовать лишь тогда, когда это не вредит делу? А так как о заговоре мне по-прежнему ничего не известно, так и близость моих отношений с принцем вас не касается.

– Ты так думаешь? – елеинным тоном уточнил Роил. – Интересно, а что решит принц, когда узнает о твоём задании шпионить за ним? Изменится ли тогда, как ты сказала, близость ваших отношений?

– За ним? – Я удивилась, но эта оговорка майора меня очень задела. – Насколько мне помнится, первоначальной моей задачей было расследовать заговор против его высочества.

– А это смотря как преподнести информацию.

– Шантаж не поможет, – предупредила я. – Удачные ставки вы сделали в первый день нашего общения, но козырей в колоде больше нет.

– О каком шантаже ты говоришь, Рэйя? – Роил мигом сбавил обороты, когда понял, что размолвка с принцем меня не пугает. – И мысли такой не было.

– Я рада. У меня к вам вопрос. – Конфликтовать я не стала, решив, что майору открытое столкновение будет только на руку. – Заговор точно имеет место быть?

– Станный какой-то вопрос. Мне бы, конечно, хотелось, чтобы его не было, но сведениям разведки вполне можно доверять – принцу грозит опасность.

«Конечно, грозит, – раздраженно подумала я. – Непонятно только, с какой стороны».

– Если бы вы регулярно не напоминали о задании, мне и в голову не пришла бы мысль, что его высочество окружают предатели. Может быть, дело в том, что общаюсь я только с невестами?

– Чего бы стоил заговор, если его так легко можно было раскрыть, – резонно заметил Роил. – Так что не время нам ругаться, враги не дремлют, и все такое прочее. Ты же понимаешь.

– Да-да, – рассеянно согласилась я. – Простите, время закончилось.

Времени еще было предостаточно, но я постучала в дверь следующей девушки и предупредила ее о дармовых дополнительных минутах.

Первая из жертв, Саккора Мивз, жила в спальном районе Думара и, прежде чем открыть дверь, долго рассматривала меня в глазок. Мужчинам рядом со мной она не удивилась. Наверное, после произошедшего с ней несчастья Саккора считала, что каждой девушке необходима охрана. В квартире, помимо потерпевшей, находилась и ее мать, которая поздоровалась с нами и удалилась в соседнюю комнату. Принц, к слову сказать, опять был в гриме, поэтому мы не боялись, что женщины его узнают.

– Что вы хотели? – тихим голосом спросила Саккора, нервно натягивая на ладони рукава свитера и стараясь не смотреть на Максимилиана и охранника.

Меня волной затопила жалость к этой девушке, жизнь которой сломалась из-за больных фантазий какого-то негодяя. Я видела ее фотографии до изнасилования и могу сказать, что с этой испуганной, мерзнувшей девочкой та бойкая красавица не имеет ничего общего. Время лечит, да и, наверное, когда-нибудь Саккора оправится настолько, что сможет хотя бы разговаривать с лицами мужского пола, но прежней она уже не станет.

– Понимаю, что тебе тяжело, – стараясь говорить ровным голосом, начала я. – Но можно ли задать тебе несколько вопросов по поводу... – я взглянула на Максимилиана, – преступления?

– Чего уж там. – Взгляд девушки устремился куда-то вдаль. – Сто раз рассказывала, еще один ситуацию не изменит. Ее ничто уже не изменит.

– Будь добра, – попросила я.

– Можно без особых подробностей? Я возвращалась с занятий...

– Каких? – влез Максимилиан.

Саккора вздрогнула, а я ощутимо ткнула принца в бок. Внутренне сжалась, ожидая, что охранник меня сейчас же скрутит, но он хмыкнул и сделал вид, будто ничего не заметил.

– История средового дизайна, – прошептала девушка. Глаза ее наполнились слезами. Я знала, что после произошедшего она боялась выходить из дома и потому учебу ей пришлось оставить. – Было

дополнительное задание для отстающих, и из-за того, что я пропустила две лекции, пришлось его посетить.

– Продолжай, – мягко сказала я.

Саккора кивнула:

– В парке возле дома меня кто-то окликнул. Не по имени, а просто позвал. Не помню как, но что-то наподобие «девушка» или «эй». Я обернулась, и кто-то к моему носу приложил тряпку. Я рассказывала уже... Дальше?

– Да, конечно. Чем тряпка пахла и какого размера была, я уже знаю.

– Очнулась я в полнейшей темноте, лежа на дощатом полу. У меня были связаны руки и щиколотки, а рот заклеен скотчем. Очень долго лежала так, потом отважилась перевернуться на живот, и... – Саккора закрыла глаза рукой. – Тогда он и появился. Сзади... Я в юбке была... Он поставил меня на колени, и...

Девушка всхлипнула, а я заторопилась задать следующий вопрос:

– Саккора, дорогая, не возникло ли у тебя ощущения, что вы были не одни?

– Я никого не видела, темно было.

– Я помню. Но лично у тебя не было такого ощущения? Ничем, возможно, не подтвержденного.

– Я поняла, о чем вы говорите, – поежилась девушка и опять начала нервно натягивать рукава свитера. – Но я не прислушивалась ни к каким своим... ощущениям. Просто хотелось умереть или отрубить те части тела, к которым прикасалась эта мразь. Но знаете, наверное, если бы раздавались какие-то шорохи или кашель, я бы обратила внимание.

В пользу версии о маньяках, действующих в паре, не было фактов. Не знаю, отчего мне казалось, что именно сейчас, при очередном допросе, жертва вспомнит какие-то дополнительные подробности, но неудача вызвала глубокую досаду.

Мы уже уходили, мирно закончив разговор, как вдруг, провожая нас, Саккора сказала:

– Мне снятся сны.

– Об изнасиловании? Так бывает, Саккора. Наверное, нужно обратиться к психологу, он поможет.

– Не совсем. – Девушка задумалась. – Мне не снится сам процесс, я бы, наверное, умерла, пережив такое еще раз, хоть и не взаправду. В снах я убегаю из этого дома.

– Это тоже сможет объяснить специалист. Что-то типа защиты твоего сознания от стрессовой ситуации.

– Странная какая-то защита. – Девушка сморщилась, пытаясь остановить непрошеные слезы. – Мне снится, что в этом доме и другие девушки – я сбежала, а они остались. Вы понимаете? Их никто не спасет! – Саккора зарыдала, исторгая из себя ужасные вопли. Подоспевшая мать недовольно взглянула на нас и увела дочь в комнату.

Мы захлопнули за собой дверь и спустились по лестнице к машине.

– Базрад, – обратился принц к охраннику, который был с нами в квартире. – К следующей жертве ты с нами не пойдешь. Для стресса пострадавшим девушкам достаточно и одного мужчины.

– Базрад? – напряглась я. – А разве не Вик?

У входа в подъезд нас ожидали братья-охранники, и, услышав мой вопрос, они громко расхохотались. Я переводила недоумевающий взгляд с одного мужчины на другого и не понимала, в чем дело.

– Развлекаются они так, – пояснил улыбающийся принц. – Знают, что их никто не различает, вот и называются чужим именем каждый раз, когда кому-то придет в голову поинтересоваться.

– А ты, значит, различаешь?

– Приходится, – пожал плечами Максимилиан. – За столько лет уже привык.

– Дурацкие развлечения, – недовольно прошипела я. – Детский сад.

Дулась я недолго – принц поразительно мило умел просить прощения. Но настроение мне это подняло лишь на короткое время. До обеда мы успели переговорить еще с двумя девушками, но и они не смогли к своим прошлым показаниям добавить ничего нового. Даже снами в отличие от Саккоры не поделились.

– И что мы выяснили? – уточнил принц, когда мы уже возвращались во дворец.

– Ничего, – вздохнула я.

– А на что надеялись?

– Не знаю, – досадливо поморщилась я. Вопрос принца попал не в бровь, а в глаз. – Все уже спрошено-переспрошено, но мне казалось, что дополнительный рассказ девушек натолкнет меня на какую-то дельную мысль.

Максимилиан потер подбородок:

– А те места, где девушек держали, их нашли?

– Да, все найдены, но к тому моменту, как в каждое из них заявлялась группа захвата, там было пепелище.

– Я надеюсь, под Думаром остались еще бревенчатые дома?

– Собираешься на охоту? Остались, не переживай. Как только выяснили, где маньяк привык... делать свои грязные дела, так сразу и посадили в оставшихся домиках по оперативнику. Но преступник решил сменить дислокацию, потому что поймать его таким образом не удалось.

– Кто-то сливает информацию.

– Исключено, – покачала я головой. – Даже оперативники, сидящие в засаде в домах, не знали, кого они ждут. В тайну расследования было посвящено всего несколько человек, и всем им можно доверять – случайных людей к этому делу не допускали.

В машине мы были одни, и я посчитала момент удобным для того, чтобы спросить:

– К слову, о случайных людях. Максимилиан, вокруг столько охраны... Скажи, а допускаешь ли ты мысль, что против тебя может готовиться заговор?

Принц странно на меня взглянул:

– Разумеется. Наверное, каждый правитель понимает, что его управление государством не может нравиться всем.

– Но у тебя же пока нет особой власти, зачем кому-то против тебя плести интриги? Или, того хуже, пытаться убить?

– Ты плохо знаешь историю, – хмыкнул Максимилиан. Историю я знаю хорошо, но поправлять принца не стала. Нужно было узнать его мнение по этому вопросу. – И потому считаешь, что покушение происходит только лишь на действующего правителя, ведь так?

Я неопределенно мотнула головой:

– На бывших правителей тоже. Из мести.

– И на будущих тоже. Только здесь мотив иной – надломить уверенность императора, народа. Когда нет наследника, это создает

гнетущее настроение, разлом в обществе, и в такие периоды очень удобно поднимать бунты, восстания, начинать революцию. Я не хочу сказать, что боюсь этого и потому меня так тщательно охраняют. Нет. Помимо отсутствия наследника в период, на который гипотетические повстанцы возлагают надежды, должны присутствовать и другие негативные факторы, а империя наша сейчас находится на самом пике процветания.

— Ну да, — развеселилась я. — Особенно явно это проявляется, когда въезжаешь в Клайфсбет. Процветание лезет из всех щелей, даже в окнах, и я уверена, такие неблагополучные районы есть и в других городах Ригарии. Мы прячем их, стремимся скрыть за вуалью благополучия и надежности, но они словно червяки, выедающие изнутри свежее яблоко.

Принц помрачнел:

— Вопрос, который перед всеми раскрыла Нирара, очень важен. Дядя уделял таким несчастным людям внимание, хоть со стороны это и не очень заметно. Но надеюсь, именно мне удастся круто изменить будущее таких, как эта смелая девушка.

Амбиции и энтузиазм Максимилиана вызывали улыбку, но я постаралась вернуть разговор в интересующее меня русло:

— Значит, ты не думаешь, что на тебя возможно покушение?

— Я допускаю такую мысль, — спокойно ответил принц. — Но мне это кажется маловероятным. Пока нет оснований этого опасаться.

— Ты считаешь, что заговор возможен только со стороны каких-то далеких революционеров, но ведь вполне возможно, что кто-то из близких захочет занять твое место.

— Близких? Первый после моей смерти кандидат на престол — Виктор, но ему проще будет отречься от него, чем обречь себя на пожизненное правление.

— Не говори так: «после твоей смерти»... Власть — это действительно так тяжело?

— Это выматывающе. Не только для самого императора, но и для его близких. Поэтому ты, как моя невеста, — Максимилиан мне подмигнул, — должна понимать степень ответственности, которая на тебя может быть возложена.

Я замаялась. Принц точно не замешан в подготовке собственного убийства, если я все же склоняюсь к той мысли, что оно имеет место

быть, но рассказывать ему о задании все же нельзя. Реакцию Максимилиана очень сложно предугадать: мужчине может и не понравиться, что на отбор я пришла только по распоряжению начальства. Меня тут же вышвырнут из дворца, а пока я не удостоверюсь в абсурдности подозрений Роила, уходить не имею права. К тому же на свободе разгуливает Хопсвуд, и, памятуя о его угрозах, возвращение домой может стать опасным.

— Многих из невест уже выгнали, — сказала я. — Тебя не обижает тот факт, что некоторые девушки с такой легкостью совершают ошибки?.. Когда они шли на отбор, должны же были понимать степень ответственности, о которой ты говоришь.

Сказала, а сама задумалась. А ведь я тоже несколько легкомысленно отношусь к своему статусу невесты, беспечно целуюсь с регентом, и, если меня с ним застанут, моя репутация будет разрушена перед всей страной.

— Тут вот какое дело, — хмыкнул принц. — Девушки, на которых я обратил внимание еще в первую встречу и которых я в принципе готов видеть в качестве своей супруги, ничем меня пока не разочаровали. Думаю, именно на них и делали ставку свахи, когда отбирали невест. Остальным дали шанс, и если они не смогли его использовать, что ж, хорошо, что выяснилось это, когда я еще не успел познакомиться с ними поближе.

Не знаю, зачем я задала следующий вопрос. Наверное, как и любая девушка на моем месте, захотела поддержать свою самооценку, не подумав, что мои слова прозвучат как флирт:

— И на кого ты обратил внимание?

Максимилиан резко повернулся и, с предвкушением глядя на мои губы, сказал:

— Не сомневайся, на тебя обратил точно.

Рука его скользнула по моей щеке, принц наклонился, явно намереваясь меня поцеловать, но сердце мое не билось быстрее от близости с ним, и я опустила лицо вниз, пряча его от мужчины.

Максимилиан правильно понял мое настроение и настаивать не стал. Оставшийся путь мы разговаривали на ничего не значащие темы — о погоде и политике, но я кожей ощущала исходящее от принца недоумение и, в свою очередь, внутри себя чувствовала все нарастающую панику. Все свои дела во дворце необходимо было

закончить до того момента, как принц решит повторить поцелуй, но теперь уже более решительно. Иначе существует риск того, что удержать интерес ко мне Максимилиана в границах дружеского не получится.

На обед Максимилиан не явился, я знала, что Виктор требовал его присутствия на переговорах, и с нашим расследованием принц чуть их не пропустил. Поэтому Клариссе было дозволено объявить, с кем Максимилиан сегодня идет на свидание. Этой чести удостоилась Велания, но по лицу ее было заметно, что госпожа Олькутт испытывает крайне двойственное ощущение. С одной стороны, предложению принца она радовалась, но с другой – подготовку к дебатам, коей она занималась с самого утра, приходилось прервать. Остальные девушки облегченно выдохнули и после обеда ровным строем отправились в библиотеку. Как оказалось, где же она находится, им выяснить все-таки пришлось, и время до обеда они провели там же.

Знания по истории мне тоже надлежало освежить, и, последовав за другими невестами, я пришла в уютное, хотя и по-настоящему огромное помещение. Попросила библиотекаря помочь и выбрала несколько книжек. Мне было разрешено взять их с собой, и я отправилась в спальню заниматься подготовкой к завтрашним дебатам.

## Глава 11

Галерея спален невест словно вымерла. Изредка эту мертвую тишину нарушала какая-нибудь девушка, решившая сменить мозговой штурм на живое общение, но, как правило, подруги ее выгоняли, так как ресурсы их сообразительности еще не закончились.

Мирана меня не посещала, хотя я была бы рада небольшой передышке – досуг со скучной исторической книгой навевал сон, и я уже пару раз засыпала, вздрагивая от того, что книга выпадала из рук. Ужин принесли прямо в спальню. Наверное, Кларисса таким образом позаботилась о нас, но я еще больше заскучала. Конечно, можно было и не готовиться к завтрашнему дню, надеясь на уже имеющиеся знания и искусство говорить, но комплекс отличницы, заработанный в детстве стараниями матушки, подговаривал совесть шептать прямо в мое ухо: «Ну полистай хрестоматию. Ну открой монографию. Все же готовятся, надо и тебе!» Совесть я уважала, а потому, тяжело вздыхая, подчинялась. Часов в десять в мою дверь постучали, и, обрадовавшись передышке, я тут же вскочила, открыла дверь и на пороге обнаружила Виктора.

– Готовишься? – с сомнением спросил регент.

Я немного смутилась: выглядела я неплохо, но все же с учетом отмены ужина с камерами и соперницами косу на голове не расплетала и косметику не использовала. Хотя Виктор в таком облике меня и видел, чувствовала я себя отчего-то беззащитной.

– Пытаюсь. – Я продемонстрировала его величеству огромную книгу, такую тяжелую, что ударь ею кого по голове, из спальни моей выносили бы труп.

Виктор присвистнул, правильно оценив размеры книги, и подмигнул:

– Прерваться возможность есть?

Разумеется, она у меня была. Более того, я спешила ею воспользоваться со скоростью, поражающей меня саму.

Уточнять, куда мы идем, не стала. Присутствие Виктора настраивало на лирический лад, и думать о том, что меня, возможно, ведут на допрос с пристрастием, не хотелось. Я вприпрыжку двигалась

рядом с шагающим широкими шагами мужчиной и безостановочно говорила. Это было странно (мне всегда казалось, что болтать я не люблю), но вместе с тем и безумно волнующе. Охранники, караулящие переход из левого крыла в Центральный павильон, заметив нас, почти синхронно отвернулись. Так же точно на нашу пару реагировали и другие охранники, что, впрочем, было понятно – вряд ли наше с регентом рандеву санкционировано свахой.

– Чем сегодня занимались с Максом? – поинтересовался Виктор. Во многих помещениях дворца уже выключили свет, и, помимо демонстративно скучающих охранников, нам больше никто не встречался.

– Расследованием, я же тебе уже говорила, – пожала я плечами. Гадай теперь, то ли братья-охранники действительно настолько преданы Максимилиану, что регент о его передвижениях мало что знает, то ли Виктор хочет, чтобы об этих самых передвижениях ему рассказала я.

– Помнится, в прошлую нашу встречу ты хотела рассказать мне подробности, да не вышло.

– Правда? Не по моей вине, – ответила я и тут же устыдилась – вообще-то по моей.

Виктор спорить не стал, коротко улыбнулся и сказал:

– Неважно, по чьей вине, я готов выслушать тебя сейчас.

Шаги наши гулко раздавались в полупустых коридорах дворца. Я плохо знала его планировку, но что-то подсказывало мне, что двигаемся мы в правое крыло. На секунду промелькнула мысль о том, что есть риск встретить по дороге принца, но слишком уж сокрушаться по этому поводу не видела смысла. Как не видела смысла и скрывать от Виктора подробности расследования. Кратко изложила их и уставилась на регента, желая узнать, что он об этом думает.

– В СИБ не осталось других сотрудников? – строгим голосом поинтересовался регент. – Насколько мне известно, все невесты на время отбора уходят в отпуск...

– Дело не в этом, – недовольно вскинулась я. – Дело ожидает передачи в суд, но как я могу кому-то из коллег объяснить подозрения, которые и мне-то не совсем понятны. Чувствую, а ухватить не могу. Мы с его высочеством просто разговариваем с потерпевшими, это даже расследованием назвать нельзя.

Виктор как-то странно на меня посмотрел:

– Все же мне больше нравится, когда ты находишься во дворце.

Я кокетливо потербила косу, затем вспомнила, что не накрашена, и погрузилась:

– Волнуешься?

Виктор улыбнулся и покачал головой:

– Мы уже пришли.

Отчего-то я сразу поняла, что привели меня к покоям регента. И хоть накануне о ночи любви с Виктором я мечтала, такая наглость меня возмутила. Я сложила руки на груди и ядовито поинтересовалась:

– Куда и зачем?

Виктор, как видно, понял мои мысли, кашлянул в кулак, пряча усмешку, и распахнул дверь. Я осторожно заглянула внутрь. Покои его выглядели претенциозно: ничего общего с обычными спальнями, в которых одна кровать и шкаф. Состояли они из нескольких комнат: первая походила на небольшой кабинет или комнату для встреч с людьми официальными, но приближенными настолько, чтобы принять их в пижаме, а остальные мне не удалось разглядеть.

Я прошлась по кабинету, искоса наблюдая за Виктором. На осмотре дальнейших комнат он не настаивал, ждал, периодически поясняя историю безделушек, которые я рассматривала.

– Дальше? – поинтересовалась я, когда задерживаться в передней больше повода не было, как до сих пор не было понятно, зачем мы сюда пришли.

Виктор, улыбаясь, развел руками. Я фыркнула и, решительно толкнув дверь, направилась в следующую комнату. Кровать в ней присутствовала, но такая огромная, что разместиться на ней могли человек шесть, да еще и с удобством. В комнате присутствовала и другая мебель, но кровать явно была главным ее предметом, притягивающим взгляд.

– Надеюсь, твоя цель не затащить меня в постель, – вздохнув, сказала я. – Как следует подумай над своим ответом, потому что дорогу в свою спальню я помню, а книга меня все еще ждет.

– Я совру, если скажу, что такая мысль у меня не проскальзывала, – хохотнул Виктор и открыл дверь на балкон. Там в тусклом свете фонариков, украшавших перила, виден был небольшой фигурный столик с красивыми блюдами на нем. Против своей воли я

улыбнулась. – Но назвать ее своей целью не могу. Я вообще-то не такой. – Виктор мне подмигнул, а я закатила глаза – подобным утверждениям, исходящим от лиц мужского пола, давно уже не верит ни одна девушка.

– Я так понимаю, у нас свидание. – Я с удовольствием устроилась на мягком стуле и наблюдала, как в высокие бокалы Виктор наливает зеленый сок ангаррских апельсинов. Он не считался алкогольным напитком, но веселое настроение после его употребления было обеспечено. Я объясняла этот эффект тем, что, выпивая сок, стоимость которого превышает втрое зарплату среднестатистического жителя Ригарийской империи, грустить прямо-таки преступно. – Но почему в спальне?

– Правильно понимаешь. – Виктор почесал переносицу. – Мне показалось, что отбор ты покидать не желаешь. Требовать этого пока, повторяю – пока, я не могу и потому вынужден скрывать нашу... симпатию друг к другу. Единственное помещение, в которое никто не сможет неожиданно заявиться и увидеть тебя, – моя спальня. Окна Макса выходят на другую сторону, и заметить тебя он не сможет.

– Симпатию?

– Не знаю, как это называть, – засмеялся Виктор. – Наваждение? Придумай другое слово, обозначающее наши отношения.

Вечер и впрямь получился волшебный, хотя и короткий. С его величеством мы общались до полуночи, разговаривая, наверное, обо всем на свете. Алкоголя на столе так и не появилось. Кто знает, возможно, Виктор боялся под воздействием алкоголя опровергнуть свое утверждение «я не такой», а может быть, опасался, что в алкогольном угаре неприлично себя вести стану я.

Как бы то ни было, дальше поцелуев, вполне, кстати, невинных, дело не зашло, и я, несмотря на свое желание не спешить, немного из-за этого досадовала. Виновата была моя обычная непоследовательность – если бы мужчина приставал, я бы его приставания отвергла и, возмущенная, ушла к себе, а раз мужчина просто сидел рядом, хитро улыбаясь, повода почувствовать себя красивой и недоступной не было, и оттого возмутиться и отвергнуть регента хотелось еще больше.

Когда мы возвращались в галерею спален, я решилась спросить:

– Виктор, а ты помнишь нашу первую встречу?

Его величество на меня покосился с сомнением – наш первый разговор плохо подходил для романтических воспоминаний.

– Помню. Ты хочешь извиниться за то, что посчитала меня стариком? Да ничего, я не в обиде.

– Что? А-а, нет, конечно. – Лицо регента забавно вытянулось. – Возле чьей двери ты меня тогда застал?

Виктор посерьезнел:

– А что?

Не видя в этом ничего страшного, так как регент знает о моем шнырянии по дворцу, я рассказала о слежке за блондинкой и подслушанном разговоре. Это произвело на него впечатление. Виктор задумался и уверенно сказал:

– Марио Шоки – министр сельского хозяйства. Прибыл с Рабиоля, уже две недели живет во дворце. Но почему ты решила проследить за этой девушкой?

– Подозрительным показалось, что в первый же день невеста так нагло нарушает дворцовые правила. К тому же профессия моя располагает к слежке. – Я мило улыбнулась. В вопросе моем был небольшой подвох – если все-таки регент замешан в заговоре, то разбираться в этой ситуации со странной блондинкой он вряд ли станет.

– Это очень серьезная информация. – Мужчина нахмурился. – Я попробую не впутывать тебя, но, возможно, придется провести опознание.

Я обвила руками шею Виктора и потерлась носом о его подбородок:

– Я требую, чтобы ты меня впутал. Очень интересно, в чьи злобные планы ненароком удалось влезть.

Я познакомилась всего со вторым ведущим телепередач, но уже серьезно разочаровалась во всей их братии. Неизменный руководитель и центральный персонаж программы «Я не против» выглядел обрюзгшим и недовольным жизнью мужиком в кальсонах. Понятно было, что одевали его костюмеры, но такие обтягивающие штаны на пузатом пятидесятилетнем мужчине с явными инопланетными корнями выглядели просто-напросто смешно. Ведущий оглядел всех невест, приветливо приобнял Вудтир и отправил Кесалию

переодеваться, мотивируя свое решение тем, что ее черное строгое платье повергает его в глубокую печаль. Чем-то девушка ему очень не понравилась, потому что и впоследствии он заставлял ее сменить наряд раз шесть точно, а на Каппу Карнеги внимания не обратил вовсе, хотя костюм ее был тоже не самой веселой расцветки.

Нас посадили за два длинных стола, по семь невест за каждый, и достаточно быстро разъяснили схему дебатов. Говорить только по очереди, не перебивая друг друга. Каждому отводится по полторы минуты на высказывание своей точки зрения, спикеры, выступающие «за» и «против» чередуются. После выслушивания всех мнений переходят к общему обсуждению.

Я молчала, хотя помнила, что в те редкие моменты, когда мне приходилось видеть выпуски передачи «Я не против», по очереди там не говорил никто. Не дожидаясь общего обсуждения, все оппоненты сразу выкрикивали тезисы своего мнения и с первых минут программы переходили на личности. Эта программа и запомнилась мне как дикая клоака кричащих и ревуших политиков, послов и медийных личностей.

Нас предупредили, что в случае непредвиденных ситуаций передача прервется на рекламу, но в это верилось с трудом. Ни один телеканал не отказался бы от горячего видео драки или скандала невест. Думаю, нас и разделили с таким расчетом, чтобы мы вдоволь поругались. Одну точку зрения «за» представляли Ильфеина, Велания, я, Вудтир, Кароль, Нирара и Эяла Хилк, а противостояли нам соответственно Кризан, Каппа, Реци, Кесалия, Бруниса, Мирана и Роав.

Роли распределены были хоть и негласно, но достаточно прозрачно: Велания в силу своего богатства должна была уверенно поддерживать действия императорской семьи; Нирара уже показала себя как патриотка и бунтарка, и ее выступление за действующую власть должно было продемонстрировать степень ее лояльности; я, как служащий системы правоохранительных органов, в своем сознании вообще не должна держать крамольных мыслей об ошибочных действиях бывших императоров. Мирана и Каппа – жительницы Ваоля; Кесалия, как мы помним, прилетела с Вассы. А эти два объекта до сих пор считаются мятежными, и потому бунтарские мысли впиваются ими с молоком матери. Вудтир руководство передачи

умной явно не считало, но я полагала, что модель пытается показать себя намного глупее, чем есть на самом деле. Тот факт, что Реци оказалась в противоборствующем лагере, меня немного пугал – девушка справедлива и умна, но в запале спора вполне может начать драться.

В общем, сегодняшние дебаты во многом должны были показать характер каждой из нас и грозили оставить Максимилиана вообще без невест.

За несколько секунд нам объявили о начале прямого эфира. Все девушки встrepенулись, быстро поправили прически и застыли с неестественными улыбками на лицах.

– Мы вновь приветствуем вас в студии программы «Я не против»! – с фальшивой радостью воскликнул ведущий. Хотя о чем это я, радость могла быть и настоящей – за такие-то деньги, что ему платят. – С вами я, Жарро Вутц, и следующий час мы проведем вместе.

Точно, Жарро Вутц, наконец-то я вспомнила, как его зовут.

– Как вы знаете, дорогие мои, приближаются два праздника, – продолжал меж тем ведущий, не подозревая, что в студии находятся люди, которые им не восторгаются. – Воцарение на престоле наследника и столетие со дня образования Ригарийской империи. И в нашей студии в той или иной степени сегодня будут освещены сразу два этих важнейших события. Приветствуем четырнадцать прекрасных, умнейших, прошедших неделю отбора невест-претенденток принца Максимилиана.

Малочисленная массовка на зрительских трибунах негромко загудела, но звук этот тут же подправили за счет аудиозаписи. Ведущий еще некоторое время пел нам дифирамбы и призывал делать ставки на победу одной из нас в букмекерских конторах сестер-дизайнеров бизнес-леди Харби (а я-то думаю, лейбл на его лосинах какой-то знакомый), а затем перешел к поводу, по которому мы все здесь собрались, а именно к дебатам.

– Дорогие телезрители, все мы учили на уроках истории, что сто пятьдесят пять лет назад в результате освободительной или, как ее называют приверженцы другой точки зрения, захватнической войны была образована Ригарийская империя. Правитель Ригарий, от которого начался род наших императоров, захватил планету Ваоль и ее спутник Вассу, и вышло это у него во многом из-за отставания наших

соседей в научно-технической сфере. Экспансия наших предков многое дала ваольцам, но они не всегда довольны полученными привилегиями, и сейчас мы поговорим об этом с нашими прекрасными невестами.

С синонимами у Вутца была беда: никакими другими эпитетами, кроме как «прекрасные», он нас не награждал. Слово дали Ильфеине. Поведение ее было вполне предсказуемым и полностью соответствовало складу ее характера. Перед эфиром Ильфеина шепнула мне, что она вела бы себя гораздо раскованнее, если бы ей позволили выпить бокал вина. Честно говоря, кого-кого, но ее я в алкогольной зависимости не подозревала.

Девушка дрожала, заикалась и, наверное, не совсем понимала, зачем ее сюда пригласили, потому как ее точки зрения никто не услышал. Ильфеина просто выполнила функцию ведущего, анонсировала образование Ригарийской империи (процитировала вводный абзац учебника по истории к этой теме) и присела на стул, хотя минута ее еще не закончилась. Жарро крикнул и потер потный лоб. Его надежды на скандальный эфир стремительно таяли.

Умнице Кризан за минуту удалось выпалить множество аргументов, почему она считает, что объединение планет в империю было ошибкой, но она тараторила столь быстро, что не только осознать, но и просто понять большую часть произнесенных ею слов было невозможно. Можно сказать, что дебаты начались только с Велании. Олькутт вальяжно поднялась с кресла и аргументированно, с толком, расстановкой, с безупречной дикцией доступно объяснила, какие именно блага снизошли на ваольцев. Каппа надежд руководства передачи также не оправдала. Боясь навлечь на себя гнев Максимилиана, она пыталась смягчить все свои аргументы «против». Звучало это примерно так: «Объединенная фрибринская армия уничтожила немало мирных жителей... Но ведь у них не было другого выбора, правда? Ваольцы же не соглашались добровольно входить в состав империи».

Себя хвалить не хочется, но стоит заметить, что на фоне уже выступивших девушек смотрелась я выигрышно. Пояснила, что образование Ригарийской империи явилось закономерным этапом развития межпланетных отношений и оценивать ее в этико-моральном смысле очень сложно. К тому же на фоне значительного научно-

технического отставания Ваоля завоевание его другими государствами было только вопросом времени. И хорошо, что к этой планете первыми не подобрались иделльцы. Говорила я много, сама удивляясь тому, как плавно лилась моя речь. А потому, закончив, присела в кресло, глубоко удовлетворенная своим выступлением.

В целом невесты поддерживали ровный ритм общения. Ведущий тихо сатанел, понимая, что мечты об эксклюзивном эфире разбиваются, подогревая разговоры о скором уходе Жарро с телеканала, но все его реплики ни к чему не приводили. Девушки проговаривали речь грамотную, красивую, но заготовленную, а потому живости в выпуске явно не хватало. Так продолжалось ровно до выступления Мираны. Нирара, которая выступала прямо перед рыжей жительницей Ваоля, не успела сказать все, что хотела, и ерзала на стуле, как школьница-отличница, желающая вставить слово.

– Жители Ваоля – свободный народ. – Звнящий голос Мираны разносился по студии и эхом отражался от высоких полукруглых потолков. – До воцарения Ригаринов наша планета развивалась по своему пути и не нуждалась в навязанной помощи захватчиков.

– Развивались, – презрительно фыркнула Нирара. Ведущий обрадованно уставился на «поганку», надеясь на продолжение, и оно не заставило себя ждать. – Если бы вы развивались, как ты говоришь, Фрибрин не смог бы завоевать вас с такой легкостью. Вы даже не выходили в открытый космос, ваш спутник пустовал, хотя это настоящее преступление – не разрабатывать столько плодородных земель!

Ведущий сделал вид, что желает установить подобие порядка:

– Девушки, мы скоро перейдем к общему обсуждению.

Его никто не слушал. Со стороны спикеров «за» послышались реплики поддержки Нирары. Мирану пока никто не поддерживал – большинство девушек не были яростными сторонницами отделения Ваоля, а такую роль примерили только из-за отбора. Но рыжую это нисколько не смутило. Мирана прищурилась и процедила:

– Преступление – деньги, полученные с наших земель, складывать в карманы фрибринских богачей.

– С ваших? – неожиданно вмешалась Велания. Всем уже было понятно, что Эяле и Роав выступить не позволят. – Как ты выразилась, «ваше» – это только высокое самомнение.

– Согласна. – Нирара сложила руки на груди. – Если бы не наши развитые технологии, вы бы ни в жизнь не только не разработали почву, но и не заселили бы Вассу.

Мирана так сильно сжала кулаки, что костяшки ее пальцев побелели, Нирара нависала над столом, словно коршун, зато Велания вела себя совершенно расслабленно – дергала носком туфельки и разглядывала своих соперниц с мрачным удовлетворением кукловода.

– Не вам судить, что было бы! Ригарий определил будущее нашей страны за нас самих, и это недопустимо!

– Это закономерно, – отрезала Нирара. – Если вы не можете себя защитить.

Невесты все больше волновались. Эти две девушки надолго привлекли внимание телекамер, и такие незаслуженные привилегии вызвали справедливое возмущение и стойкое желание перетянуть одеяло на себя.

– Кровожадность не должна руководить разумом захватчиков, – лениво проронила Бруниси, но, судя по ее лицу, фразу эту она готовила заранее.

– Войны без жертв не бывает, – подскочила Кароль, и на секунду мы все замолчали, удивленные ее неожиданной репликой.

Наконец ведущему удалось вставить слово:

– Думаю, есть смысл пропустить двух спикеров и перейти к общему обсуждению.

В студии развернулись миниатюрные боевые действия: Мирана, как настоящий полководец, выступала впереди своей команды, громким командным голосом выкрикивала обвинения и обещала кару, словно Нирара была самим Ригарием, а спикеры команды «за» его войском. Велания ограничивалась короткими, но меткими фразочками, которые подогревали пыл спорящих. Вудтир проявила прямо-таки недюжинные способности к ведению эмоционального диалога – порой ее голос заглушал даже активную Нирару. Я старалась без нужды не влезать, но когда видела, что мои союзницы выдыхаются, приходила к ним на помощь. До рукопашной дело не дошло, хотя присутствовал один момент, когда Реци двинулась было на подпрыгивающую в азарте Кароль, но конфликт быстро замяли без ущерба для репутации невест.

В общем, эфиром Жарро Вутц остался доволен. Как оказалось, ему дозволено было выбрать победительницу сегодняшних дебатов, и

он, долго тряся руку Клариссы, объявил, что ему понравились Вудтир и Брунису. Такое решение нас, мягко сказать, удивило: ни Брунису, ни Вудтир наиболее активными или меткими в суждениях участницами назвать было нельзя. Если Вудтир хотя бы показала себя с другой стороны, нежели обычно, – сменила холодность и презрение на азарт спора, то Брунису ограничилась несколькими репликами и в общем обсуждении совершенно не участвовала. Конечно, необъективное суждение несколько не повлияло на ликование выбранных для свидания с принцем участниц. И если Вудтир, не изменяя себе, просто ухмыльнулась, делая вид, что ее несколько не восторгает тот факт, что встретится с Максимилианом она уже второй раз, то Брунису прямо-таки буйствовала от радости.

Кларисса подождала, пока страсти утихнут, и только тогда выступила вперед:

– Надеюсь, вы понимаете, дамы, что дебаты были не только поводом вас развлечь?

Ничего себе развлечение – Ильфеина до сих пор прятала дрожащие руки.

– Я наблюдала за вами на протяжении всей передачи и хочу объявить, что сегодня отбор покинут Эяла и Каппа. Могу объяснить, почему мной было принято такое решение.

– Будьте добры, – побледнела Каппа. Эяла всхлипнула.

– Конечно. Вы, госпожа Карнеги, должны были отстаивать точку зрения «против» вне зависимости от того, что скажут окружающие. Императрица должна уметь защищать себя, пусть лишь словами. А вы, невеста Хилк, молчали на протяжении всей передачи!

– Но мне же не дали слова!

– Роав была в такой же ситуации, вашу речь отменили в угоду общему обсуждению, но она из этой ситуации как-то выкрутилась.

Роав действительно пыталась отстоять свое право говорить, да и периодически вставляла какие-то реплики, когда страсти разбушевались. Так что решение Клариссы мне лично представлялось справедливым.

– А от вас, Адальстан, я не ожидала такого поверхностного отношения к этому испытанию, – вдруг заявила сваха, поворачиваясь ко мне.

– Простите? – Я по-настоящему растерялась и непонимающе уставилась на сердитую Клариссу.

– Прощаю, – высокомерно согласилась сваха. – Лично для меня вы были фавориткой. – Остальные невесты завистливо зашипели, а изгнанная Каппа и вовсе выругалась. – Но вы не проявили той бури чувств и знаний, которые могли бы.

Меня с детства раздражало такое отношение учителей к своим ученикам: я от вас ожидала большего, вы могли проявить себя лучше... Не могла! И ожидать от посторонних людей чего-то попросту глупо. И если такие заявления в детстве приходилось терпеть, то сейчас я уже выросла, а потому, холодно глядя свахе в лицо, процедила:

– Я выступила ровно настолько эмоционально, насколько посчитала нужным, госпожа сваха. И еще: вашей личной фавориткой становиться не собиралась вовсе.

Камеры уже отключили, и журналисты сто раз пожалели, что сделали это. Лицо Клариссы сменило цвет с землистого на багровый, и сваха, что-то тихо пробурчав, удалилась, от обуревавших ее чувств не придумав, что ответить.

– Не боишься, что следующей из отбора выгонят тебя? – тихо поинтересовалась Мирана, встав рядом.

Я молчала, не собираясь объяснять ей, что с самого начала этого не боялась.

– Возможно, мы скоро простимся, – заявила я принцу, когда мы после обеда отправились опрашивать оставшихся жертв насилия.

Максимилиан недоверчиво на меня покосился.

– Ты подозрительно радостна, заявляя такое.

– Прости, забыла, что должна скорбеть. – Я скорчила расстроенную рожицу и дурашливо потерла глаза. – Так лучше?

– Намного, – одобрил принц. – Что случилось?

– Я перечила Клариссе.

– И это все? – хмыкнул Максимилиан. – Что ж, эта проблема легко решается: со всей ответственностью заявляю, что, пока я не дам добро, отбор ты не покинешь. По каждой конкурсантке Кларисса советуется со мной. В конце концов, не свахе жениться на той девушке, которая останется. Хотя, будь ее воля, императрицей давно стал бы кто-то

неопределенного пола, в платке, шали и обязательно маленького роста. Я так подозреваю, у Клариссы пунктик насчет этого.

Мы уже подъехали к дому четвертой жертвы, и, выходя из машины, я поинтересовалась:

– А почему отбором руководит именно она?

– Она тетка моей матери и, так сказать, семейная сваха. Когда-то это было ее хобби, теперь профессиональное занятие. Она действительно лучше всех подходит для этой должности, хотя вы, уверен, ее ненавидите.

– Ненавидим – это громкое слово, скорее, опасаемся.

Четвертая девушка оправилась намного скорее остальных. Энергичная, смешливая толстушка налила нам чай в большие кружки с изображением голубых лугов Вассы и присела рядом, теребя длинную русую косу. В целом ее рассказ повторял предыдущие, мы с принцем выслушали, и, отпив мутный напиток, явно отдающий затхлостью, я, как обычно, уточнила:

– У тебя не сложилось впечатления, что вы были не одни?

И чуть не уронила чашку, когда девушка с готовностью заявила:

– А как же, сложилось! Более того, я отлично знала, что в доме еще кто-то присутствует.

Максимилиан даже закашлялся.

– А почему ты этого раньше не говорила? – не веря в свою удачу, поинтересовалась я.

– Говорила, – удивилась девушка, причем до того натурально, что не поверить ей было нельзя. – Только не вам, а мужчине. Он меня допрашивал.

Я, нахмурившись, вспомнила: именно эту девушку допрашивал кто-то из моих коллег. В тот момент, когда ее нашли, я была на очередном занятии по повышению квалификации, организованном руководством СИБ. Кто именно не отразил в протоколе такую важную информацию, я не помнила, все данные узнала из протокола, и, как выяснилось, пострадавшая тоже была не в том состоянии, чтобы запоминать фамилию сотрудника.

– Расскажи мне об этом поподробнее, – хмуро попросила я. С Максимилианом мы переглянулись, и я едва заметно пожала плечами.

– Весь процесс был в разгаре, я кричала, отбивалась. – Девушка съежилась, и стало понятно, что все ее бравирование напускное. – И

тут мы услышали шаги. Насильник... этот Хопсвуд выругался, вскочил и убежал в другую комнату. Мне показалось, они ссорились, но прислушиваться я не стала, пока была возможность, разбила окно и быстро выскочила в него. Вот... даже шрамы остались от порезов.

– Ты совсем ничего не услышала из их разговора? – чуть ли не взмолилась я.

Девушка нахмурилась, вспоминая:

– Могу ошибаться, но один из них сказал: «Что ты творишь?» – или что-то в этом роде. Говорю же, не прислушивалась.

– И они не побежали за тобой? – уточнил Максимилиан.

– Наверное, побежали, – девушка пожала плечами. – Во всяком случае, треск позади себя слышала. Но, честно сказать, я в жизни так быстро не бегала, ни на что внимания не обращала. Мне кажется, синяки даже не насильник оставил, а ветки, сквозь которые я прорывалась... А ваш сотрудник что, не записал этого?

– Я невнимательно прочитала, – криво улыбнулась я. – Недавно работаю, простите.

– А-а-а... – Девушка недоверчиво на меня посмотрела. – Ну вначале всем тяжело, не переживайте, мне несложно повторить.

Из квартиры я вышла в смешанных чувствах и, нервничая, взяла такой быстрый темп, что Максимилиан с трудом меня догнал:

– Значит, все-таки кто-то из СИБ замешан в истории с этим насильником?

– Значит, – согласилась я. – Знать бы еще кто.

– Что может быть легче – кто составлял протокол допроса?

– Я не помню. – На улице стояла промозглая погода, и я обхватила себя руками, чтобы согреться.

Максимилиан приобнял меня, и я с удивлением на него уставилась.

– Увидел, что ты продрогла, – улыбнулся принц, но, когда мы подошли к машине, рук не убрал.

– Максимилиан... – вздохнув, начала было я.

Но принц перебил:

– Можешь называть меня Макс.

Я чуть было не застонала, а он продолжал меня добивать:

– Думаю, для тебя не секрет, что из всех невест ты вызываешь во мне наибольшую симпатию.

– Сомнительный комплимент, – криво усмехнулась я и пояснила: – Ни одной девушке не хочется понимать, что она одна из многих.

– Это очень легко исправить, – мягко сказал Максимилиан и наклонился, опять намереваясь меня поцеловать.

Я отстранилась и, упершись руками в его грудь, твердо заявила:

– Не стоит спешить. На отборе должна остаться одна, но только та девушка, которая вызовет у тебя не «наибольшую симпатию», а любовь.

В машину я садилась с такими багровыми щеками, что могла подпалить ими чехол сиденья. Старательно отводя взгляд, обещала себе, что, как только разберусь с Хопсвудом, покину отбор, раз уж существование заговора с некоторых пор представляется надуманным. Хотя чего уж тут врать самой себе: я очень боялась, что, уйдя из дворца, никогда больше не увижу Виктора, и потому придумывала себе поводы задержаться, пока есть такая возможность.

Брунису на свидание собирали сразу все невесты. Пышногрудая брюнетка порхала из одной спальни в другую, требуя помощи у каждой соперницы. Одна одолжила ей платье, другая – косметичку, третья помогла сделать прическу... У меня с Утвальд оказался один размер обуви, и она прямо-таки надела на мои нервы, требуя дать ей красные туфли, в которых я была на балу.

– На что ты потратила выделенные деньги? – устало спросила я.

Брунису всплеснула руками:

– В магазине один ширпотреб, выбора совершенно никакого!

– Не тарахти, – поморщилась я. – Всех невест отправляли в одни и те же магазины, так что такие точно туфли ты могла купить.

– Я их не видела, честно! Вам, наверное, продавцы из-под полы вещи продают б/у, или как это называется. У меня все платья эксклюзивные, но такого, как у Кесалии, нет! И туфель, как у тебя, тоже.

– Придется тебе идти в своей эксклюзивной обуви, – отрезала я. – А бэушные лодочки оставь мне.

Уговорам Брунису я так и не поддавалась – привычка обмениваться одеждой и обувью мне с самого детства не импонировала. Около семи

часов за Вудтир и Брунисой зашел охранник, и девушки, сияя белозубыми улыбками, уплыли вслед за ним.

– Вудтир станет императрицей, – завистливо вздохнула Мирана, когда часом позже пришла ко мне. В руке девушка держала бутылку лимонада и два бокала. Мне все больше и больше хотелось поинтересоваться, как часто до отбора Мирана употребляла алкоголь, такая заместительная терапия навевала определенные мысли. – Уже второе свидание. Где это видано, если я с принцем еще ни разу не оставалась наедине.

Я изучала ноты нового произведения, которые мне принесла горничная, и потому достаточно равнодушно пожала плечами:

– Значит, ее посчитали достойной этого второго свидания. Не переживай, уверена, скоро и тебе удача улыбнется.

Мирана недовольно упала на подушки, коих на моей кровати лежало множество, и передразнила:

– Посчитали достойной. Не выдумывай, пожалуйста, разве ты не заметила, как Жарро лобызался с Вудтир при встрече? Они знакомы, вот ведущий и выдвинул свою подружку в качестве кандидатуры на свидание с принцем.

Я проследила за тем, как Мирана наливает в бокал напиток и залпом его выпивает. С подозрением приняхавшись, отложила ноты и подошла к кровати:

– Дай бутылку.

– Зачем это? – заволновалась Мирана. – Не дам.

– Это алкоголь, что ли? – не поверила я.

Глаза рыжей забегали:

– Да какой алкоголь, ты что?

– Тогда дай бутылку.

– Шампанское не алкоголь! Это нектар правителей Вселенной.

Я закатила глаза. Моральный облик Мираны и тот бред, что она несла, не волновали меня совершенно, но распивать запрещенные напитки она пришла в мою комнату, и, естественно, нравиться мне это не могло.

– Давай вкушать эту божественную амброзию ты будешь в своей спальне! Где ты ее, кстати, взяла?

Мирана перекатилась на живот и, уткнувшись в подушку, хитро смотрела на меня одним глазом:

– Где взяла, там уже нет.

Разозлившись, я схватила бутылку, сиротливо стоящую на тумбочке, и решительно отправилась с ней в туалет. Мирану это не испугало. Она перевернулась на спину и забросила руки за голову, рассматривая полог над кроватью.

Вылив шампанское в унитаз, я вернулась в спальню и протянула бутылку Миране.

– Зачем она мне? – фыркнула девушка.

– Мне она тоже ни к чему! Забирай и избавляйся от нее как хочешь, но в моем мусорном ведре она лежать не должна! Горничные, выбрасывая мусор, в нарушении режима заподозрят именно меня.

Что-то недовольно пробурчав, Мирана забрала бутылку, и тут в дверь постучали.

– Это кто? – испугалась Мирана и принялась зарывать улики своего грехопадения в подушки.

– Не знаю, – прошипела я. Хотя сознание мое рисовало картины одна страшнее другой. Это могла быть и Кларисса, как ищейка, явившаяся на запах алкоголя, а мог быть и Виктор, видеть которого в моей спальне Миране вовсе ни к чему. И неизвестно, что хуже.

– Как ты думаешь, у меня возьмут кровь на анализы? – шепотом завывала рыжая нарушительница.

Я шикнула на нее и с самой широкой улыбкой, какая имелась в моем арсенале, открыла дверь. Все мои догадки оказались неверны – в дверях, держа руки за спиной, стоял Велаш. Мирана, завидев начальника охраны, отчетливо икнула и упала в подушки, подозревая, решив, что Велаш явился по ее душу. Но я отлично понимала, кто из нас мог заинтересовать начальника охраны, вот только по какому именно поводу?

– Добрый вечер. – Велаш был серьезен, но входить не собирался, а когда заметил любопытную физиономию Мираны, и вовсе кивнул, предлагая мне покинуть комнату.

Дверь я закрывала, с трудом сдерживая дрожь:

– Что-то случилось?

– Да. – Короткий ответ начальника охраны заставил меня задрожать. – Его величество распорядился взять вас на задержание. Пройдемте.

Я быстро потрусила за Велашем, начиная кое-что понимать:

– Вы собираетесь арестовать министра Шоки?

– Он уже арестован, – лениво ответил начальник охраны, всем своим видом демонстрируя, что большой охоты разговаривать со мной у него нет.

– Уже? Значит, вы выяснили, кто его сообщница? Это невеста?

– Да и да.

Я беспомощно оглянулась:

– Но почему мы тогда уходим от галереи спален?

Велаш тяжело вздохнул и ускорил шаг. У меня появилось стойкое желание поинтересоваться, женат ли он, и если не женат (что с таким противным характером закономерно), то откуда у него взялась такая аллергия на женские вопросы.

Мы двигались к правому крылу. Но, достигнув его, свернули и спустились в парк. Недалеко от крыльца, покрытого черно-белой плиткой, с перилами, увитыми плющом бордового цвета, стояла аккуратная застекленная беседка, охраняли которую уже знакомые мне братья-охранники. Завидев нас, они напряглись, и один из братьев заступил Велашу дорогу. Меня это несколько удивило, значит, троица клонов подчиняется непосредственно Максимилиану?

– Его высочество занят.

– Я знаю, – с достоинством кивнул Велаш. – Но с ним сейчас находится преступница.

Братья переглянулись.

– Доказательства?

– В настоящий момент ее сообщника допрашивают, но у меня есть распоряжение регента.

Охранник протянул руку и, получив документ, быстро пробежал его глазами:

– В таком случае простите за задержку, проходите.

– А девушка? – спросил другой охранник, который документ не читал и вообще старательно делал вид, что меня не знает.

– В распоряжении его величества она указана, пропустите, – кивнул старший брат и отошел в сторону, освобождая дорогу.

– Мне понадобится ваша помощь, – уточнил Велаш. – Преступница может заартачиться и добровольно со мной не пойдет.

Велаш распахнул дверь с матовым стеклом. Мы явились с целью расстроить романтический ужин, и ничего, что рассчитан он был на

троих. Когда речь идет о принце, некоторые девушки согласны испытывать и большие неудобства.

Максимилиан полулежал на мягком диване, слева к нему прижималась Бруниса, а напротив, слащаво улыбаясь, сидела Вудтир. Рубашка у принца была расстегнута до середины груди, а мутный взгляд демонстрировал легкую степень опьянения. Мне отчего-то стало обидно: этот же мужчина сегодня пытался меня поцеловать, уверял, что я хоть завтра останусь одна на отборе, а сам... Я покачала головой, злясь на саму себя – принц мне ничем не обязан, сама его отвергла, бегала на свидания с регентом и смею испытывать какую-то досаду? Нет уж. Честной нужно быть хотя бы с собой – на ревность я права не имею.

– Велаш? Рэя? – Максимилиан привстал, сбрасывая со своего бедра руку Брунисы. – Что происходит?

– Ваше высочество, – Велаш коротко поклонился и повернулся к Вудтир, явно не подозревающей, что явились мы по ее душу. – Вудтир Гвинон, вы арестованы.

## Глава 12

Вудтир Гвинон никогда не страдала от отсутствия мужского внимания. Красивая эффектная девушка, которая знает себе цену. Главным образом из-за того, что пользовалась популярностью. Успешные, состоятельные мужчины платили за то, чтобы Вудтир была рядом. Платили не деньгами, а подарками: драгоценностями, автомобилями, связями... Когда ей захотелось попасть в модельный бизнес, очередной ее любовник помог получить контракт с ведущим домом моды империи. Когда Вудтир пожелала заняться благотворительностью, один из ее поклонников организовал фонд помощи больным сусликам Хестории. Где находится Хестория, равно как и водятся ли там суслики, никто не знал, но люди исправно перечисляли деньги. Стоит сказать, что за махинации с бюджетом этого фонда любовник Вудтир и сел в тюрьму на долгие-долгие годы. С каждым разом финансовый уровень стоящего рядом с ней мужчины рос, на ступеньку ниже Вудтир никогда не опускалась. Не знаю, как и где познакомилась модель с министром сельского хозяйства (возможно, любовники передавали ее словно эстафету), но в определенный момент девушка поняла, что следующий этап ее развития – это титул императрицы, а у Шоки есть все возможности ей помочь.

Итак, после допроса вначале министра, а затем его протеже выяснилось, что люди с оружием, которые протягивали нам руки на дорожке у дворца в первый день отбора, были наняты Шоки, чтобы устранить как можно больше соперниц Вудтир. Сам министр понимал глупость сего действия, но, как он утверждал, сознание ему затуманила любовь. Велаш же объяснял произошедшее намного прозаичнее – ушлый министр в будущем надеялся иметь влияние на императрицу, а уж в том, что Вудтир удастся победить в отборе, он был уверен.

Вудтир и Шоки заключили под стражу, в дальнейшем им собирались предъявить обвинения в приготовлении к убийству двух или более лиц, а также в причинении средней тяжести вреда здоровью. Хотя уверена, Питта Варс, которая из-за инсинуаций Вудтир лишилась

права участвовать в отборе, готова была, не дожидаясь суда, самостоятельно придушить модель.

На допросе Вудтир полностью подтвердила слова Шоки и признала свою вину. Мы с принцем и Брунисой слушали признание Гвинон, сидя в соседней комнате и следя за происходящим через большое стекло, затемненное с одной стороны. По-хорошему, Брунису не полагалось при этом присутствовать, для расследования, как некоторые, она не сделала ровным счетом ничего, но оставлять ее в беседке, в то время как охранники сопровождали задержанную и принца, было как-то глупо. К тому же Велаш не хотел демонстрировать мою причастность перед одной из невест, распоряжение регента ей, разумеется, не показывали, и поэтому должностные лица всячески подчеркивали, что нас не замечают.

По окончании допроса Максимилиан потер виски и устало заметил:

– Свидание явно не удалось.

– Да уж, – процедила Бруниса и с ненавистью на меня взглянула. Я сделала вид, что ничего не заметила. – Но я, ваше высочество, согласна его повторить.

– Да-да, обязательно, – невнимательно ответил принц, причем таким тоном, что лично мне сразу стало понятно, что второго свидания Брунису не видать. – Рэйя, как ты вообще оказалась в беседке?

Я быстро прикинула варианты и мысленно извинилась перед Велашем:

– Вы, ваше высочество, наверное, забыли, что я старший сержант СИБ. Задержание преступников – моя непосредственная обязанность.

Максимилиан постарался заглянуть мне в глаза:

– Рэйя, мы же перешли на ты...

Во взгляде Бруниси легко читалось бешенство, демонстрирующее, что у нее с принцем такого прогресса в отношениях не намечилось, а также обещающее, что еще одним покушением на отборе станет больше.

Я пожала плечами, не собираясь отвечать. Принц как мужчина был мне неинтересен, все мои мысли занимал его дядя, но уязвленное самолюбие жгло каленым железом и не позволяло вести себя равнодушно. Максимилиан подошел ближе и осторожно взял меня за руку. Я раздраженно уставилась на его ладонь.

– Рэя, в чем я виноват? Я предлагал оставить тебя на отборе одну! Не заметил что-то в твоих глазах особого восторга.

Громкое сопение Бруниси явно демонстрировало, что она все слышит. Я криво улыбнулась:

– Не жалею, что не ответила согласием на ваше предложение, ваше высочество! Если бы я согласилась, а потом застала вас в объятиях другой девушки, было бы на порядок неприятнее. Как так получилось, что с вами не было журналистов?

Максимилиан покосился на Брунису, но вздохнул и ответил, внимательно рассматривая пол:

– Уговорил дядю позволить мне... немного развеяться...

Я так и замерла с открытым ртом, внезапно осознав роль, которую в вечернем представлении сыграл Виктор. Я-то, глупая, думала, что он Велаша в моей компании на задержание отправил, желая сделать мне приятное, а регент, оказывается, соперника таким образом устранил, догадываясь, чем может Максимилиан заниматься в компании двух девушек.

– Все нормально? – заволновался принц. Видимо, мое лицо с низошедшим на него озарением и бешено вращающимися глазами спокойно лицезреть было нелегко.

– Более чем. – Я взяла себя в руки. – Меня могут проводить в спальню?

– Я провожу, – шагнул вперед Максимилиан, вызвав у меня недовольную гримасу, и кивнул охраннику: – Проводите вторую девушку, э-э-э... Брунису?

Как Бруниси его не ударила, не знаю. Мы все направились в галерею спален, являя собой забавное зрелище: впереди я и Максимилиан, причем я так спешу, что постоянно вырываюсь на шаг вперед, а позади, на расстоянии шагов десяти, Бруниси и братья-охранники.

– Мы увидимся завтра? – безуспешно пытаюсь заглянуть мне в лицо, спросил принц. От злости я даже усталости не чувствовала, хотя по длинным коридорам практически бежала.

– Это вы решаете, явитесь ли на завтрак или нет, ваше высочество.

– Да что ты заладила: высочество да высочество... Я имею в виду расследование – мы же еще не выяснили, кто допрашивал эту девушку,

да и с последней жертвой поговорить надо.

– Надо же, – искренне поразила я. – Мы не выяснили... Нет, ваше высочество, завтра мы сделаем перерыв. – Максимилиан так взглянул на меня, что я устыдилась и добавила: – Необходимо все обдумать.

У дверей своей комнаты я холодно попрощалась с принцем и решительно отвергла его попытку меня обнять. Брунису в этот момент нетерпеливо подпрыгивала позади нас, но я, когда закрывала за собой дверь, заметила, что ее сексуально-манящую позу Максимилиан проигнорировал и умчался, буркнув что-то на прощание. Так что, когда я услышала требовательный стук в дверь, даже не удивилась.

– Чего тебе? – устало спросила я.

Если опустить непечатные выражения и жесты, которые, наверное, все знают, смысл претензий, предъявляемых Брунисой, был таков:

– Ты мне свидание испортила, никогда тебе не прощу, дрянь!

Кстати, слово «дрянь» она не использовала. Ее запас матерных слов был намного больше и насыщеннее того, что я могла себе вообразить и запомнить, поэтому пришлось подобрать слово, близко подходящее по смыслу.

– Все сказала? – уточнила я. – А теперь иди к себе в спальню, иначе я скажу принцу, что твоя персона напоминает мне о его предательстве, и, если он хочет помириться, пусть выгонит тебя с отбора.

Брунису отшатнулась и с непонятно откуда взявшейся проницательностью прошипела:

– Не знаю, что ты замышляешь, но он тебе не нужен!

– Я предупредила, – напомнила я. – Не уппусти своего шанса доказать его высочеству, что он нужен тебе.

Без особого удовольствия понаблюдав за тем, как поверженным врагом Брунису удалилась в свою спальню, я закрыла дверь и устало прислонилась головой к стене.

А наутро разгорелся скандал. Журналистам еще ночью объявили об аресте невесты Гвинон, и, естественно, они жаждали подробностей. А так как ни принц, ни Велаш их раскрыть не стремились, они направили все свое внимание на Брунису. Утвальд это очень понравилось – она добрых два часа рассказывала о том, как уводили

Вудтир, что она при этом чувствовала и как помогала в расследовании, а в конце настолько увлеклась, что в порыве вдохновения ляпнула, что переспала с принцем. Когда и как это могло произойти, если в беседе они были с Вудтир, а после на допросе – в сопровождении охранников (о моем присутствии Бруниса не распространялась, за что я ей была безмерно благодарна), новоявленная любовница его высочества не сказала, но журналистам уже бросили кость, и они ее с удовольствием смаковали. Невесты нервничали: вроде бы Брунисе не верили, но все же ее слова вызвали волнение: а если правда? Кларисса бледнела, краснела, порывалась упасть в обморок и с трудом переносила вопросы, которые ей как представительнице императорской семьи принялись задавать журналисты. Один наиболее активный репортер умудрился заявить, что Максимилиан теперь, как честный человек, обязан на Брунисе жениться. И вот тогда сваха взорвалась:

– А на трон ее не посадить, нет?! И заодно всех девиц, с которыми его высочество до двадцати пяти лет встречался и которых вы каждую неделю с удовольствием обсуждали? Это происшествие неприятно, да, но не стоит придавать такое значение всяким интрижкам, к тому же еще неизвестно, правдивы они или нет!

Уже к обеду вызвали Максимилиана, которого известие о собственном грехопадении безумно развеселило. Отсмеявшись и ничего не объяснив журналистам, он повернулся к Брунисе и спокойно спросил:

– Все действительно было так, как ты говоришь?

Бруниса подбоченилась, на лице ее с минуту была написана тяжелая работа мысли, как видно, девица прикидывала выгоды, которые ей мог принести тот или иной ответ, но солгать все-таки побоялась, опустила голову и еле слышно прошептала:

– Нет... У нас ничего не было.

– Вот видите, – развел руками принц. – Извините, понимаю, что многих ожиданий не оправдал, но с этой девушкой переспать мне не пришлось. И уже не придется. Э-э-э, Бруниса? Вы покидаете отбор.

Честно сказать, до того момента, как Бруниса покинула дворец, я из спальни не выходила, игнорируя напоминания девушек об очереди поговорить по телефону. У меня зрела уверенность, что при встрече с ней драки не избежать, а накалять обстановку не хотелось. В реакции охраны я сомневалась, а самостоятельно наносить брюнетке телесные

повреждения, из-за которых меня вслед за ней выгонят из дворца, не собиралась. Вот и оставалось совершенствовать навыки игры на скрипке.

– Можешь выходить, – едко сказала Мирана, застыв в дверях и сложив руки на груди. – Бруниси уехала.

– Спасибо, – кивнула я, но скрипку не убрала, надеясь, что рыжая поймет, что я занята, и уберется восвояси.

Но Мирана намекам не внимала, прошла в комнату и присела напротив меня на кресло:

– Ты ее боишься, что ли?

Я насмешливо закатила глаза. Что-то объяснять, оправдывая себя, не собиралась и поэтому ответила:

– Очень боюсь. Бруниси крупнее меня, в три раза злее, как итог – мне может быть очень больно. Все? Вопрос исчерпан?

– Почему вы поругались? – Мирана, хитро прищурившись, взяла со столика яблоко и принялась вертеть его в руках. Невесты не знали, что я присутствовала при задержании Вудтир. Велаш даже журналистам этого не говорил, а Бруниси тем более молчала, не желая акцентировать внимание на моем участии в их свидании. – Еще вчера она и слова плохого про тебя не говорила, даже после того, как ты ей туфли не дала, а сегодня проклинала и готова была убить.

– Значит, все-таки говорила, раз про мой отказ дать ей эти туфли ты знаешь, – пожалала я плечами и, поняв, что помузицировать не удастся, принялась собирать ноты в папку.

– Ходят слухи, что это ты предложила принцу выгнать Брунису.

– От кого они пошли?

– Это неважно, но я с ними согласна. И со слухами, и с теми, кто их распространяет.

– А-а, так, значит, выгнали ее не из-за того, что она взялась сочинять небылицы о его высочестве, а исключительно по моей наводке? Мирана, давай говорить серьезно: ты действительно считаешь, что слова о том, что она спала с Максимилианом, вложила в ее голову я? Или что принц после такой возмутительной клеветы должен был махнуть рукой и сказать: «Да ладно, Брун, со всеми бывает, оставайся. Немного поспешила – мы завтра с тобой обязательно переспим».

– Не так, – расхохоталась Мирана. – Скорее: «Э-э-э, Бруниса? Пойдем с тобой переспим сейчас, чтоб тебя во лжи нельзя было обвинить».

Я немного успокоилась:

– Вот видишь...

– Но что-то же произошло? Почему она ополчилась не на меня, не на Ильфеину, а на тебя?

– Ты меня бесишь, – честно ответила я. – И если сейчас же не уберешься, между нами сложится точно такая же ситуация, как и с Брунисой. Что за привычка ходить и все выпрашивать?

– Сущность у меня такая, – вздохнула Мирана, но к двери все же направилась. – Любознательная.

«Конечно, – фыркнула я, правда, мысленно. – Любопытная сплетница – определение более точное».

Я заспешила к телефону. Девушки, уже отчаявшиеся ждать, но не желающие нарушать договоренность первыми, выглядывали из своих дверей, и при виде меня с облегчением, щедро приправленным недовольством, вздохнули. Я сделала вид, что ничего не заметила, и набрала номер Ирека.

– Наконец-то. Я уж начал волноваться, – обрадовался сослуживец.

– Тебе не угодишь, – шутливо проворчала я. – Звоню – ты недоволен, не звоню – опять недоволен.

– Кабы ты звонила не по делу, ждал бы каждого звонка, как зарплаты, – заверил Ирек.

– А зачем же тогда?

– Например, продиктовать номер телефона невест, которых выгнали, твой коллега до сих пор не женат, если ты помнишь... Или рассказать факты, за которые журналисты отваят кучу денег, ну ты понимаешь.

– А можно одним звонком убить двух зайцев, – подхватила я. – За номера телефонов самых красивых девушек империи тоже могут заплатить.

– Да не думаю, что много. – Ирек задумался. – Все ж таки из дворца, по мнению многих, отправляют некондицию...

– Не разбрасывайся словами, – предупредила я. – Скоро, возможно, подобная некондиция будет опять работать с тобой рядом. Но вообще ты прав, я звоню по делу.

– Кто бы сомневался...

– В деле, которое меня очень интересует... Не злись, это быстро... Так вот, в этом деле посмотри протокол допроса Якколы Уви, это одна из жертв, и скажи мне, кто его составлял.

В Иреке я была уверена главным образом из-за того, что на курсы повышения квалификации мы ездили вместе и допрашивать девушку он никак не мог. В трубке слышала тяжелое сопение сослуживца и шум, с которым он открывал сейф, доставал папку и листал страницы.

– Не может быть, – ахнул вдруг Ирек, а я напряглась.

– Что такое?

– Этого протокола нет!

Я чуть не села, но вовремя вспомнила, что стул возле телефона никто поставить не удосужился.

– Ты же уверял, что пропали только справки! – Тишина в трубке дала мне повод заподозрить, что никто тщательно дело не проверял. – Или ты сам не знаешь?

– Рэя, я пролистал папку, но не проверять же мне по описи все страницы...

– Вообще-то именно так ты и должен был сделать! – зарычала я. – Иди к капитану!

Ирек так громко сопел, что, казалось, в отделение СИБ начался ураган.

– Ты слышишь?

– Я, Рэйчка, с работой попрощаться не хочу. Сегодня же заеду к этой девушке и запишу ее показания. Никто и не узнает, что они другие. Дату напишу, которая в описи стоит.

– Это подделка документов!

– Пока-пока, Рэя, – быстро закончил Ирек и положил трубку.

Услышав гудки, я едва сдержала желание закричать и разбить телефон. Ругалась я на Ирека зря, что-то подсказывало мне, что протокол исчез гораздо позднее первых документов, а значит, мои телодвижения, направленные на дополнительное расследование, не остались без внимания. Это наводило на определенные мысли, и, немного поразмыслив, я сделала некоторые выводы и наметила дальнейшие действия. Прежде всего нужно было отыскать Виктора.

Отправляться к нему посреди белого дня было рискованно, и поэтому пришлось облачиться в наряд горничной, заботливо

припрятанный мной после той памятной прогулки. Видно, я настолько вжилась в роль, что даже Кесалия прошла рядом со мной в коридоре и совершенно не обратила внимания. Хотя наряд и был уже опробован, все равно я немного нервничала, а такой успех обрадовал и успокоил. Но когда я, пряча лицо от каждой горничной, добралась до кабинета Виктора, то чуть не расплакалась от досады – дверь была закрыта. Что же делать? Я погуляла по коридору, надеясь, что сейчас он выйдет из соседнего кабинета, но нет. Судьба будто бы издевалась, решив, что хватит с меня удачи. Подтверждая мои мысли, с лестницы послышались мужской кашель и быстрые шаги. Я заметалась по коридору – мужчина был один, но что, если это не Виктор? Как я тогда буду выглядеть? Надо было хотя бы тряпку взять стены протирать. И тут меня осенило: я, как могла, бесшумно бросилась в туалет. В отделении СИБ, да и во всех общественных местах, в которых мне приходилось бывать, уборщицы оставляли свое добро – ведро и тряпки – в туалете, но, по-видимому, во дворце таких порядков не было. Я заметалась по небольшому помещению, стены которого были обложены молочного цвета плиткой с замысловатыми рисунками, но мне до его красоты не было дела, судя по шагам, мужчину интересовала именно та комната, в которой я пыталась скрыться. Проблема была в том, что, помимо кабинки, умывальника и зеркала, в туалете больше ничего не было. В кабинке спрятаться было нельзя – вряд ли мужчина спешит просто посмотреть на свое отражение, и потому я отвернулась к раковине, делая вид, что мою руки.

Дверь хлопнула. Я пониже опустила голову, пряча лицо. На двери не было таблички, указывающей, что туалет мужской, но присутствие горничной в уборной, которой обычно пользовались отнюдь не слуги, вполне могло кого-то смутить, а с другой стороны, что уж теперь – приспичило, значит, раз я в господский туалет зашла.

Мужчина уже прошел к кабинке, как дернула меня нечистая поднять голову и посмотреть в зеркало, висящее над раковиной. Увидев, кем является мужчина, я похолодела: уже взявшись за ручку кабинки, стоял Велаш. А хуже всего было то, что именно в этот момент в зеркало посмотрел и он и мое лицо, безусловно, разглядел.

– Адальстан? – не поверил он своим глазам. Схватил меня за плечи и повернул, вглядываясь в лицо.

– Велаш Бруни? – скопировала я его интонацию и точно так же выпучила глаза.

– Что ты здесь делаешь? – Он вполне ощутимо меня тряхнул. – Да еще в таком виде!

Мысли мои метались словно обезумевшие. Но, наверное, стрессовая ситуация и адреналин сыграли свою роль, потому что я внезапно успокоилась, поняв, как нужно себя вести. Надменно приподняла брови и уверенно заявила:

– Собираю информацию.

– Какую информацию? Ты с ума сошла?

– А вы думали, откуда у регента появились сведения об участии Марио Шоки и Вудтир Гвинон в покушении на невест?

– Что? – То ли начальник охраны притворялся, то ли и правда медленно соображал, но плечи мои на всякий случай отпустил.

Я демонстративно потерла их и пояснила:

– О заговоре министра и невесты его величеству сказала я. И он просил и в дальнейшем оказывать посильную помощь следствию, если уж ваши охранники не справляются.

Велаш еще больше выпучил глаза и приоткрыл рот.

– Позвольте-ка, – наконец пришел в себя он. – О заговоре понятно, что-то такое я подозревал, когда на задержание мне приказали взять вас. Но что вы делаете здесь и сейчас, и к тому же в таком виде?!

– Так по дворцу мне свободно передвигаться нельзя! Вот и приходится изображать горничную, чтобы кое-что рассказать его величеству.

– Что именно?

– Вроде бы в моих словах ваше имя не фигурировало, – удивилась я. – Так с чего вы взяли, что я скажу вам причину, по которой разыскиваю регента?

Велаш немного подумал, сверля меня глазами:

– И Виктор сможет подтвердить ваши слова?

– Разумеется, – я презрительно фыркнула. – Можете у него спросить.

– Обязательно спрошу, – заверил начальник охраны и опять схватил меня за плечо, правда, теперь гораздо нежнее. – Пойдем.

Я покорно двинулась следом за начальником охраны, надеясь, что Клариссу или Максимилиана мы по пути не встретим. Вряд ли сваху

мое объяснение удовлетворит, скорее всего вылечу я из дворца пробкой. Я и так и сяк размышляла об этом, а к концу нашего шествия с Велашем, которое более всего походило на волочение, решила, что не так уж это и страшно. В конце концов, на Хопсвуда можно найти управу; расследование будет удобнее проводить, находясь за пределами дворца; роль ночной нимфы оказалась не столь грандиозной, как я предполагала, а о заговоре уже и речь не идет. Только вот Виктор...

Велаш привел меня к огромным двустворчатым дверям, по краю обрамленным вязью из черненого золота, и нерешительно постучал. Ответил нам вопреки моим ожиданиям не Виктор, а женский голос. Я сразу же напряглась: богатство, которое прямо-таки дышало из-за дверей, навевало на мысли, что мы перед официальным кабинетом регента, но женщина в нем заставляла меня придумывать различные способы убийства наглого изменника. Правда, когда мы открыли дверь и вошли, за свои мысли мне стало стыдно. Перед кабинетом Виктора имелась приемная, хозяйкой которой была небольшая сухонькая старушка в очках, подслеповато щурившаяся, разглядывая нас.

– Велаш, – неожиданно чистым и звонким голосом сказала она. – Его величество занят, просил не беспокоить.

Начальник охраны тут же отпустил мою руку и, достав из внутреннего кармана пиджака сверток, положил его на стол секретарше.

– Очень надо, – серьезно сказал он. – Надеюсь, вы войдете в мое положение...

Так-так, господин Велаш, значит, взятку секретарю принесли? Ай-ай, а еще на законопослушность невест проверяли. Мне с трудом удалось сдержать смехок. К тому же к Виктору действительно нужно было попасть, так что задерживать решение деликатного вопроса между секретарем и начальником охраны не стоило.

Старушка с интересом осмотрела сверток, обнюхала (она, кстати, здорово походила на ниршефтсхуттов – они тоже любители все понюхать) и уставилась на меня.

– К тебе вопросов нет, проходи, его величество сказал пропускать тебя в любое время. – А зачем тогда взятка? – А вот насчет этой девицы распоряжений не было.

– Это свидетельница преступления, – с готовностью заявил Велаш.

Но старушка покачала головой и любовно погладила сверток:

– Ничего не знаю. Его величество очень занят.

Велаш беспомощно заскрежетал зубами, но впечатления на мирную с виду старушку не произвел.

– Может быть, договоримся?

– Да вы что? – испугалась секретарша. – Разве я дала хотя бы повод усомниться в моем профессионализме?

Меня буквально распирали смех: всемогущий Велаш, которого боялись все служащие СИБ, да и простые люди, никак не мог воздействовать на мирного вида старушку, которая сидела в приемной регента. Не понимала я и этого заискивания: мы вполне могли просто пройти несколько шагов, преодолеть приемную и войти в кабинет, но нет, начальник охраны пытался с секретарем договориться. Старушка меж тем спрятала в ящик стола сверток и сложила на коленях ручки, невинно хлопая реденькими ресничками. В общем, простояли бы мы долго, так как Велаш второго свертка с собой не захватил. Кстати, что там? Но огромная дверь опять распахнулась и явила нам высокого худощавого мужчину с зеленой растительностью на лице и одетого в длинный старомодный кафтан. Опыт работы в СИБ давал мне основание полагать, что передо мной выходец с галактики Межмирья.

– Его величество у себя? – заметно было, что мужчина очень спешил.

Старушка мазнула взглядом по его пустым рукам и заскучала:

– Запретил впускать посетителей.

Мужчина заметался, по-видимому вспомнив условия, на которых секретарша впускала в неприемный час, но, так как с собой у него ничего не было, метнулся было к недоступной двери. Казалось бы, Велаш, начальник личной императорской охраны, должен был броситься на нарушителя, задержать его, навесить оплеух... В общем, сделать все то, что в результате сделала маленькая хрупкая старушка. Секретарша метнулась наперерез мужчине так быстро, что я даже не заметила движения. Всего секунду назад она сидела за столом, и вот она уже треплет мужчину из стороны в сторону, а он зажмурился и молчит, словно бы воспринимая действия старушки как должное. Я пораженно взвизгнула – такая сила и скорость для человека, уже

заказавшего абонемент в агентстве ритуальных услуг, была, мягко сказать, сверхъестественна. Но теперь я понимала, почему секретарем работает именно эта старушка.

Мужчину, словно нашкодившего кота, секретарша выбросила за дверь и, отряхнувшись, присела обратно за стол.

– И ведь знают, что будет, а все равно прорваться пытаются, – посетовала она, заметив мой удивленный взгляд.

– Простите, – не сдержалась я. – Но как вам это удастся? Я имею в виду – такая сила, а ведь вы... – я задумалась, как бы за упоминание возраста меня не постигла та же участь, что и зеленобородого мужчину, – женщина. Такая хрупкая и миниатюрная.

Старушка зарделась: мои слова пришлись ей по вкусу, и, постукивая пальцами по крышке стола, она пояснила:

– В моем роду намешано очень много инопланетной крови: здесь и ангаррцы... – я приподняла брови: в родство малогабаритной старушки с видными ангаррцами как-то не верилось, – и ниршефтсхутты... – а вот это заметно, – и нимфы Межмирья. Вот так и получилось: размеры – как у карликов, сила и скорость – как у ангаррцев.

– А от нимф что?

– Пою я хорошо, – усмехнулась старушка. – Но эти мои способности мало кого интересуют. Но хорошо, вижу, что вы уже заждались, – можете войти.

Велаш восторженно, но, не задавая вопросов, ринулся к кабинету. На входе я обернулась на старушку, и она заговорщически мне подмигнула.

Виктор сидел, уткнувшись в какие-то документы. Когда дверь открылась, он без удовольствия взглянул на Велаша, перевел взгляд на меня и нахмурился.

– Что происходит? – резко спросил регент, и от окрика его Велаш остановился у самых дверей. Надо же, начальник охраны боится своего непосредственного начальника почти так же, как и его секретаря.

– Я застал эту невесту возле вашего первого кабинета, – почтительно поклонившись, пояснил Велаш. – Да еще и в таком виде. Девушка, ваше величество, утверждает, что вы разрешили ей, переодевшись в горничную, шнырять по дворцу!

По тону начальника охраны всем присутствующим было понятно, что словам моим он ни на каплю не поверил и теперь ожидал подтверждения своих подозрений. Тем более было очевидным его недовольство, когда Виктор, расслабленно откинувшись на спинку кресла, кивнул:

– Правильно утверждает, потому что я и в самом деле ей это разрешил. Причем лично я и предоставил ей этот наряд, настолько вас возмущивший.

– Но почему?!

– Невеста Адальстан внесла значительный вклад в раскрытие преступления, которое под вашим носом совершил министр сельского хозяйства. Поэтому я посчитал нужным еще немного помочь вам. Кстати, эта девушка не в первый раз беспрепятственно гуляет по дворцу, переодевшись в горничную, и – внимание – вопрос: куда смотрит охрана? За что они получают жалованье? И за что получает жалованье их непосредственный начальник?

Виктор не кричал, но от его слов Велаш сжимался и будто бы становился меньше ростом.

– Я понимаю, ваше величество, виновные будут наказаны...

– Увольнение сегодняшней смены ничего не изменит, – отрезал регент. Мне даже стало неудобно, что начальника охраны отчитывают из-за меня, но Виктор был прав: расхлябанность охранников налицо. – Ступайте работать, Велаш.

Мужчина шагнул было к двери, но вдруг остановился и вопросительно взглянул на меня.

– Невеста Адальстан останется. Я собирался послать за ней, так что хорошо, что вы решили заглянуть.

Велаш, не осознав еще слов регента, дернулся было взять меня за локоть, но рука его зависла в воздухе. Он поскреб в пустоте пальцами, будто бы почесываясь, и сконфуженно попрощался.

Виктор с осуждением покачал головой:

– Рэяя, ты специально ищешь неприятностей, разгуливая по дворцу? Или все же решила покинуть отбор?

– Ни то и ни другое. – Я стянула с головы косынку и подошла к столу. Его величество сидел в глубоком кресле из черной кожи и с интересом наблюдал за мной. – Мне нужно поговорить с тобой.

– Что-то важное? – Виктор притянул меня и усадил к себе на колени. С удовольствием обняв его, я зарылась пальцами в темные волосы, испещренные серебряными нитями, и серьезно сказала:

– Даже не знаю. Как считаешь, то, что ты подставил принца, достаточно серьезный повод для разговора?

Виктор удивленно приподнял брови:

– Подставил? Объяснишь?

Говорил спокойно, а глаза смеялись – мужчина совершенно точно знал, о чем я говорю.

– С удовольствием. Ты разрешил Максимилиану провести свидание без камер, так?

Виктор кивнул, уже не скрывая улыбки:

– Допустим.

– Следом снарядил Велаша задержать Вудтир, а зная о привычках своего племянника, приказал ему взять меня с собой. Ты знал, что я застану в беседке принца, занимающегося с невестами не совсем приличными вещами!

Регент скользнул пальцами по моей спине:

– Заниматься неприличными вещами – это как? Как мы сейчас?

Виктор хотел было меня поцеловать, но я увернулась, упираясь рукой в его грудь.

– Не меняй тему, – строго предупредила я. – Я не закончила.

– Заканчивай, – разрешил регент.

Я усмотрела в этом какой-то намек, недовольно воззрилась на него, но глаза его были чисты и, даже сказала бы, невинны. Губы Виктора меня тоже очень интересовали, и потому я постаралась донести свою мысль как можно быстрее:

– В общем, я думаю, что сделал ты это, чтобы устранить конкурента. Я должна была понять, что Максимилиан не такой уж белый и пушистый, каким хочет казаться, и мне с ним водиться не стоит. Я права?

– Конечно, – пожал плечами регент. – Только вот я его не подставлял. В стакан алкоголь не подливал и девушек на колени не усаживал, ведь так? У него была возможность в твоих глазах остаться незапятнанным. И я, кстати, тоже бы понял, что он наконец-то исправился.

Виктор осторожно поцеловал меня, и отстраняться я больше не стала. Зарылась руками в жесткие волосы и устроилась на его коленях поудобнее. Сколько времени мы провели в объятиях друг друга, не знаю, но когда я вновь обрела возможность говорить, то сразу же спросила:

– Но ты же понимаешь все последствия своего поступка?

Виктор вздохнул:

– Судя по твоим словам, не совсем.

– Совсем не понимаешь, – кровожадно резюмировала я. – С принцем я теперь продолжать расследование не могу из-за обиды, и что?

– Что?

– Значит, буду продолжать его рука об руку с тобой! Сворачивай все свои дела, и поехали, мне с последней жертвой нужно еще поговорить.

– Слушай, должны же у меня быть хоть какие-то привилегии до того момента, как я передам престол Максу, – застонал Виктор. – Давай я без суда и следствия прикажу засадить этого Хопсвуда, скажем... на всю жизнь? Или, как в стародавние времена, четвертуем его?

Я с удовольствием включилась в игру, при том что его величество в этот момент вовсю развлекался с моими волосами и нежно поглаживал шею.

– А как же уважение чести и достоинства личности? И такой принцип уголовного процесса, как осуществление правосудия только в судебном порядке? Нет уж, ваше величество, вот оставите пост правителя, ступайте на судейскую стезю, и мы с вами развернемся – я ловить мерзавцев буду, а вы засаживать на всю жизнь. А там уж и законодательную инициативу можно внести насчет четвертования.

Не выдержав, я рассмеялась. Виктор улыбнулся, но задумчиво взглянул на свой органайзер, стоящий на столе:

– Вообще-то у меня найдется пара часов, если удастся перенести кое-какие встречи.

– Так чего же мы ждем? – обрадовалась я и предприняла попытку встать с колен регента.

Меня сразу же усадили обратно:

– Не спеши. Ты должна мне кое-что пообещать.

– Что?

– Из того времени, что мне удастся освободить, полчаса как минимум ты уделишь мне!

Я быстро поцеловала его в щеку:

– Тогда тебе стоит поспешить.

## Глава 13

Виктор сделал несколько звонков. Говорил коротко и таким тоном, что спорить с ним не осмелились, и всего через десять минут мы смогли выйти из кабинета.

– Вернусь к двум часам. Закажите автомобиль к западному входу, – велел регент своей секретарше.

Старушка понятиливо кивнула и хитро на меня уставилась. Виктор правильно проследил направление взгляда и вспомнил:

– Придумайте и сообщите Клариссе достойный повод отсутствия невесты Адальстан на обеде. О моем с ней уходе, разумеется, сообщать не стоит.

– Кларисса – это сваха? – В глазах секретарши мелькнуло уважение. Оказывается, я не проворовавшаяся горничная, а невеста его высочества. Хотя вряд ли Велаш привел бы к регенту обыкновенную служанку. И если так, то за кого первоначально старушка меня приняла? И не связаны ли ее хитрые взгляды и подмигивания с первым впечатлением? Я покосилась на Виктора.

– Да, это именно она. Не забудьте позвонить мне и предупредить, что пришло вам в голову.

– Мне кажется, или она приняла меня за проститутку? – уточнила я, когда мы покинули приемную и двинулись по коридору.

– С чего ты взяла? – Виктор удивленно на меня взглянул. – Выглядишь ты не вульгарно, да и не ходят они ко мне.

– Она просто так смотрела...

Его величество покачал головой:

– Почему бы тебе не подумать, что она заметила нашу влюбленность? Вот женщины сразу подозревают самое плохое.

– А кто она, эта старушка? Я понимаю, что секретарь, но на такую должность кого попало не берут, к тому же она совершенно не похожа на блондинистую длинноногую стерву, которые обычно сидят в приемных у влиятельных людей.

– Фелисса – человек, которому я безотчетно доверяю, – серьезно ответил Виктор. – Можно не бояться, что важные сведения пойдут дальше ее маленьких ушек, а также не приходится опасаться, что,

принеся кофе, она попытается залезть ко мне в штаны. У меня были разные секретарши, и поверь, я знаю, о чем говорю.

– Как бы помягче сказать... В общем, она берет взятки за то, что пускает к тебе посетителей.

– Я знаю, – просто ответил Виктор. – И позволяю ей такие маленькие слабости. К тому же она всегда знает, кому действительно необходима аудиенция у меня, а кто просто пришел поклониться, дабы вырвать себе лучший кусок. И в том и в другом случае ей должны принести сверточек, но первым она разрешает пройти в мой кабинет в долг.

– А что в этом свертке?

– Чем, по-твоему, питаются ниршефтсхутты?

Я задумалась:

– В изоляторе временного содержания им дают только мясо.

– Правильно, но в естественной среде обитания чистокровные ниршефтсхутты живут глубоко под землей и питаются в основном дождевыми червями. В Фелиссе от карликов минимальный процент генов, но их гастрономические привычки она все-таки унаследовала. Иногда, ненадолго отвлекаясь от документов, я смотрю в окно и вижу, как в парке руководители различных ведомств ползают на коленях и выкапывают червей. Во дворце даже появился способ подзаработать – на втором этаже шныряют слуги, которые продают червей оптом. У Фелиссы только одно требование: червяки должны быть завернуты в бумагу. Стекло и пластик, видите ли, придают им неприятный запах. Порой я боюсь, что Фелисса не пустит меня в собственный кабинет и мне придется копать этих червей самостоятельно. Купить я их не смогу – горничные меня боятся и даже под пытками не признаются, что приторговывают деликатесами для карликов.

Я громко расхохоталась, представив Виктора, ползающего на коленях в грязи и хмуро посматривающего на окна собственного кабинета, но тут же посерьезнела, вспомнив еще об одном важном моменте, который хотелось бы обсудить:

– Тебе не кажется, что Велаш ведет двойную игру?

Виктор с интересом на меня взглянул:

– Смотря что ты подразумеваешь под этими словами.

– Его упущение с Вудтир... Он же проверял биографию невест: разве наличие такового множества богатых любовников, как у нее, не

навели его на определенные мысли о ненадежности этой девушки и ее жадности? Гаргис выгнали из-за наличия ребенка, разве не стоило отправить домой и Гвинон?

– Я более чем уверен, что в то время, когда личная охрана проверяла невест, к Велашу подошел Марио Шоки и предложил энную сумму в обмен на то, что некоторые факты из биографии Вудтир будут скрыты. Велаш, разумеется, не знал, что парочка совершила покушение на девушку, в ином случае он бы, безусловно, раскрыл эту интригу. В общем-то так и получилось. В пользу моей уверенности говорит то, как быстро Велашу удалось выяснить, кем же является таинственная сообщница министра, – он знал об этом, ведь министр просил только за Вудтир. Начальник охраны не ведет двойную игру – он играет только за себя, прикрывает свою собственную задницу.

– Ты не боишься, что он пойдет против императорской семьи, когда ему кто-то заплатит больше, чем платите вы?

– Нет, не боюсь. Такой проступок, как подтасовка фактов, которые все равно к концу отбора выяснились бы, по сравнению с его верностью ничто. Велаш обязан нам. Не хочу говорить, как и чем, но предавать он не станет.

Мы спустились по боковой лестнице, никого не встретив. У входа стояли два черных автомобиля и охранники, которых Виктор сразу же отпустил.

– Мы поедем одни? – поразила я. – И никаких переодеваний?

– Переодевания будут, – заверил Виктор, окликнул одного из охранников и отобрал у него солнечные очки. – Готово, можем выдвигаться.

– И где обещанное перевоплощение? – Я еще помнила маскарад Максимилиана.

– Я никогда не носил очки, – безапелляционно заявил регент.

– Но люди-то об этом не знают!

– Чего ты опасаясь? Никто, даже я сам, не знает, куда мы сейчас поедем, поэтому покушение маловероятно. Также не вижу причин меня устранять – самое большее через две недели я передам престол Максу и, надеюсь, в дальнейшем ничего общего с политикой иметь не буду.

– Ты думаешь, за такой срок принц выберет себе невесту?

– Я в этом уверен, – хмыкнул Виктор. – Мой племянник с детства очень нетерпелив и импульсивен: первая же девушка, которая поразит его воображение, и станет императрицей. Надеюсь только, что избранница его окажется достойной такого титула.

Я кашлянула, не желая упоминать, что мне-то он как раз и предлагал ею стать. Правда, было это до того, как принц решил выпить в компании раскрепощенных девиц, так что можно считать, что предложение им было сделано не всерьез.

– Слишком уж Макс хочет занять престол, – продолжил Виктор. – Считает, что им перестанут командовать. Не понимает он, что после коронации желающих поруководить станет еще больше и, если их вовремя не поставить на место, фактическим правителем может стать кто-то другой. Но надеюсь, что в принце возобладает кровь Ригаринов и опасения мои не подтвердятся, – регент мне подмигнул.

К дому пятой жертвы мы добрались в рекордно короткие сроки. Спешу заметить, произошло это из-за того, что Виктор пренебрег услугами автопомощника и за руль сел самостоятельно. Вроде бы регент не лихачил – нарушения правил я не заметила, но не было этой черепашной скорости, которая была присуща автомобилям, управляемым автопомощниками. Мы обгоняли движущийся впереди транспорт, сигналили велосипедистам, слишком уж нагло едущим по дороге, и дрифтовали на пустынных поворотах. Так что к жертве мы явились неприлично счастливые. Пришлось спешно делать серьезный, я бы даже сказала, удрученный вид и объяснять, зачем явились.

Пятая жертва была старше остальных, возраст ее приближался к сорока годам, и к происшедшему она относилась философски. Рада была, что удалось сбежать, усматривая в этом какой-то тайный смысл ее существования, и, только-только оправившись, поступила в медицинский университет, мечтая в будущем стать хирургом.

– Мое призвание – спасать жизни. Судьба вызволила меня из такой переделки, так что я должна вернуть должок, – серьезно заявила она, когда ее рассказ о злодействе Хопсвуда подошел к концу.

Печально, но ничего нового жертва рассказать не смогла. От такого заявления Виктор поперхнулся кофе, который ему заботливо сварила женщина, и с трудом откашлялся. Кстати сказать, регент остался неузнанным. Думаю, никому и в голову не могло прийти, что

его величество может свободно разгуливать по улицам, да еще и заявиться к кому-то в гости.

Стоило нам покинуть дом, Виктор привлек меня к себе и мягко промурлыкал:

– Мы очень быстро справились, не находишь? Как насчет того, чтобы уделить мне время?

– Обязательно. – Я хитро улыбнулась. – Но вначале нам нужно заглянуть в СИБ.

Виктор досадливо поморщился, но спорить не стал. Предупредил только, что в отделение заходить не будет: там его точно узнают. Такое условие меня вполне устраивало. Мы подъехали к месту моей службы, Виктор остановил машину на стоянке и спросил:

– Ты надолго?

Я прикинула:

– Минут сорок должно хватить.

– Возьми мой пиджак.

Погода была по-весеннему хорошая: выглянуло солнце, прогревая воздух, снег уже сошел, но земля еще не просохла. В платье горничной, в которое я была одета, было слишком холодно для прогулок по улице, и потому предложением регента я воспользовалась. Конечно, выглядела я немного странно, но зато точно никто во мне не узнал бы невесту его высочества, которая каждый эфир меняет наряды.

Со стоянки было два выхода: один вел прямо к ступеням здания, где располагалось отделение СИБ, а другой выводил на оживленную площадь. Уверена, Виктор заметил, что двинулась я отнюдь не в отделение, но окликать не стал. Правильно, по возвращении я собиралась все объяснить.

В Центральном районе почти все здания были высотными, но нашлись особо упрямые люди, которые с переездом и последующим сносом родного жилища мириться не собирались и оставались жить в своих одноэтажных домиках, более подходивших Клайфсбету. Вот одним из таких упрямцев и был сторож нашего отделения, который, по словам Мариссы, забрался в архив. Должность сторожа в силовой организации была номинальной. В обязанности его входило блюсти по ночам сохранность хозяйственного хранилища, причем не от кого-то, забравшегося в него извне, а от своих же. Отчего-то руководство СИБ было уверено, что в темное время суток все сотрудники желают

украсть дополнительный комплект формы или же мечтают о старой списанной мебели.

Свежеотремонтированный за счет государства дом сторожа стоял сразу за площадью – чиновники не могли допустить, что им приходится видеть из окна столь нелицеприятное зрелище, и поэтому выделили деньги на его реконструкцию. Я быстрым шагом подошла к калитке и уверенно толкнула дверь. В соответствии со временем суток сторожу полагалось отсыпаться перед сменой, и не застать его дома я не боялась. Честно говоря, как не опасалась и разбудить, уверенная, что он, как обычно, пьет. Как оказалось, я ошиблась. Полусогнутый, всегда гладко выбритый старичок с лысой, что моя коленка, головой затеял уборку. Увидев меня, он обрадовался, с готовностью отбросил полинявшую то ли от воды, то ли от старости тряпку и предложил войти. Я и вошла, с интересом оглядываясь. Чиновники навели лоск не только снаружи дома, но и внутри: везде стояла новенькая мебель и хорошая бытовая техника. Наверное, они надеялись, что таким образом старичка задобрят и он согласится переехать, но из роскоши, на которую он лично не потратил ни ригайя, сторож тем более никуда уезжать не собирался.

Старик проворно поставил на стол чашки, чай, печенье, но вопреки моим ожиданиям и его привычкам спиртного не было видно. Я с трудом припоминала, как же его зовут: вроде бы Сихал, но могла и ошибаться, поэтому решила обойтись без имени.

– Как у вас дела? – решила я начать издалека, наблюдая за тем, как сторож наливает в кружки чай. Кружки были до скрипа чистые – заслуга посудомоечной машины, подаренной чиновниками.

– Как сажа бела, – тяжело вздохнул старичок и с ненавистью взглянул на коричневый напиток. – Не пью я... – Сторож пошамкал губами. Видно, тоже мое имя не помнил, но выкрутился: – дочка.

– Давно?

Подняв глаза в потолок, сторож посчитал:

– Почитай шестой день. Да-а-а... как обвинили меня чуть ли не в воровстве, так и пить перестал...

– В воровстве? – притворно ахнула я. – Это кто ж такое посмел сделать? Вы же честный человек!

– Вот и я говорю, – ухватился за мои слова сторож. – Я сроду чужого не взял, только свое в организацию эту проклятую таскал, а

они... А ты что ж, не знаешь ничего, что ли?

– Да откуда? – загрустила я. – В отпуске уже вторую неделю.

– Дела-а-а... – протянул сторож и опять заглянул в кружку. – Под такие разговоры другой бы напиток надобно, но нет, сказал «не пью» – значит, не пью!

– Я тоже не пью, – поспешила я поддержать старичка. Не то, чего доброго, сорвется.

– Беременная, что ль, или закодированная? – поразился сторож.

Я прикинула варианты и твердо заявила:

– Закодирована.

– Жаль, – опять загрустил сторож. – Беременной чуть-чуть можно: для здоровья.

– Вам нельзя, – напомнила я. – Мы говорили о воровстве...

– Да какое там воровство, – раздраженно махнул рукой старик. – Хулиганье, видать, залезло к ним в архив и бумажки поразбрасывало, а они: это ты, Сихал, влез, там бутылка рома стояла, так украсть хотел. Что я, на запах, что ли, шел?! Откуда мне было знать про их заначки? Да и не пью я такую гадость, сам гоню!

– Вот-вот, – поддакнула я, мысленно радуясь, что память меня не подвела. – А они что говорят?

– А они говорят, что я, когда напьюсь, сам не пойму, что творю. Больше, говорят, некому, мол, ваши личные дела никому не нужны. Даже капитан приходил и мораль читал, что так нельзя, надо завязывать, иначе работы лишусь.

Сторож совсем пригорюнился и подпер подбородок кулаком:

– А куда я без работы? На пенсии скучно, с людьми не пообщаешься, не приставай же мне к прохожим...

– Да-а, ситуация, – с сочувствием протянула я. – И что вы решили?

– Да махнул рукой, сознался, меня пожурили и забыли. Но пить я завязал, а то вдруг и правда белая горячка настигла и архив я в беспамятстве громил.

Я отхлебнула чай и как бы между прочим уточнила:

– Так пропало что-нибудь в архиве?

– Да нет же, даже их бутылка проклятушая на месте осталась! Так они сказали, что я ее просто не нашел.

Мы еще немного поговорили, я придумала подходящую байку, оправдывающую свой визит, и наконец ушла. Виктор вроде бы дремал в машине, но, когда я открыла дверь, без удивления повернул голову:

– Готово?

– Еще один момент, – заверила я и, сбросив пиджак, бросилась к отделению. Но войти пришлось с заднего хода, опасаясь встретиться с многочисленными знакомыми. Им обычно пользовались гражданские сотрудники СИБ, так как в этом крыле располагались их рабочие места. Интересовала меня Марисса: именно она заведовала архивом.

Мне опять повезло: в коридоре встретился только системный администратор, но он прямо на ходу разглядывал какие-то платы и внимания на меня не обратил. Марисса в кабинете была одна и, несмотря на то что обед ее давно прошел, жевала булочку. Да о чем это я, из-за размеров этого мучного безобразия со сладкой начинкой называть его нужно не иначе как батон. Завидев меня, женщина привстала с угрожающим видом, но так спешила прожевать торопливо отхваченный кусок, что подавилась, и эпичный момент был безнадежно испорчен. Марисса повалилась на натужно заскрипевший стул и принялась так громко и по-настоящему страшно кашлять, что я испугалась даже больше, чем если бы она бросилась на меня с кулаками. Первую помощь оказывать не пришлось – Марисса достаточно быстро оправилась, и теперь ничто не мешало ей с ненавистью на меня взирать.

– Ты зачем пришла?

– Послушай, – вздохнула я, присаживаясь напротив нее на стул, – за что ты на меня злишься? Твое место я не занимала: на отбор ты и так не проходила, так может быть, не нужно этой глупой вражды?

– Я с тобой не вражду, – презрительно фыркнула Марисса, но руки ее заметно тряслись от злости, да и сама она сосредоточила в себе такой убийственный заряд негативной энергии, что отсутствие на мне повреждений удивляло. – Пришла, работать мешаешь! Чего тебе не сидится там, во дворце?!

Последние слова Марисса почти прокричала. Я испугалась, что на шум сбегутся коллеги из соседних кабинетов, и как можно миролюбивее сказала:

– Марисса, ты профессионал своего дела, и мне очень нужна твоя помощь. Обещаю, это ненадолго, через пару минут меня в твоём

кабинете уже не будет.

Делопроизводитель опять фыркнула, демонстрируя свою незаинтересованность в моих проблемах, но так как до отбора у нас были хорошие отношения, я надеялась, что ненависть ее все же напускная. К тому же в рукаве у меня были припрятаны неплохие карты.

– Если ответишь на пару моих вопросов, я достану для тебя автограф принца.

Это Мариссе понравилось. Она ненадолго задумалась, представляя, каково это – иметь подпись кумира, но решила поторговаться. Тряхнула головой и, опираясь на стол локтями, решительно заявила:

– Свидание с его высочеством, и тогда я тебе и родину продам.

– Мне родина без надобности, а автограф за небольшой вопросик – отличная цена, соглашайся.

– Когда это он будет, – скривилась Марисса. – Ты сегодня здесь, а завтра императрица, и автограф, естественно, занести забудешь.

– Точно такая же ситуация может произойти и со свиданием, – заметила я.

– Но ставки-то выше, – тяжело вздохнула Марисса и, подперев подбородок кулаком, зевнула: – Ладно, согласна я на автограф, надеюсь, не обманешь... Что там у тебя?

Я заторопилась:

– Расскажи поподробнее о том, как разгромили архив.

– Ой, да о чем там рассказывать, – махнула Марисса рукой и замолчала. Но, вспомнив, видно, об обещанном автографе, мысль начала развивать: – Сторож наш, алкаш, забрался. Давно надо было его уволить, да все жалеют проклятого. Даже после такого взашей не выгнали!

– Расскажи, как ты обнаружила разгром, – попросила я.

Марисса закатила глаза, вопреки обыкновению безмолвно выражая свое мнение насчет моей просьбы.

– Пришла утром на работу, дела текущие просмотрела, чай попила. Сделала опись поступивших документов и понесла их в архив. Открыла дверь, а там...

– Что? – прервала я затянувшуюся паузу.

– Что-что! Хаос! Катастрофа! Часть полок порушена, документы на полу валяются! Хорошо хоть белая горячка этому полоумному алкоголику не приказала их порвать. Видно, просто стряхнул папки с полок – бутылку искал.

– А почему ты вообще решила, что это сторож? Раньше за ним такого не водилось.

– А кто еще? – удивилась Марисса. – Мы с капитаном и так и этак прикидывали: сигнализация включена, дверь не взломана, ключи у него были.

– Что в итоге пропало?

– Ничего, – с готовностью отозвалась женщина.

– И ром на месте остался?

– И ром... А откуда ты про него знаешь?

– Да ты же и сказала, – отмахнулась я. – Архив покажешь?

– За архив автографа мало, – обрадовалась Марисса. Негатива в ней заметно поубавилось.

– Принц напишет еще и твое имя, – пообещала я, сама не зная, как это организовать. Если бы расследование я продолжила с Максимилианом, проблемы бы не возникло, но так как напарника я сменила...

Архивом называли небольшую комнату три на четыре метра. Высокие железные шкафы с широкими полками стояли вплотную друг к другу, разделяясь узкими проходами, в которых женщине с комплекцией Мариссы было очень некомфортно. Стопы документов были повсюду, ни в одном шкафу не осталось свободного места, пирамиды папок высились даже у стен. Помещение освещала тусклая лампа, света от которой было явно маловато. Я застыла у входа и огляделась:

– Все шкафы были порушены?

– Нет. – Марисса выглянула из-за моего плеча и указала пальцем: – Тот, что у окна, и три рядом с ним.

Окно в архиве имелось, но назначение его было не совсем понятно: искусственно затемненное, так что на помощь лампе прийти не могло, размещенное под самым потолком, из-за чего проветрить помещение также не представлялось возможным. Я подошла поближе. Под самым окном стоял не слишком высокий, но достаточно широкий

шкаф. Я взобралась на него, и оказалось, что окно теперь находится на уровне моей груди.

– Эй, что ты делаешь? – заволновалась Марисса.

Не обращая на нее внимания, я спрыгнула и попробовала шкаф толкнуть – он шатался.

– Скажи, а вы все расставили точно так же, как было до разгрома?

– Да как же еще? Здесь захочешь один шкаф переставить, придется выносить все – не развернуться же.

– А полки в какую сторону упали? В сторону двери?

– Ну да, одна на одну и повалились.

– Значит, единственным аргументом в подтверждение того, что виновник разгрома – сторож, стало то, что дверь не взломана?

– Ну да, у него же есть ключи. Ну на случай, если пожар ночью или заберется кто... Вот он и забрался. – Марисса хохотнула, радуясь такому каламбурю.

Но я оставалась серьезной:

– А к окну сигнализация подключена?

– Нет, зачем?

– Ну как раз на тот случай, если в архив решат забраться с тыла.

– Да в него не пролезет никто, оно же маленькое!

Для Мариссы размер окна и впрямь был маловат, она бы застряла уже на уровне плеч, но я вполне могла в него пролезть.

– А у вас не возникало мысли, что кто-то все-таки залез в архив через окно?

– Ты сумасшедшая, Ададьстан? – покрутила пальцем у виска Марисса. – Зачем кому-то, кроме сторожа, в архив лезть? Не пропало же ничего...

– По-твоему, выходит, что сторож зашел, побродил по архиву и, уже добравшись до окна, начал буянить? Если у него действительно белая горячка, бесчинствовать ему полагалось, начиная от двери.

– Откуда я знаю? – нахмурилась Марисса. – Я белой горячкой не страдала, может, у них периодами бешенство наступает... Не понимаю, к чему ты клонишь, окно же не разбито! Неужели кто-то снаружи открыл, влез внутрь, разгромил здесь все и ушел? Не верится как-то.

Марисса заволновалась. Думать, что в архив влез злоумышленник, ей не хотелось. Подозреваю, она переживала, что ее же и заставят

проверять, все ли на месте, но сомнения уже были посеяны.

– Смотри. – Я опять взобралась на шкаф. – Кто-то открывает окно – сделать это при нужных навыках проще простого – и, догадываясь, что окно находится под потолком, залазит в него вперед ногами. Логично же?

– Логично, – подтвердила Марисса. – Никому не захочется сломать шею.

– Снаружи на всех окнах здания есть ставни с перемычкой – ставнями никто никогда не пользовался, имелись они только для красоты, но сделаны были довольно качественно, и средний вес мужчины, наверное, выдержали бы. Рискну предположить, что этот кто-то, подтянувшись на перемычке, бросает ноги в открытое окно резким рывком, чтобы приземлиться с удобством, и вот тут он натывается на шкаф, который слишком широк для того, чтобы его можно было преодолеть, не задев. Шкаф шатается и в обычном состоянии, а если ему придать необходимое ускорение, он вполне может упасть. Падая, – я немного шкаф качнула, демонстрируя Мариссе его неустойчивость, и рукой показала траекторию его падения, – шкаф задевает соседний, так как, сама видишь, проход узкий, толкает его, тот двигает следующий и так далее – цепная реакция.

Марисса замерла с открытым ртом, а я терпеливо ждала ответа. Спустя полминуты рот с громким лязгом захлопнулся, а делопроизводитель хрипло выдала:

– В окно влез дистрофик? И своим мышинным весом смог повалить шкафы?

– Я тоже смогу в него влезть, – скромно призналась я.

– Я в общем-то так и сказала, – не стушеввалась Марисса. – Все еще не понимаю, зачем кому-то наш архив?

– Не знаю. Возможно, он не нашел того, что искал, а может быть, и нашел – сомневаюсь, что все досконально проверялось.

– Проверялось, – оскорбилась Марисса.

А я, не желая спорить, пожала плечами:

– Может быть, грохот его напугал и он сбежал? Тем же самым путем: через окно.

– Скорее всего. – Мариссе такой вариант очень понравился. – Наверное, стоит доложить капитану о твоих рассуждениях?

– Можно, конечно, – кивнула я. – Но тогда про автограф Максимилиана можешь забыть.

– Как забыть?! – взвыла оскорбленная женщина.

Я гадко улыбнулась и заверила:

– Если кто-то узнает, что я покинула дворец, с отбора меня выгонят. Как я тогда получу автограф принца? А если сохранишь мою вылазку в секрете, постараюсь добыть и его фотографию.

Идея с фото Мариссе пришлась по вкусу. Спорю, когда мы возвращались в кабинет, она представляла, как будет с ней засыпать? Но ванильные мечтания ее пришлось ненадолго прервать:

– Можно посмотреть журнал движения архивных документов?

Без особого желания мне его продемонстрировали, я открыла последнюю страницу и обнаружила запись, содержащую номер моего личного дела. Дата возврата – число, когда я разговаривала с Мариссой по телефону, но дата выдачи отчего-то отсутствовала. Человека, который возвращал мое личное дело, я отлично знала, но подозревать, что он забрался в архив, было глупо по многим причинам. К тому же подозрения о том, что кто-то влез в окно, желая добыть мои документы, ничем не подкреплялись.

– Здесь нет даты, – указала я в пустую графу. – Почему?

– Ой, ну бывает такое – брали твое личное дело, а я забыла записать. Возвращают, а отметки нет. Забегалась, работы-то навалом.

– А ты помнишь тот момент, когда брали именно эту папку? – я напряглась.

– Да конечно, – окрысилась Марисса. – Вас тут прорва ходит, никого не запоминаю, а как про тебя, звезду, заговорили, так сразу должна этот день в календаре красным отметить.

Стоит заметить, что слово «звезда» Марисса произносила исключительно противно. Вместо буквы «е» говорила «я» и вытягивала до безобразия долго. Я вздохнула. Мариссе, по-видимому, надоело быть приветливой, и она возвращалась в свое обычное состояние. К тому же, бросив быстрый взгляд на часы, я обнаружила, что уже половина второго дня, и получалось, что обещанное его величеству время я потратила, лазая по шкафам в архиве.

Когда я уже закрывала за собой дверь, покидая кабинет, Марисса вдруг меня окликнула.

– Я тебе сейчас кое-что скажу, – ворчливо сказала она, когда я недоверчиво обернулась. – Но учти, тебе никто не поверит, если ты вздумаешь кому рассказать: я болею за тебя.

– Ты о чем? – Я действительно не поняла, все мои мысли были о Викторе и моем нарушенном обещании.

– Об отборе. – Марисса нахмурилась. – Не то чтобы ты мне очень нравилась или я вдруг разлюбила Максимилиана, но все-таки ты моя знакомая, да и вообще намного лучше этих тупых куриц.

– Спасибо. – Я растроганно улыбнулась. – Я никому не скажу, не переживай.

– Иди вон, – особых переживаний на каменном лице делопроизводителя видно не было. – И когда станешь императрицей, не забудь завести фотографию своего мужа. И обязательно с автографом.

К машине я возвращалась, опасаясь не увидеть на стоянке машину. Виктор вполне мог оскорбиться долгим ожиданием и уехать, но он все так же полулежал на переднем сиденье, прикрыв глаза.

– Ты обиделся? – спросила я у него, быстро чмокнув в щеку.

– Узнала что-нибудь стоящее? – Глаза регент так и не открыл.

Я заметила, что на мой вопрос он не ответил, и хитро заявила:

– Что-то! Расскажу, если перестанешь обижаться.

– Я не обижаюсь. – Виктор повернулся на бок, наконец-то на меня посмотрел и еле заметно улыбнулся. – Это ты должна на себя обижаться, так как пропустила самое лучшее в твоей жизни свидание.

– Самое лучшее? – не поверила я. – И это бы я поняла всего за полчаса?

– Я исходил из нашей обоюдной занятости.

– Расскажешь, что придумал? – жалобно попросила я.

– Ты загоняешь меня в угол, – рассмеялся вдруг Виктор. – За то время, что сижу в машине, я только-только заказал нам ресторан. Хотел покормить тебя и немного пообщаться. И цветы туда доставили. – Виктор взглянул на часы. – Нужно заехать забрать.

Я тоже на часы посмотрела и покачала головой:

– Мы не успеем, Фелисса ждет тебя к двум часам, да и мне нужно появиться в галерее спален. В общем, будем считать, что заочно мы свидание провели. Большое спасибо за букет и за заботу.

– Подожди-ка. – В глазах Виктора заблестели игривые искорки. – Кое-что заочно я проводить не намерен.

Мужчина мягко взял в руки мое лицо и безумно нежно прикоснулся своими губами к моим.

– Надеюсь, ты простишь мне эгоистичные мысли, – едва слышно выдохнул он. – Я хоть обед и заказал, надеялся, что на него мы время терять не будем.

– Прощу, конечно, – улыбнулась я. – Потому что тоже на это надеялась.

## Глава 14

– Где ты была? – вот такими словами меня встретила Велания, когда я вернулась в галерею спален.

К дворцу мы с регентом вернулись ровно в два часа, и Виктор, поручив меня заботам охраны, спешно отправился в кабинет. На людях он вел себя отрешенно и строго, но я еще помнила, как заразительно он смеется и как нежно целуется, и потому при виде Олькутт с трудом стерла с лица счастливую улыбку.

– Ты уверена, что я должна отчитываться? – приподняла я брови и прошла мимо, направляясь к своей комнате.

– Уверена, – заявила девушка. – Мы все здесь находимся в одинаковых условиях, и то, что ты периодически куда-то уходишь, – нечестно!

– Слабый аргумент, – честно ответила я и открыла дверь в свою комнату. – Придумаешь что поинтереснее, заходи.

Закрывать дверь Велания мне не дала: втиснулась следом.

– У меня складывается впечатление, что ты не очень-то дорожишь своим статусом невесты!

– Да ты что! – ужаснулась я. – Как тебе такое в голову пришло!

Велания понаблюдала за мной, но, не обнаружив на моем лице и тени издевки, поморщилась:

– Ты ведешь нечестную игру, Рэя. Уходишь, возвращаешься, подсиживаешь некоторых из нас... Да-да, не ухмыляйся так – все знают, что Брунису принц выгнал по твоему желанию!

– Неужели? – Я закатила глаза. – По-твоему, она вела себя честно, пытаясь оболгать принца?

– Откуда тебе знать, что она сказала неправду?!

– Хм, откуда? Дай-ка подумать, может быть, она сама сказала перед камерами, что с принцем не спала?

– Но перед этим-то говорила обратное!

– Это разговор слепого с глухим, – миролюбиво сказала я, в то время как Велания все больше распалялась. – Чего ты хочешь?

– Я подозреваю, что ты нашла способ встречаться с принцем в обход камер, Клариссы и нас!

– Повторяю: чего ты хочешь? Чтобы я с тобой этим способом поделилась? Так не существует его: по работе пришлось отлучиться.

Велания не поверила. Еще некоторое время я слушала ее бредовые заявления, затем нагло зевнула и отправилась в душ. Ничуть не стесняясь, Олькутт направилась за мной в ванную комнату. Хорошо хоть в душевую кабинку не последовала. Но так как вода слишком громко шумела, да и за плотными дверцами я отдельных слов различить не могла, Велания вскоре удалилась, напоследок, подозреваю, пообещав вернуться.

Только я решила отдохнуть, а точнее, поваляться на кровати, вспоминая Виктора, как в мою комнату заявила Мирана.

– Проходной двор, – вздохнула я.

– Олькутт приходила? – понятиво усмехнулась девушка. – Этого и стоило ожидать. Когда на обед пришел Велаш и сказал, что невесту Адальстан ждать не стоит, потому что ее срочно вызвали в СИБ, она громче всех кричала, что это нечестно, ты совсем обнаглела и без внимания это оставлять нельзя.

Значит, Фелисса, для того чтобы придумать достоверную причину моего отсутствия, обратилась напрямую к Велашу. Хороший, однако, ход, а главное, для старушки наименее энергозатратный.

– Что сваха сказала?

– Ей, по-моему, еще лучше, что одной невестой стало меньше. Правда, она очень расстроилась, что это не навсегда и после обеда ты вернешься. А куда ты действительно уходила?

– На службу вызвали, тебе же сказали, – спокойно ответила я.

Зеленые глаза Мираны раздраженно блеснули:

– Можешь врать кому угодно, но не мне: на службе тебе делать нечего!

– О чем это ты? – нахмурилась я.

Мирана заволновалась. Складывалось впечатление, что эти слова вылетели помимо ее воли и теперь она лихорадочно раздумывала над тем, как оправдаться.

– Ты же на отборе, возможно, станешь императрицей, зачем держаться за свою работу? Твои сослуживцы вполне могут взять на себя часть твоих обязанностей.

– Ты зачем пришла? – Я сложила на груди руки.

Как оказалось, Мирана решила сыграть роль передатчика. За обедом было сделано важное объявление, а так как рыжая отлично понимала, что для меня информацию вряд ли станут повторять, то решила сделать это самостоятельно:

– Максимилиан выдумал новое испытание. Он хочет познакомиться с семьей каждой из невест.

– Что? – не поверила я и почувствовала, как по телу пробежали мурашки. – Он с ума сошел? Зачем это?

Мирана удивленно на меня посмотрела:

– У тебя какая-то странная реакция. По-моему, естественно, если принц и вся страна вместе с ним познакомятся с нашими родными.

– Это преждевременно, – заметила я. – Когда останется две-три финалистки, тогда да, знакомство необходимо, но нас десять! Как он собирается всем уделить необходимое количество времени?

– Две семьи в один день – вполне реально. – Мирана равнодушно пожала плечами. Конечно, ей-то чего волноваться, не она же пряталась от матери долгих пять лет. – К тому же сегодня принц идет на свидание с Кесалией, и вполне возможно, что уже завтра невест останется девять.

Девушка хихикнула, а я вдруг подумала, что Мирана чем-то неуловимо похожа на Веланию. Кесалию не воспринимали как серьезную соперницу: имеющая лишний вес, простодушная в хорошем смысле этого слова и совершенно беззлобная. Некоторые над ней подшучивали, за спиной говорили гадости, и вот сейчас я обнаружила, что Мирана, оказывается, поступает так же.

– Журналисты уже знают о предстоящих смотрах жениха, – продолжила Мирана. – И они в предвкушении. Уже завтра Кларисса скажет, семьи кого из невест принц осчастливит своим визитом в первую очередь. Надеюсь, меня оставят на закуску, чтобы было с чем сравнить.

– Хитрый ход, – удрученно вздохнула я. – Максимилиан познакомится с нашими родными, отсеет неудобных, а уж оставшихся представит своей родне.

– Они будут делать окончательный выбор?! – испугалась девушка.

– Не знаю, – разозлилась я. Новости, которые принесла Мирана, совершенно выбили меня из колеи. – Иди к себе, мне нужно подумать.

Девушка явно обиделась, но, уходя, все-таки сказала, что невестам выделили дополнительное время для телефонного разговора, дабы мы могли заранее предупредить родных. Меня это не обрадовало: встреча с матерью пугала, а уж телефонный разговор вовсе повергал в панику.

Когда за Мираной закрылась дверь, я упала на кровать и схватилась за голову, наверное, настало время отбор покинуть.

Первая паническая мысль вскоре сменилась другой: расследование не закончено, Хопсвуд на свободе, поведение Мираны наводит на размышления, и упускать ее из виду нельзя. По всему выходило, что встретиться с мамой все-таки придется. Я провела еще примерно час, уговаривая себя сделать первый шаг, и наконец отправилась к телефону. К моему превеликому сожалению, он был свободен, наверное, невесты уже донесли родным чудную весть об их скором знакомстве с принцем, и поводов отсрочить чудесный момент разговора с родными не было. Хотя я отлично понимала, что если бы мне пришлось ожидать своей очереди, не факт, что я бы вернулась к этой мысли. Вполне можно было для самой себя сочинить чудесную сказку о том, что не судьба, и так далее. Вспоминаете такие ощущения? Так вот, в этот раз мне их испытать не удалось.

Я закусила губу и с огромным сожалением набрала с детства знакомый номер. Надеюсь, что родители переехали на другую квартиру, но нет, мама никогда бы не покинула квартиру, которая когда-то принадлежала первому в истории министру искусства и которую она приобрела еще в период своей популярности. Трубку мама взяла после первого же гудка. Такое ощущение, что возле телефона и сидела.

– Аллоу... – Голос ее ничуть не изменился. Немного кокетства на случай, если на проводе поклонник, утомление – это для режиссеров, загадочность – это для тех, кто странным образом о ней еще мало знает. Присутствовали и нотки других, совершенно разных чувств, и не знаю, как они с такой виртуозностью смешивались в столь коротком слове, но тем не менее это было так: каждый, кто разговаривал с моей матерью по телефону, слышал именно те интонации, которые его интересовали.

– Добрый день, – стараясь не демонстрировать обреченности в голосе, сказала я. – Это...

– Рэя! – Голос матери сразу же приобрел командные нотки. Ни тебе «здравствуй, дочка», ни «как твои дела»! Да хотя бы дала договорить: нет же, достойно воспроизведения на свет было только то, что хотела сказать моя мать. – Ты забываешь, что у меня абсолютный слух и идеальная память: я помню твой голос.

Я закатила глаза и постаралась взять себя в руки.

– Я не забыла, но элементарные правила приличия вынуждают в начале разговора представиться.

– Элементарные правила приличия должны вынуждать тебя почаще звонить матери, – отрезала она. – Ты пять лет игнорировала меня!..

Я подумала о том, что не так уж я и боюсь Хопсвуда, да и принца вроде бы нормально охраняют.

– Устроилась на мужскую службу, забыла все, чему я тебя учила! Тебя ждали подмостки театров, концертных залов... – не прерываясь ни на секунду, продолжала мать. Я терпеливо ждала, по опыту зная, что перебивать ее бесполезно, но можно успеть вставить реплику тогда, когда она будет набирать воздух. – С моими связями тебя бы за секунду сделали знаменитой...

– Вот об этом я и хотела поговорить, – улучила я подходящий момент. – Я на отборе невест.

– Тоже мне новость. – Мама фыркнула, и опять точно ее чувство определить было невозможно. – Телевизор смотрю, тебя видела. Хоть на это твоих амбиций хватило! Но опять же: почему принц еще не у твоих ног? Почему я вынуждена смотреть, как он ходит на свидания с другими девицами, игнорируя мою дочь?!

– Переключи, – посоветовала я, но меня не услышали.

– С тем набором тупости и уродства, который имеется у каждой из так называемых невест, ты должна была сесть на престол уже на третий день отбора. Нет, я не говорю, что они совсем плохи, но ты же гораздо лучше их, Рэя! Разумеется, в этом только моя заслуга. Ты сама даже платье нормально подобрать не можешь! Вот что это за тряпье, в котором ты выходишь к завтраку? Что это за походка?

– Отставить! – рявкнула я.

Мать на секунду прервалась, но только для того, чтобы поинтересоваться:

– Это ты мне?

– Тебе. Не забывай – я теперь солдафонка и слушать тебя намерена не больше минуты. Она уже закончилась, так что теперь буду говорить я.

– Ну-ну, – ничуть не стушеввалась моя маман. – Давай послушаем, что ты там хочешь сказать.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь не сорваться, и пояснила:

– Принц намерен познакомиться с семьями конкурсанток.

– Я знаю, – не преминула вставить мама. – По телевизору объявили.

– Очень рада, что ты смотришь телевизор, – прошипела я. – Но как ты помнишь, я пока еще невеста, и его высочество заявится и к тебе тоже. Надеюсь, ты понимаешь, что на всю страну демонстрировать наши отношения не стоит?

– Какие отношения? – притворилась душой старшая Адальстан. – Я о чем-то не знаю?

– Своеобразные, – не поддалась я на провокацию. – Ты будешь вести себя прилично, постарайся не рассказывать на камеру, как я глупа, несамостоятельна и как служба в СИБ портит людей. Иначе, клянусь своей службой, я сделаю все, чтобы стать императрицей, и сразу же отправлю тебя на Вассу. Тебя там мало кто знает – фермеры не интересуются театром и светскими сплетнями. Как тебе такая перспектива?

– Да как ты можешь? – ужаснулась мама. Я знала, куда ударить, чтобы было больно. – Я всегда тебя поддерживала.

Я в который раз за разговор закатила глаза и устало сказала:

– Повторяй это почаще, чтобы поверили и принц, и журналисты. Наверное, нужно будет приготовить обед или ужин, в зависимости от того, когда будет свободен принц. Справишься?

– Справлюсь, – процедила мама. Но об этом я могла и не спрашивать – старшая Адальстан вряд ли позволит себе сплеховать перед камерами. – Когда вас ждать?

– Сама еще не знаю. Думаю, по телевизору объявят даты. Если же нет, я позвоню, когда станет известно. До встречи.

– Рэя, – вдруг сказала мать, а я замерла, надеясь, что она сейчас задаст хотя бы один вопрос, который позволит мне относиться к ней хоть немного иначе, – надеюсь, ты уже затащила этого простачка в постель?

Я выругалась вслух, уверена, заставив мою мать оскорбиться, и положила трубку. Ждать, что женщина, которую в скором времени ждет пятидесятилетний юбилей, изменилась – глупо, и я в очередной раз получила этому доказательство.

На свидание Кесалия уходила в прекрасном настроении. Одета она была в длинное платье фиалкового цвета и выглядела настоящей королевой. Но так думала только я. Как только Кесалия покинула галерею спален, невесты тут же принялись делать ставки, пытаюсь угадать, как быстро принц ее выгонит. Я с минуту понаблюдала за их весельем и спросила:

– Чем ставки принимаете?

Кризан, которая взяла на себя роль букмекера, с готовностью откликнулась:

– Косметикой, кремами, шампунем. Но обязательно новые – уже начатый неликвид не подойдет.

– На что ставят?

– Мирана и я поставили на то, что наша толстушка отправится домой через два часа свидания; Велания, Роав и Ильфеина считают, что она продержится три часа; Нирара и Кароль уверены, что не больше часа, и только Реци посчитала, что Кесалия начнет собирать вещи не раньше полуночи. К кому присоединишься?

По интонации Кризан стало понятно, что Реци она считает почти такой же глупой, как Кесалию. Что ж, стоило ее шокировать:

– Ставлю на то, что Кесалию не выгонят.

Девушки, которые рядом что-то обсуждали, замолкли; Кризан уставилась на меня с немым вопросом во взоре, и все это составляло такую забавную картину, что я не выдержала и рассмеялась.

– Я не шучу, – успокоившись, все-таки решила я внести ясность. – И действительно считаю, что Кесалия останется в отборе. Принимай ставку.

Кризан шумно сглотнула:

– Ты одна против всех. Шампуней рассчитаться хватит?

– За себя переживай, – мило улыбнулась я. – А я как-нибудь разберусь. В крайнем случае подарю вам полотенца – грязные языки вытереть.

– Вот это ты заговорила, – ядовито заметила Велания. – Учти, мне твои тряпки не нужны.

– Значит, тебе лично я добавлю и мыло, – отбрила я и, не желая продолжать этот разговор, ушла.

Не было страха, что проиграю, – в конце концов, принц оплатил мои косметические прихоти, но за Кесалию я болела искренне, и если она сегодня уйдет, то пусть узнает, что в нее кто-то верил. А уж об этом язвительная Кризан, уверена, ей сообщит с присказкой: «Не оправдала чужих надежд, ни на что не годна».

От дневного хорошего настроения не осталось и следа. Я взяла в руки скрипку, но играть не хотелось, так и сидела на кровати, положив инструмент на колени. Водоворот мыслей кружил меня, не позволяя отвлечься ни на секунду. Кто сообщник Хопсвуда? А уж в том, что он имеется, я не сомневалась. Кто проник в архив, имеет ли это отношение ко мне? У меня была неплохая версия произошедшего, но так как участвовал в ней близкий для меня сотрудник, который мог получить данные и без взлома хранилища документов, что-то не складывалось. Я прошла по комнате. Только одна из пострадавших девушек знала о сообщнике Хопсвуда, и скорее всего тот самый сообщник и допрашивал ее впоследствии, стараясь понять, сможет ли она его узнать или нет. Когда опасения его не подтвердились, он удалил из протокола все упоминания о третьем лице, а когда я начала догадываться о его существовании, украл из дела листок. Кто это может быть? Явно, что кто-то из отдела, в этом нет и тени сомнения, а если я все же посмею объединить разгром архива с этим безобразием, что творится в моем расследовании, то у меня вырисовывается и подозреваемый. В отчаянии я попыталась закрыть лицо руками, забыла про инструмент, с которым я последние пять минут носилась словно дурак со ступой, и чуть не попала в глаз смычком. Подозреваемый у меня был, но ни одной, даже косвенной улики не имелось. Более того, я пока не знала, в чем его обвинить.

Мои рассуждения повлекли за собой только один полезный вывод – нужно выяснить, кто именно допрашивал четвертую жертву. И раз уж она не помнит имени, то вполне возможно, что вспомнит, как он выглядит.

Как я и ожидала, Кесалия осталась на отборе. Перед завтраком ее обступили журналисты во главе с Яшем Орчаковским, а в кучке оставшихся невест стояла я, раздуваясь от гордости, словно в успехе Кесалии была и моя заслуга. Мирана, Реци и Нирара никак не отреагировали на весть о своем проигрыше, зато Ильфеина чуть не плакала, Велания, как и следовало ожидать, прыскала ядом, остальные девушки с такой ненавистью смотрели на меня, что я уже хотела отказаться от их косметики, которую они столь опрометчиво проиграли, но передумала после разговора с Кризан.

– Зайдешь после завтрака, – прошипела она, стараясь, чтобы ее не услышали журналисты. – Или откажешься от выигрыша, ты же у нас благородная?

В слово «благородная» Кризан вложила столько яда, что мне сразу же захотелось ее определению соответствовать, и я, улыбаясь так широко, как только умела, ответила:

– Ты знаешь, ваше барахло мне без надобности, но кто-то же должен научить вас тому, что проигрывать нужно уметь, ведь так? Раз уж ты у нас букмекер, выигрыш принесешь сама.

На завтрак явился Максимилиан. Я старательно делала вид, что взглядов его не замечаю, причем не по той причине, что обиделась (хотя он, наверное, решил именно так), а как раз напротив – злясь на себя. Будучи невестой принца, я встречаюсь с его дядей и не нахожу в себе сил сейчас покинуть отбор, а должна бы, чтобы не давать Максимилиану ложных надежд. С чего тут быть довольной и как прямо смотреть в глаза обманутому мужчине?

На свидание принц никого не пригласил, но объявил, что сегодня он посетит семью Роав Пусчи. На лице Роав сменилось как минимум три цвета: белый, багровый и какой-то зеленый – девушка явно занервничала и, еле дождавшись окончания завтрака, побежала к телефону. Ее родители увидят по телевизору, что сегодня к ним в гости заявится его высочество, но Роав хотела обрадовать их сама. Хотя я бы не обрадовалась.

– Как ты считаешь, о чем Максимилиан станет разговаривать с нашими родными? – задумчиво поинтересовалась я у Мираны, когда мы возвращались с завтрака. Принц подозрительно пристально меня разглядывал, но останавливать на радость журналистам перед камерами не стал. За это я ему была очень благодарна.

– Даже не знаю, – радостно защебетала девушка. Честно сказать, причина ее веселья была мне не совсем понятна – на свидание ее по-прежнему принц не пригласил. – Мне кажется, он обратит внимание на то, какие взаимоотношения в семье, какие у нас родители, так что, думаю, Нираре мало что светит. Куда она, кстати, собирается принца вести?

– Если бы дело было только в родителях, Нирару, после того как вскрылась правда о ее происхождении, сразу бы выгнали. А раз этого не произошло, думаю, Максимилиана она зацепила.

– Думаешь, зацепила? – ахнула Мирана.

– Конечно. – Я улыбнулась, заметив, как запаниковала рыжая. – Он с ней на серьезные темы разговаривает, не то что с нами... Ой, он же с тобой вообще еще не разговаривал, я и забыла.

Если бы Мирана могла испепелять взглядом, уверена, это свое мастерство она бы отточила на мне. Но так как, увы, таких особенностей у нее не имелось, внимания на ее раздосадованную гримасу я не обратила.

В полдень в мою комнату постучал Велаш и, только я распахнула дверь, сунул мне в руки конверт.

– От кого это? – растерялась я, от неожиданности забыв поздороваться. Но сокрушаться по этому поводу смысла не было – начальник охраны здороваться тоже не собирался.

– Его величество передал, – отрапортовал Велаш, но по его лицу было заметно, что роль почтальона, которую ему пришлось на себя примерить, по душе ему не пришлась. К тому же, мельком взглянув на конверт, я заметила, что запечатан он с помощью клея, и, судя по надорванному уголку, кто-то его уже пытался вскрыть. Думаю, не стоит и сомневаться, что наглый пройдоха, любящий читать чужие письма, стоял сейчас передо мной и нервничал из-за того, что важная информация проходит мимо него. – Сейчас прочтете?

– Зачем это? – удивилась я, хотя догадывалась, что начальник охраны хотел бы увидеть написанное хотя бы краем глаза. Также для него нелишним было бы рассмотреть мои эмоции. Наверное, Велаш подозревал, что наши с регентом отношения выходят за рамки деловых, но подозревать и знать наверняка – это разные вещи, так что свои предположения начальнику охраны придется оставить при себе.

– Может быть, вы захотите передать ответ.

– Нет-нет, спасибо, – ответила я и, не удержавшись, добавила: – Вы сегодня уже хорошо поработали.

При виде одновременно ошарашенного и возмущенного лица Велаша я с трудом не засмеялась в голос, так что дверь закрывала мало того что пряча лицо, так еще и очень быстро. От нетерпения конверт практически разорвала в клочья, но, как только прочитала первые слова, успокоилась и почувствовала в груди невообразимое тепло.

*Дорогая моя, сегодня очень занят, так что увидеться не получится. На случай, если ты решишь совершить партизанскую вылазку в один из моих кабинетов, предупреждаю: это лишнее, вполне возможно, что мне придется уехать по делам. Завтрашний вечер я специально освободил для тебя, так что заранее продумай, кого тебе надо опять допросить. Очень надеюсь, что меня относительно испытываемой к тебе страсти. Скучаю.*

*Р. С. Велашу ничего не передавай: этот жук очень хочет обзавестись новыми сведениями.*

– И я скучаю, – прошептала я, надеясь, что Виктор если и не услышит меня, то хотя бы почувствует.

Весь день я маялась, не зная, чем себя занять. Единственным происшествием, заслуживающим внимания, стало то, что Мирана, зайдя в мою комнату «всего лишь на секунду», заметила письмо Виктора, которое я опрометчиво оставила на столе. В свое оправдание могу сказать, что прятать его было некогда – строки, написанные рукой регента, я читала и перечитывала безостановочно. Много ли удалось прочесть Миране, не знаю – как только она нетерпеливым взглядом впиалась в бумагу, я сразу же вырвала письмо из чужих рук, но, судя по задумчивому взгляду рыжей невесты, слова «Дорогая моя» она заметила. Очень интересно, кого Мирана заподозрила в авторстве, но спрашивать ее об этом я не стала.

За завтраком стало известно, что Роав покинула отбор. Девушка даже не возвратилась во дворец, ее вещи собирали слуги, и мы запаниковали, ведь источника информации, который смог бы разъяснить, что семья Пусчи сделала не так, у нас не было. Разумеется, знакомство с родителями показывали по телевизору, и вся страна видела наглядное пособие под названием «Что нужно делать, чтобы не

выйти замуж за принца», но у нас-то возможности заглянуть в это пособие не было.

Принц на завтрак не явился, а довольная Кларисса объявила, что сегодня его высочество возжелал познакомиться с родителями невесты Адальстан. Услышав свое имя, я замерла, будто громом пораженная, и дело не в том, что мне было страшно опоздать на встречу с Виктором – уверена, уже к пяти часам вечера Максимилиан вдоволь пообщается с моей матушкой. К сожалению, к общению с ней не была готова я.

## Глава 15

По замыслу Клариссы встречать принца в отчем доме я должна была вместе с родителями. Поэтому и из дворца я отправлялась гораздо раньше Максимилиана.

Долго выбирала, что надеть, причем поймала себя на мысли, что стараюсь не для телезрителей и даже не для принца, а откладываю наряд за нарядом, понимая, что его не одобрит мама. Хотя сложно сказать, какое платье она в состоянии одобрить. Совершенно отчаявшись отыскать что-либо, способное удовлетворить строгие претензии моей матери к стилю, я надела голубое приталенное платье до колен. Белый шарфик и ботильоны дополнили образ, и, покрутившись перед зеркалом, я попыталась настроить себя на оптимистичный лад.

Когда раздался стук в дверь, я схватила сумочку и поспешила открыть, уверенная, что за мной уже явился охранник, но нос к носу столкнулась с Клариссой.

– Ой, здравствуйте, – растерялась я. Сваха выглядела как-то странно: одновременно на ее лице читалось и недовольство, и задумчивость. – Что-то случилось?

– Случилось. – Кларисса оглядела меня и, по-видимому, осталась довольна. – Не хотелось бы расстраивать тебя перед столь важным мероприятием, как знакомство твоих родителей с принцем, но, думаю, информация, которую меня попросили передать, очень важна.

– Кто попросил? – Губы мои вмиг пересохли, и я облизнула их, стараясь унять волнение. В первую секунду я подумала, что Виктор был столь неосторожен, что передал какую-то информацию через сваху, затем отмела эту мысль как несостоятельную и еще больше заволновалась – неизвестность по-настоящему пугала.

– Ирек Фибриццо. Представился твоим коллегой, старшим сержантом СИБ. Ты его знаешь, или это глупый розыгрыш?

– Знаю, – побледнела я. Ирек не стал бы просто так связываться со свахой – у СИБ существуют каналы связи с личной охраной. Это значит, что случилось что-то из ряда вон выходящее, и по какой-то

причине официально передать эту информацию он не смог. – Что случилось?

– Ну, раз вы знакомы, то, думаю, это действительно важно. Хотя, честно сказать, когда на мой телефон позвонил этот Ирек, я попыталась ему объяснить, что для связи существуют и другие способы, да и вообще ты на отборе, а...

– Что он сказал?! – закричала я, ничуть не заботясь ни о чувствах свахи, ни о том, что по одному ее слову меня сегодня же могут отправить домой. Хотя что тут скрывать, вариант с изгнанием меня бы устроил: сразу отпадала необходимость общаться с маменькой.

Кларисса недовольно поджала губы, но реплику о том, что императрица должна быть терпеливой, оставила при себе.

– Он попросил передать, что некий Хопсвуд скрылся в неизвестном направлении, несмотря на залог и подписку о невыезде.

Я медленно сползла на пол, неловко подогнув под себя дрожащие ноги. Смотрела снизу вверх на испуганную Клариссу и не понимала, что она мне говорит. А что-то говорила она безусловно, потому что я, как в немом кино, видела, что рот ее открывается и закрывается, и, как в замедленной съемке, замечала капельки слюны, которыми сваха брызгала. Такое состояние закончилось так же внезапно, как и началось: я осторожно встала, держась за стенку, оправила платье и, разозлившись на включившийся звук (слова Клариссы были громкими, но малоинформативными), спросила:

– Я могу поговорить по телефону?

– Насколько я знаю, все невесты и вы тоже ограничили доступ к связи той девушке, которую принц пригласил на свидание, а ведь...

– Я помню, спасибо, – перебила я.

Сваха даже не возмутилась, с тревогой наблюдая за моим лицом. Заметно было ее колебание, но, подумав, Кларисса все-таки спросила:

– Это очень важно? Я к тому, что, может быть, вы воспользовались бы моим телефоном?

Я едва удержалась от желания себя ущипнуть, чтобы быть уверенной, что не сплю. Вполне можно было благородно отказаться и поговорить с Иреком по родительскому телефону. Но в первую очередь у меня отсутствовала уверенность, что в отчем доме будет удобный момент для того, чтобы обсуждать такую специфическую тему, как побег преступника (все ж таки с нами будут журналисты), а во

вторую – я точно знала, что моя мама не позволит мне использовать телефон для звонка мужчине, который не носит титула его высочество. Слишком уж привлекательной для нее является возможность стать тещей будущего императора.

– Это было бы замечательно, – искренне воскликнула я и чуть ли не выхватила из рук свахи телефон.

– Слушаю. – Ирек трубку взял сразу. Наверное, ждал новостей о Хопсвуде.

– Это Рэйя, – выдохнула я. – Что произошло? Хопсвуд не отмечался?

– Нет. – Ирек был серьезен и строг, хотя такое за ним водилось нечасто. – Уже пару дней. Один день списали на забывчивость, а когда забили тревогу, его уже и след простыл. Кирро Путча взяли под стражу, но не думаю, что он что-то знает.

– Я в этом уверена. За эти два дня девушки пропадали?

– Вроде бы нет, но, сама понимаешь, пока информация о том, что известный маньяк скрылся, не просочилась в СМИ, всем исчезновениям девушек на один день никто не будет придавать особого значения. Загуляла, у любовника задержалась... Не все девушки домашние, Хопсвуд мог напасть и на последнюю оторву, которую искать станут через полгода.

Я покосилась на Клариссу. Она тактично отошла на пару шагов, но мои ответы, безусловно, слышала. Не думаю, что, даже услышав что-то важное, сваха бы помчалась доносить это журналистам – женщина отличалась крайней благоразумностью.

– Почему ты не связался со мной через личную охрану? – поинтересовалась я.

– Это же официальный канал – запись, запрос, связь только старших по званию, – хмыкнул Ирек. – А капитан запретил тебя беспокоить: «Рэйя на отборе, вполне возможно, что она уже не будет нашим сотрудником», – он нагло передразнивал начальство, причем получилось настолько похоже, что я с трудом подавила смехок, совершенно неуместный в данной ситуации. – И еще кое-что. Нас, наверное, выставят виноватыми в произошедшем: задерживали следствие, если бы передали дело в суд, Хопсвуд бы уже сидел в тюрьме, и так далее. Поэтому постарайся задержаться на отборе как

можно дольше. Если даже не получится стать императрицей, так пока появишься в отделе, шумиха уже утихнет.

Вот оно! Как я опять не упала, только теперь от того, что меня наконец-то посетило озарение, не знаю! Я молчала, слушая Ирека, а глаза мои горели пониманием ситуации так ярко, что даже Кларисса проявила заинтересованность в случившемся и не постеснялась спросить, что случилось.

Как ни пытался сообщник защитить Хопсвуда, постоянно предупреждая того об облавах и действиях следствия, пунит все-таки был пойман. Невыгодно это было сообщнику по двум причинам: вся их преступная деятельность (знать бы еще какая) сворачивалась, а также существовал риск того, что Хопсвуд назовет его имя. Думаю, за свое молчание пунит потребовал свободу, возможно, ему ее даже предложили – это неважно, но как эту свободу обеспечить? Через Кирро Путча, запугав его угрозами и вынудив отдать собственные деньги в качестве залога. Таким образом сообщник обеспечил Хопсвуду замену меры пресечения с заключения под стражу на подписку о невыезде, но что с того, если такая мнимая свобода продлилась бы только до суда. Нужно было помочь Хопсвуду скрыться, но для этого наверняка тоже необходимо время. Время – вот причина того, что украдены были справки! Задача сообщника состояла в отсрочке судебного заседания, и у него получилось. Ирек не стал доносить начальству, решив, что задержка в пару недель особой роли не сыграет, а это сыграло на руку преступникам. Теперь единственной возможностью отыскать Хопсвуда станет разоблачение его сообщника, который окопался в СИБ.

Спешно попрощавшись с Иреком, я протянула телефон свахе и сказала:

– Я понимаю, что вы и так много сделали для меня, но не могли бы вы оказать еще одну услугу?

Кларисса заинтересованно на меня взглянула:

– Попробуйте озвучить, в чем она состоит, Рэйя, а потом уже я решу, смогу ли вам помочь.

– Мне нужен сок фижевого цветка.

Кларисса нахмурилась:

– Я слышала о нем. Заставляет говорить правду, не так ли? Но где я его возьму? Вряд ли его продают в магазинах.

Фижевый цветок очень редок. Растет он на одной из планет Иделльской галактики, бутон его зацветает раз в три года и всего лишь на половину ночи. Если бы он был более распространен, миссия следствия заключалась бы совершенно в другом – капнуть на кожу всех подозреваемых в каком-либо преступлении. Но так как природа распорядилась иначе, нам приходилось искать доказательства самостоятельно. Капля сока, которую я использовала, чтобы наказать хулиганов в своем дворе, попала в мои руки случайно (неучтенная контрабанда одного из задержанных), и применять ее к кому-то из преступников было не совсем удобно: пришлось бы объяснять, откуда у меня такое дорогое вещество, почему не сдала его как вещдок... Хотя, если бы знала, что когда-либо буду подозревать своего коллегу и без его честных ответов не смогу избавиться от этого груза, драгоценный продукт на шалость бы не тратила.

Я колебалась, не зная, можно ли открыть свахе, что я знакома с регентом, но решила, что это уже не имеет особого значения.

– Обратитесь к Виктору, – твердо сказала я. – Передайте ему наш разговор, он поможет.

– Виктору? – не поверила Кларисса. – Вы говорите о его величестве?

– О нем, – подтвердила я. По коридору ко мне уже спешил охранник, который должен был отвезти меня к родителям. – Прошу вас, это очень важно.

– Хорошо, – пожала плечами сваха. – Это не такая уж сложная задача. А его высочество знает о вашем знакомстве с его дядей?

– Пока нет, – призналась я и пообещала: – Совсем скоро ему станет об этом известно, даю слово.

Охранник уводил меня, а сваха задумчиво смотрела вслед. Я отчего-то была уверена, что Кларисса не станет спешить донести информацию Максимилиану, а даст мне возможность объясниться с ним самой.

Ликования от возвращения во двор, знакомый мне с детства, я не испытывала. Вышла из машины и затравленно огляделась: каменная коробка презентабельных четырехэтажных домов, большая арка и идеально подстриженные кусты по всему периметру напоминали мне о том времени, когда я спешила домой, боясь опоздать хотя бы на минуту, когда на гуляющих в парке детей смотрела из окна и получала

за это хлыстом по пальцам, ведь отвлекаться от игры на фортепиано нельзя... Сейчас двор был полон людей и пришельцев с других планет – всем было очень интересно вблизи взглянуть на одну из невест.

– Что-то случилось? – удивился охранник. Из соседней машины появилось четверо его коллег.

– Все хорошо, – едва слышно пробурчала я и рукой решительно стерла с нижней губы кровь – так сильно, досадуя на судьбу, прикусила ее.

Охрана обеспечила мне безопасный коридор сквозь толпу, но могу сказать, что публика в основном была адекватная – выкрикивали слова поддержки, приветствия, я даже заметила пару плакатов с моим изображением. Впервые удалось прочувствовать эту популярность, которую дарил даже не мой статус невесты, я уже не говорю о каких-то заслугах перед отечеством, а тот факт, что моя физиономия безостановочно мелькает по телевидению.

Мы поднялись на третий этаж: из подъезда любопытные зрители были удалены, но жильцы оставались в своем праве выглядывать из дверей квартир и напоминать мне о том, как пятнадцать лет назад угощали меня конфеткой. Тут же шнырял один из журналистов – спрашивал, какой я была соседкой и не числились ли за мной хулиганские выходки. Наивный! У меня с детства по минутам был расписан день, даже туалет приходилось посещать по графику, где уж тут выкроить время на шалости. Но ничто не мешало наиболее активным соседям придумывать всякие небылицы.

Вдова какого-то важного чиновника, которая жила этажом ниже моих родителей, рассказывала о том, как в детстве я влезла на дерево с унхалийскими яблоками, упала на грядки, на которых произрастал возвращенный заботливыми вдовыми руками лук, а соседка меня не только не пожурела за это, так еще погладила по головке и угостила фруктом. Каждое слово в рассказе женщины было ложью. Во-первых, грядки и плодовых деревьев в нашем дворе и рядом с ним отродясь не водилось – центр города все-таки, во-вторых, тяжело было представить вдову копошащейся в земле, когда она даже дверь открывала в одноразовых перчатках, а в-третьих, если отбросить все нестыковки и предположить, что я и правда упала с дерева на ее грядки, то по голове

соседка меня погладила бы, только оторвав оную от тела – весь район был наслышан о скверном характере этой женщины.

Дверь в квартиру была распахнута настежь. Рядом замер оператор с камерой наготове, и еще два или три угадывались в недрах прихожей. Я сделала глубокий вдох, как перед погружением в воду, и натянула на лицо самую широкую улыбку – предстояла встреча с мамой.

Родители ждали меня в прихожей. На лице отца заметно прибавилось морщин, да и лысина начала оформляться, зато мама совершенно не изменилась. Высокая, статная, с густыми черными волосами, волнами спускавшимися на плечи. При должном освещении ей нельзя дать больше тридцати лет, но сейчас из-за огромного количества ламп все женские уловки были сведены на нет, и, наверное, именно поэтому мамино лицо дышало такой «благостью», что даже страшно стало. Я с удивлением заметила, что рядом с родителями, чувствуя себя совершенно свободно, стоит мальчик лет восьми – этакий классический зубрила в очках и с лишним весом, с трудом втиснутый в костюм-тройку. Мне пришлось задуматься: а не брат ли это мой, настолько тепло его обнимала моя мать, но возраст мальчишки явно превышал количество лет, которое я отсутствовала, и поэтому мысль о новом родственнике пришлось признать несостоятельной.

Операторы не прекращали снимать, поэтому, дабы не портить впечатления, пришлось оставить все вопросы при себе и расцеловаться с родителями.

– Кто это? – успела я шепнуть матери, естественно, имея в виду мальчика, которого она держала за руку, даже обнимая меня. Мама недовольно дернула плечом и ничего не ответила, что, впрочем, было вполне ожидаемо. Что ж, будем надеяться, что, когда начнется спектакль под названием «Самая лучшая теща», завеса тайны над присутствием на смотрах чужого ребенка приоткроется.

Я прошла в комнату, которую мама горделиво называла столовой. Пищу в ней всегда вкушали (да-да, именно вкушали, просто есть моя мать не может по определению) три раза в день. Если вдруг мне случилось опоздать на обед или ужин, я оставалась без того, так как накрывать огромный стол «из-за одной недисциплинированной особы» никто не собирался. Примечательно, что начало трапезы, для которой

уже все было накрыто, моя мама задерживала впервые, и как же приятно было осознавать, что система тоже может дать сбой.

– Не правда ли, обед для его высочества подготовлен безупречно? – улыбаясь, уточнила мать.

Действительно, сервировка, да и внешний вид блюд напоминали приемы пищи во дворце, и мама бы изменила себе, если бы не обратила на это чужого внимания.

Помня, что нас снимают, я растянула губы в улыбке и согласилась:

– Да, все очень даже достойно.

Мама дернулась. Как видно, моя пренебрежительная оценка ее не устроила, но она промолчала. Зато не смог удержаться от реплики мальчишка, основания для присутствия которого я так и не определила.

– Я помогал готовить, – заявил он, а я взглянула с сомнением. О способностях моей матери к готовке мне, как никому другому, было известно: самостоятельно родительница умела готовить две вещи – сварить макароны и отварить макароны, и я могла поспорить, что кулинарные изыски, дразнящие своими запахами журналистов, были доставлены из ближайшего ресторана, шеф-поваром которого был давний мамин поклонник.

– Как мило, – проворковала я и погладила мальчика по голове. Как знать, может, это и правда мой брат – от матери можно ожидать чего угодно, нужно налаживать общение с самого начала. – А что именно ты делал?

Мальчик закашлялся. Готова поспорить, такой вопрос они с моей мамой не отрабатывали, но она сразу же пришла на помощь:

– Я научила Марика чистить овощи.

Чистить овощи! Кто бы тебя этому научил – всю мою жизнь в родительском доме картошку чистил отец. Есть захочешь – и не то сделаешь, а есть ему, как ни странно, хотелось часто.

На такую возмутительную ложь я даже не придумала, что ответить, и этот раунд остался за мамой. Очень скоро с улицы донеслись восторженные крики – приветствовали принца, и один из операторов принялся руководить нами, выстраивая подходящую мизансцену. Мне было наказано встречать Максимилиана у двери. По замыслу репортеров я должна была сопровождать его в квартиру и познакомить со своими родителями. Вроде бы все было просто и очень

понятно, и, обменявшись с мамой выразительными взглядами, мы ненадолго расстались.

Максимилиан был заметно рад меня видеть. Не могу сказать того же о себе – нашу встречу омрачали мои угрызения совести, но демонстрировать их всей стране я не собиралась. И потому, любезно поприветствовав его высочество, протянула ему руку, но уж точно не ожидала, что Максимилиан сожмет меня отнюдь не в дружеских объятиях. Если бы не журналисты, с восторгом встретившие такое проявление симпатии со стороны принца, можно было представить, что я и впрямь встретила со своим молодым человеком и веду его знакомиться с родителями. Вот только и репортеры нас обступили, и родители мои обычного парня в свою семью не приняли бы, да и влюблена я была совсем не в того мужчину, который стоял сейчас передо мной и залихватски улыбался.

– Извини, не удержался, – заявил Максимилиан. – Хотел еще и поцеловать тебя, но подумал, ты не оценишь.

– Не оценю, – подтвердила я и, смутившись, спросила: – А вырезать этот момент из эфира никак нельзя?

– Думаешь, нужно? – поскучнел принц и, получив мое подтверждение, повернулся к журналистам: – Слышали даму? Придется спрятать от зрителей этот момент.

– Но, ваше высочество, – расстроился один из операторов, – сцена встречи – ключевая в нашем выпуске. Может быть, переснимем?

– Если бы кто-то держал себя в руках, переснимать бы не пришлось, – пробурчала я.

– Если бы кто-то не выглядел так восхитительно, я бы держал себя в руках, – передразнил меня принц.

Затем Максимилиан спустился на этаж ниже, порадовав вдову парочкой комплиментов, и мы разыграли сцену приветствия заново. В этот раз принц вел себя безукоризненно: поздоровался, поцеловал мне руку и только тогда прошел в квартиру. А там нас уже ждала вся моя семья, причем неизвестного мне ребенка с дурацким именем Марик выдвинули вперед, чтобы камера никак не смогла пропустить его светлый лик.

– Добрый день, – проворковала моя мама. Отец, для которого, вероятно, был проведен инструктаж, улыбался так широко, что мне захотелось вызвать врача. Мальчишка заворуженно разглядывал его

высочество. – Я мама Рэйи – Виттория, это мой муж Илиас, а вот это мой ученик, юное дарование, которое я приняла под свое крыло и всячески опекаю. Зовут его Марик, и я надеюсь, вы запомните его имя, уверена, скоро он станет знаменитым.

Моя мать в который раз не позволила мне занять пальму первенства и забыла, что это моя прерогатива – представлять жениху семью. Но возмущение ее поведением меркло на фоне моего раздражения, которое возникло, когда я узнала, кем является этот мальчик. То есть на мои смотрины она еще и неродственника привела! Нет, я, конечно, понимала, что раз уж у мамы не вышло сделать знаменитую и послушную куклу из меня, то она найдет себе другой объект для того, чтобы вышколить его в соответствии со своими потребностями, но никогда не думала, что она воспользуется первой встречей со мной за последние пять лет для того, чтобы продвинуть своего протеже. Я чувствовала, что мирно закончить сегодняшний вечер не удастся, и приказала себе молчать как можно дольше.

Не понимая, что надвигается гроза, мама мельком показала Максимилиану квартиру. Разумеется, она могла задержаться с многочасовой экскурсией в каждой из комнат, но о занятости принца ее, безусловно, предупредили, и потому нас достаточно скоро пригласили к столу.

Должна отдать должное блюдам: все они были прекрасны и на вид, и на вкус, отчего я еще больше уверилась в том, что ни одно из них не было приготовлено моей матерью. Вообще, задачи наесться до отвала ни у меня, ни у Максимилиана не было, и, похвалив хозяйку, принц приступил к разговору. Журналисты вели себя на удивление тихо – строчили что-то в своих блокнотах, и с их стороны слышен был лишь шорох ручки по бумаге, да иногда кто-то тихо покашливал. Мама и его высочество чувствовали себя превосходно, присутствие третьих лиц и камер их ничуть не смущало. А вот отец нервно оттягивал ворот рубашки, Марику не лез кусок в горло, я боялась открыть рот, чтобы не сказать какую-нибудь гадость, и поэтому в разговоре безраздельно властвовала моя мать.

– Столько сил вложено в Рэйю: ведь я всю жизнь посвятила ей. – Как и следовало ожидать, после традиционного разговора о погоде мать села на любимую лошадку.

Максимилиан с интересом слушал ее выдуманные рассказы о моем исключительном детском непослушании. И первые пятнадцать минут я еще могла это терпеть – считала полоски на новых обоях, но, когда стены закончились, а нового достойного занятия для себя отыскать не получилось, терпение мое приказало долго жить.

– Рэя чудесная, – не согласился со словами Виттории принц.

– Рада, что вы это поняли. Должна сказать, что мне, как матери, очень больно видеть, что вы обходите мою дочь вниманием. Этот ваш отбор... мероприятие лишнее, когда два человека, которые так подходят друг другу, встречаются.

– Об этом я и хотел с вами поговорить. – Максимилиан положил приборы, а я поперхнулась, заподозрив, что сейчас принц сделает мне предложение. К такому повороту сюжета я мало того что не была готова, так еще и отказывать Максу на глазах у репортеров не хотелось. Вряд ли журналисты сотрут такую сенсацию из памяти своих видеокамер – это вам не объятия у двери с невестой. – Рэя на меня немного обижена, и мне кажется, что пригласи я ее на свидание, откажется. Так что хотелось бы, чтобы вы в некотором роде повлияли на свою дочь. – Макс засмеялся, показывая, что пошутил, но мама так взглянула на меня, что стало понятно: откажись я на ее глазах от свидания с принцем, и смерть моя будет ужасной. Максимилиан повернулся ко мне, и пришлось улыбнуться ему в ответ. – Рэя, давай сегодняшний вечер проведем вместе?

Я с горечью вспомнила о том, что сегодня должна была встретиться с Виктором, но отказать принцу не могла, в одну сошлись все причины: и близость журналистов, и присутствие родителей, и тот факт, что с Максимилианом следовало объясниться.

– Конечно, ваше высочество! – Надеюсь, я выглядела счастливой.

– Вот и замечательно, – надулась от гордости мама. – Наконец-то прошли те времена, когда моя дочь была непослушной девчонкой.

– Скажите, маменька, – вспомнив книги, которыми меня потчевали в детстве (исключительно классика, развлекательная литература даже в пять лет в мои руки не попадала), встряла я, – а можете ли вы припомнить хотя бы один случай моего непослушания? Только давайте обойдемся без фантазий и тех историй, в которых я еще на горшок ходила.

Настроение у моей матери было превосходное – еще бы, она в центре внимания, света в столовой стало немного меньше, что позволяло ей выглядеть моложе, да и про Марика удалось вставить пару слов. Принц незаметно для самого себя почти пообещал моей матери сводить ее воспитанника в театр. К слову сказать, пышнотелый Марик уже настолько освоился перед камерами, что, усиленно налегая на сливовый пирог, вставил несколько реплик, разбавив этим стройную мамину речь. Поэтому она, ослепительно улыбаясь, проворковала:

– Конечно, дорогая. Например, в одиннадцать лет тебя провожал домой этот пренебрежительный мальчишка из соседнего двора, хотя я ясно дала понять, что общаться с противоположным полом тебе рановато.

Я до сих пор помню этого застенчивого мальчика, который плелся позади меня и настойчиво просил разрешения понести портфель. Из-за его симпатии меня заставили выучить три огромных произведения для фортепиано за один день.

Максимилиан закашлялся. В его прошлом точно уж присутствовали и более серьезные прегрешения, и потому эта ситуация ему серьезной показаться не могла. Как и большей части телезрителей.

– Я считаю, не такой уж это и страшный проступок, – улыбнулся принц. Но поглядывал на мою мать уже с легкой задумчивостью, наверное, понял, что все заявления о моей непослушности стоит делить как минимум на три. – Например, у меня в четыре года было настойчивое желание поджечь шторы. Да-да, но руководило мной не желание устроить пожар, нет, мысли мои занимал исключительно научный интерес. Мне хотелось узнать, как быстро разгорится ткань. Она была очень плотная, знаете, похожа на плащовку, и не горела, а тлела. Самое интересное, что я к этому опыту серьезно готовился: отыскал где-то зажигалку, учился ею пользоваться.

Я представила маленького мальчика в богатых одеждах, который спрятался ото всех нянек и старательно чиркал колесиком зажигалки. Отчего-то четырехлетний принц в моих мыслях представал лопоухим, курносым и лохматым и чем-то неуловимо напоминал мальчишку, который когда-то хотел меня проводить. Меня затопила волна нежности, но не к Максимилиану, а к тому ребенку из моих мечтаний, который так хотел провести опыт.

– Как мило, – проворковала моя мать, но с таким видом, что было понятно: будь Максимилиан ее сыном, ему бы пришлось туго. Возможно, его бы даже отлупили. Хотя о чем это я? Его бы точно отлупили. – Мальчики такие непоседы, но спешу заметить, Марик – идеальный ребенок.

Противный Марик, пользуясь тем, что внимание камер направлено на принца и мою мать, показал мне язык.

– Судя по вашему примеру из прошлого, Рэйя тоже была, да и остается идеальной, – хохотнул принц. – Только уже не ребенок.

– Вы правы, – криво улыбалась Виттория. – Но чего стоит хотя бы ее демарш с этой глупой секцией борьбы! Разве это занятие для девочки?

Я с силой сжала в левой руке вилку, и удивительно, что она не погнулась.

– Ты занималась борьбой? – натянуто улыбнулся Максимилиан. Он видел, что встреча приобретает негативный оттенок, и спешил сменить тему.

Глубоко вздохнув, я постаралась успокоиться, но ответить мне не удалось.

– Конечно, занималась! – Мать раздраженно бросила приборы в тарелку. Я досадливо поморщилась – этот дешевый спектакль когда-то знаменитой актрисы был совсем некстати. – Это сразу понятно, ведь сейчас она не играет в императорском оркестре, а работает в этом СИБ, – название службы, которая денно и нощно защищает ее покой, Виттория прямо-таки выплюнула, интонацией демонстрируя все презрение, которое испытывала к месту моей работы.

– Дорогая, – проснулся отец от своих мечтаний, – сейчас не лучшее время для выяснения отношений.

– Да, наверное, – блеснула глазами моя мать, но приборы опять взяла в руки и попыталась улыбнуться. Вышло у нее это преотлично, то ли и впрямь талант не пропьешь, то ли не таким уж и сильным было возмущение. Мама успокоилась, а вот я – нет.

Ослепительно улыбнувшись (выходило у меня не так хорошо, как у родительницы), я вытерла салфеткой рот и сказала:

– Ты что, папа, маменька отлично понимает, что свои претензии ей удастся высказать в лучшем случае лет через пять. После

сегодняшнего ее поведения возобновлять наше общение я не собираюсь.

Максимилиан смотрел на меня очень серьезно, положил свои приборы и даже привстал. Надеюсь, мыслей, что я начну драку, у него не появилось – такие подозрения на мой счет были бы даже оскорбительны.

– И насчет этого ребенка, – ничуть не заботясь о том, как я буду выглядеть в глазах телезрителей, я ткнула пальцем в Марика, который не переставал жевать. – Мама, перестань кормить парня и дай ему хоть немного свободы! Иначе, когда у него появится возможность, он сбежит точно так же, как и я! Ваше высочество, – я повернулась к принцу, – у вас, кажется, было мало времени, думаю, пора возвращаться во дворец.

– Да, конечно. – Максимилиан вышел из-за стола, поблагодарил мою маму за обед и, подхватив меня под руку, повел к выходу.

Операторы возражать не решились, хотя сцена прощания тоже наверняка была в их съемке очень важна. Но думаю, горячих моментов им на сегодня хватит – одно признание Максимилиана в поджоге чего стоит.

Принц проводил меня к машине. Двор был пуст, зрители разошлись по домам – не думали, что мы освободимся так рано.

– Рэйя... – Принц приподнял мой подбородок. Я подняла на него глаза и с удивлением почувствовала, что дрожу то ли от нервов, то ли от холода – пальто я оставила в квартире. Представляю, с каким удовольствием мама его выбросит. – Мне очень жаль, что так вышло.

– Что именно? – удивилась я.

– Сегодняшний обед, и вообще... у тебя очень жесткая мама.

– Максимилиан, – я закрыла глаза, пытаюсь найти в себе силы сказать этому чудесному человеку о своем предательстве, – мне нужно тебе кое-что сказать...

Я с удивлением и даже испугом ощутила на своих губах мягкое прикосновение. Принц легко и нежно поцеловал меня и, когда я в страхе распахнула глаза, нерешительно улыбнулся:

– Давай мы поговорим об этом на сегодняшнем свидании. Осталось совсем немного времени, ты сможешь потерпеть? Не хочу, чтобы тебе сейчас, на нервах, приходилось что-то говорить, объяснять, извиняться...

Извиняться? Он что, решил, что я буду просить прощения? За что это? За поведение моей матери? Или за то, что застала его с Брунисой и Вудтир? Этот момент надлежало выяснить, но не успела я задать вопрос, как принц повторно поцеловал меня, правда, теперь в щеку, и, подмигнув на прощание, удалился. Я еще долго стояла у автомобиля, обхватив себя руками, хотя охранник уже распахнул дверцу и повода задерживаться вроде бы не было. На нос мне упала крупная капля, затем еще и еще одна. Я подняла голову и взглянула на серое, покрытое тучами небо. Почему-то именно в этот момент я ощутила глухую тоску. Тоску, причиной которой стало то, что даже один раз в жизни Виттория Адальстан не смогла притвориться обычной, любящей своего ребенка матерью.

Я даже не удивилась, когда по возвращении у дверей своей спальни встретила Мирану. На мой немой вопрос рыжая пожала плечами и с извиняющейся улыбкой пояснила:

— Увидела тебя в окно.

Ничего не отвечая, я открыла дверь и прошла в спальню, ничуть не сомневаясь, что Мирана последует за мной. Так и вышло.

— Как все прошло?

— Великолепно! — раздраженно фыркнула я и спряталась за дверцу шкафа. Переодеваться перед любопытной Мираной я так и не привыкла, хотя девица и провела в моей комнате добрую часть отбора.

— Точно?

— А ты в этом сомневаешься?

— Просто у тебя такой вид, словно знакомство с родителями прошло очень и очень плохо.

— Ты ошибаешься, — уверенно заявила я и сильно зажмурилась, чтобы не расплакаться. Очень захотелось кого-то обнять, дабы почувствовать поддержку, и желательно, чтобы этот кто-то имел сильные руки, седые виски и темные глаза. — Зачем пришла?

— Ну как это... — растерялась Мирана. — Хотела обменяться информацией.

— Да ладно, — съязвила я. — У тебя есть что мне рассказать?

— Конечно. Велания против тебя готовит заговор.

— Очень интересно...

— Еще бы. Отец Олькутт заплатит журналистам, чтобы они распространяли о тебе лживые слухи.

– Я так понимаю, его Велания попросила?

– Правильно понимаешь.

– По телефону просила? – спокойно уточнила я.

Мирана немного растерялась.

– Наверное, а как же еще?

– Раз по телефону, волноваться не о чем.

– В каком смысле?!

– Телефон прослушивается личной охраной, и не думаю, что подобную низость со стороны семьи Олькутт они пропустят мимо ушей.

– Откуда ты это знаешь? – напряглась Мирана.

– Ты забыла, где я работаю. – Я наконец вышла из-за дверцы и, облокотившись на стену, наблюдала за подругой.

– Я требую откровенности и с твоей стороны, – шутливо ударив раскрытой ладонью по покрывалу, заявила девушка. – Что у тебя случилось интересного?

Рассказывать Миране о свинском поведении своей матери я не собиралась, хотя ей это и было бы интересно – когда покинет дворец, если возникнет желание, посмотрит выпуски эфиров отбора в записи. Поэтому пришлось вспомнить о свидании с Максимилианом. В конце концов, об этом всем невестам и так станет известно гораздо раньше, чем мне бы того хотелось.

– Сегодня вечером у меня свидание с принцем.

Мирана замерла, удивленно глядя на меня. Судя по всему, в первую минуту моим словам она не поверила, а когда наконец сообразила, что я не шучу, обиженно воскликнула:

– Но ты же уже сегодня с ним встречалась!

– Я помню, – заверила я. – И поверь, это не моя инициатива.

Мирана вскочила с места и зашагала по комнате, меряя ее широкими шагами. И так недлинное обтягивающее платье девушки задралось еще выше.

– Это нечестно! – Мирана густо покраснела, глаза ее прямо-таки метали молнии. – Я ни разу еще не была с принцем наедине, а ты уже и на свидание с ним сходила, и с родителями познакомила! Если он уже решил, кого сделает императрицей, так зачем этот цирк?! Отправил бы нас по домам, и все! Нет же, я сижу здесь, ожидаю

какого-то чуда, теряю свое время, страдает мое самолюбие, в конце концов!

– Прекращай бушевать, – лениво сказала я, хотя возмущение Мираны мне было вполне понятно – еще неизвестно, как на ее месте вела бы себя я, вполне возможно, что выдрала бы сопернице волосы. А что, проснулись бы мамочкины гены, и бросилась бы на защиту своих интересов вот таким варварским способом. – Честно сказать, я сама не в восторге от этого.

– Как это не в восторге? – еще больше разозлилась Мирана. – Рассказывай мне, может быть, ты еще и не рада, что Максимилиан тебя явно выделяет?

– Об этом рано говорить, – заметила я. – Я не считаю, что он как-то выделил меня, а насчет свидания – никакой лжи в моих словах нет. Я сегодня очень устала, переволновалась, и очередная встреча с журналистами, хоть и из-за принца, явно лишняя для моего самочувствия и нервной системы.

Шаги Мираны замедлились, девушка явно задумалась. Устав следить за ней, я села в кресло и, откинув голову на подголовник, закрыла глаза.

– Ты говоришь правду? – наконец спросила Мирана. Не открывая глаз, я кивнула. – Тогда это, конечно, меняет дело, извини, что сорвалась.

Я скорее почувствовала, чем услышала, что девушка подошла ближе. Резко открыла глаза, сама не понимая, чего испугалась, и увидела, что Мирана сидит прямо на полу у моих ног и преданно смотрит в глаза.

– Я не очень понимаю...

– У меня к тебе предложение... – заговорщически начала рыжая, сопровождая свои слова таким выражением лица, что сразу стало понятно: грядет что-то тайное, опасное и, возможно, даже противозаконное. – Раз ты не очень хочешь идти сегодня на свидание, так, может быть, на него пойду я?

– Как ты себе это представляешь? – пренебрежительно хмыкнула я. – Когда за мной придет охранник, я ему скажу: пройдите дальше, пожалуйста, вас ждут во-о-он за той дверью?

– Нет, так, разумеется, ничего не получится. – На лице рыжей написана была упорная работа мысли, а я с интересом за этим

наблюдала. – А почему бы нам не произвести подлог?

Я вопросительно приподняла брови.

– Роста мы примерно одинакового, спрячу волосы под платок – его вполне можно обыграть, надену твоё платье, обувь, охранника буду ждать в твоей комнате, а лицо... придется пониже опустить голову. Охранники разве сверяют невест с фотографией? Скажи, тебе же лучше знать, – в голосе Мираны прозвучал с трудом скрываемый сарказм.

– Прекрати, – разозлилась я. – Никто, конечно, не сверяет, но сомневаюсь, что нас можно перепутать.

– Все ярко накрашенные девушки между собой схожи! У меня где-то были линзы, так что зеленые глаза тоже получится скрыть. Соглашайся!

– Но что скажет принц?!

– Как только обман вскроется, я сразу же объясню ему, почему мы на это пошли! Если ему моя инициативность не понравится, он просто отправит меня обратно.

– Ага, и выгонит из отбора нас двоих.

– Тебя это заботит? – неожиданно жестко спросила Мирана. – Я видела любовную записку, которую явно написал не Максимилиан, так что, думаю, не в твоей ситуации утверждать, что ты так уж боишься потерять принца.

Я онемела от такого заявления. У Мираны была возможность донести о моем проступке сразу же, как ей стало об этом известно, но ушлая девица, видно, решила приберечь такую информацию до более удобного случая. Как видно, он наступил.

– Тебя не смущает, что на свидании могут быть и журналисты? – говорила я вроде бы спокойно, но в своих же словах слышала начало капитуляции.

– Я не уверена, что они будут присутствовать, – Мирана тоже почувствовала слабину в моих словах и заторопилась, стараясь закрепить успех. – Но даже если и будут, что с того? Да, принц может меня выгнать, но если я ничего не предприму, отбор покину точно. Прошу тебя, Рэйя! Я тоже хочу получить шанс стать императрицей, и раз уж его не предоставляет мне Максимилиан, то сделай это ты! Обещаю, если пойдешь мне навстречу, я ничего никому не скажу о

любовной записке даже в том случае, если ты победишь, а мне сегодня же придется собирать вещи.

Я задумалась. Не сказать, что меня испугали завуалированные угрозы Мираны, но все же не хотелось, чтобы о моем предательстве Максимилиан узнал из ее уст. К тому же сегодняшняя встреча с Виктором, если она состоится, обещала поставить точку если не в расследовании, то в моих подозрениях насчет коллеги точно. Выходило так, что предложение Мираны для меня тоже имеет определенную выгоду, и, может быть, и впрямь стоило дать ей шанс на свидание с принцем? Как знать, вдруг эта девушка – его судьба, которую я, сама того не желая, на время заслонила. Голова начала болеть – после сегодняшнего общения с матерью обсуждать такие вещи не хотелось совершенно. Впрочем, как и идти на свидание, на котором я должна была порвать с Максимилианом всяческие отношения.

Я потерла руками виски и, страдальчески сморщившись от боли, сказала:

– Будем считать, я согласна. Но мою одежду надевать не обязательно: ни охрана, ни принц все мои платья не запоминают.

– Нет, все должно быть достоверно, – возразила Мирана.

Ее громкий голос вызывал стойкое желание кого-нибудь убить, поэтому я махнула рукой на шкаф и предложила выбрать что-нибудь самостоятельно. Мирана тут же зарылась в мои вещи, а я равнодушно думала о том, что с ними скоро придется расстаться. Вряд ли мне захочется забрать одежду, с которой связаны не самые хорошие воспоминания.

– Я готова, – возвестила наконец девушка.

Я приоткрыла один глаз, взглянула на сиреневое длинное платье и серебристый платок, который Мирана повязала на голову, пряча волосы, и согласно кивнула:

– Отлично выглядишь.

– Осталось покраситься. Но это я могу сделать и в своей комнате, – Мирана переоделась в свою одежду. – Приду к семи часам. Будь добра, к этому времени исчезни куда-нибудь.

– Куда это? – выпучила я глаза.

– Не знаю, придумай хотя бы что-нибудь, – разозлилась рыжая. – Посиди полчаса в зимнем саду, например! А то придет охранник, а

встретят его две Рэи Адальстан.

– Если ты сейчас же не уйдешь, свидания с Максимилианом не дождешься, – предупредила я. – И плевать и на письмо, и на несправедливость по отношению к тебе.

– Конечно-конечно, – Мирана подхватила сложенное платье и платок и выскочила из комнаты, но не успела я порадоваться тишине и спокойствию, как ее востроносая физиономия вновь появилась в дверях. – Так ты уйдешь из комнаты к семи часам?

Не найдя нужных слов, я бросила в сторону двери вазочкой. Цели попасть в Мирану у меня не было, и ваза, ударившись о стену, упала на пол, даже не разбившись.

– Сделали на века, – пробормотала я, подойдя к сувениру и трогая его носком туфельки.

## Глава 16

Когда я появилась на ужине, о назначенном принцем свидании знали уже все невесты, и, естественно, они сверлили меня ненавидящими взглядами. От идеи поужинать пришлось отказаться, иначе существовал риск того, что я подавлюсь и погибну в расцвете сил и молодости, и невесты мне мало того что не окажут помощи, так еще и изобьют того, кто решит вызвать врача. Кофе я пила маленькими глотками и из столовой вышла вместе с остальными девушками. Мирана отправилась в свою спальню, но не успели стихнуть в коридоре стук каблучков и голоса возмущенных невест, как она возникла на моем пороге.

– Ты еще не ушла? – возмущенно зашипела она, быстро закрывая за собой дверь. – Уже без двадцати семь!

– Я в курсе, – спокойно ответила я. – Рановато ты начала возмущаться.

– А если охранник не такой пунктуальный, как ты? Придет пораньше и встретит тебя в коридоре. Нет уж! Я так рисковать не хочу, уходи немедленно.

Я разозлилась, но отступать назад было поздно: развернулась на каблуках и вышла из комнаты. В галерее спален никого не встретила, а на выходе из левого крыла в открытую подошла к охране и уверенно заявила, что хочу поговорить с его величеством. Охранники переглянулись, засомневались, но после недолгого совещания все же решили меня проводить к кабинету регента. Мне очень повезло: Виктор был в своем неофициальном кабинете, и встречаться с Фелиссой не пришлось (червяков я не заготовила).

– Спасибо. Дальше я сама, – нагло заявила я охраннику, достигнув вожделенных дверей.

Он подумал, причем давалось ему это туговато, и медленно произнес, словно вспоминая звуки:

– Я подожду вас здесь.

– Если есть охота, так конечно, – пожала я плечами и постучала в дверь.

– Да, – услышала короткий строгий ответ Виктора и протиснулась в едва приоткрытую дверь.

– Рэя? – Виктор выглядел уставшим, но при виде меня лицо его озарила улыбка. Я залюбовалась его преобразившимися чертами. – Как ты здесь оказалась? Мне доложили, что у тебя свидание с Максом.

– Так и есть, но... – я отмахнулась. – Не стоит об этом.

– Как скажешь. – Виктор встал мне навстречу и, подойдя, крепко обнял, с удовольствием вдохнув запах моих волос. – Я скучал.

– Я тоже скучала, – промурлыкала я, пряча улыбку у него на груди. – Кларисса передала тебе мою просьбу?

– Да, и честно сказать, я был очень удивлен...

– Моей просьбой?

– Нет, тем, что ее озвучила сваха. Странное решение для девушки, которая желает сохранить наши отношения в секрете. Об этом я тоже хотел с тобой поговорить. По-моему, пора сказать о нас Максимилиану.

Я недовольно поморщилась: хотелось сделать это без лишних напоминаний, а теперь выходило, что разговор с принцем – решение Виктора. Регент, заметив мою реакцию на его слова, понял ее превратно, усмехнулся и зло сказал:

– Не хочешь, значит? Я тебя не понимаю, Рэя.

– Тут и нечего понимать. – Я тяжело вздохнула. – Я сама хотела поговорить с Максимилианом, просто очень тяжело собраться с духом, не хочется обидеть его.

– Не переживай, – пожал плечами Виктор. – Поговорить с ним должен я. Так бывает, ты шла на отбор, не зная ни моего племянника, ни меня, и отношения между нами не настолько зацепят его, как может казаться. В конце концов, я не жену у Макса увожу – невест у него еще много, да и претенденток на этот статус половина страны.

Я глубоко вздохнула и застенчиво, пряча глаза, прошептала:

– Если честно, я никогда и не собиралась стать его женой. Ни до кастинга, ни тем более когда попала сюда.

– Не понял. – Виктор приподнял мой подбородок. – А зачем ты тогда шла на отбор?

– Меня заставили, – прошептала я и рассказала о задании Роила и Ингириха.

Виктор выслушал меня с каменным выражением лица, а после отстранился и уточнил:

– Как я понял из твоего рассказа, задание тебе дали специально для того, чтобы на время удалить из отдела?

– Именно так. – Я с тревогой перебирала волосы, опасаясь реакции Виктора на мое заявление.

Мужчина, задумавшись, постоял у окна и вдруг резко обернулся:

– Мы подозревали о заговоре против Максимилиана. Даже, казалось, вычислили исполнителя. Но твой рассказ... Совершенно не могу понять, откуда СИБ могла узнать об этом и какое имеет к этому отношение. Всегда проблемами подобного рода занималась личная охрана.

– Подозревали о заговоре? – Я побледнела. – Значит, он все-таки есть? И дело не в том, что меня хотели отстранить от расследования? Ничего не понимаю.

– Я тоже, – признался Виктор. – Эти твои начальники ведут себя по меньшей мере странно. Нужно сигнализировать Велашу – пусть проверит, возможно, исполнитель с ними как-то связан.

Я потерянно молчала. Хотя Виктор и сказал, что майор мог быть связан с преступником, мне все же казалось, что зря я его подозревала – нужно было слушать Роила, оказывается, он был прав и Максимилиан находится в опасности. Регент взглянул на меня и неожиданно мягко улыбнулся:

– Не переживай, возможно, твое начальство и впрямь хотело получить лишние нашивки и никакие предатели мозги тебе не пудрили.

– Надеюсь, – пробормотала я, но легче мне не стало.

– Мы считаем, заговор готовят повстанцы с Ваоля. В их интересах внести смуту в настроение народа – надеются, что, если они убьют наследника, я потеряю власть и не смогу помешать им выйти из состава империи. Я считаю это глупостью, но тем не менее проверять не хочу. Главным образом из-за того, что племянник у меня один.

С планетой Ваоль с некоторых пор у меня ассоциировалась Мирана, и, усмехнувшись, я сказала:

– Мирана не говорила мне о таком непримиримом настроении на своей родине. Наоборот, рассказывала, что ваольцы вполне лояльно относятся к нынешней власти.

– Естественно, что она рассказывала тебе это. – Виктор провел рукой по лицу. – Родной отец Мираны Блэтт – ярый приверженец радикально настроенных ваольцев. Долгое время скрывался от правосудия, но был убит при задержании, когда Миране было десять. Номинально воспитывал ее отчим, но есть сведения, что родной отец поддерживал с Мираной отношения вплоть до своей смерти. Когда стало известно, что на отбор прошла дочь самого опасного террориста за последние пятьдесят лет, мы поняли, что это не случайность, но выгонять ее было бы неосмотрительно. Врага лучше держать на виду. Велаш пытается выяснить, с кем она связана, а тем временем Максу строго-настрого запрещено приглашать Блэтт на свидание и тем более оставаться с ней наедине. Эта девушка может быть по-настоящему опасна.

– Сколько времени? – истошно закричала я, не узнавая своего голоса.

– Десять минут восьмого, – удивленно ответил регент.

– Мирана с ним, – прошептала я, испытывая острую потребность упасть в обморок. – Что я наделала! Что же я наделала!

– Рэя, я не...

– Она вместо меня пошла на свидание с Максом.

Виктор мгновенно побледнел и бросился вон из кабинета. Не обращая внимания на панику, которая затапливала мое сознание и призывала где-нибудь спрятаться, я поспешила вслед за ним.

– Где Макс?! – прорычал регент на ходу, достав из кармана переговорную пластину. Ему что-то ответили, но расслышать мне не удалось – как я ни спешила, от Виктора все равно отставала на несколько шагов. – Срочно туда охрану!!!

Вопросов ему не задавали, как видно, приказы регента привыкли исполнять без лишних рассуждений. Мы спустились в парк, и Виктор за рекордно короткое время преодолел огромное расстояние, которое разделяло дворец и небольшую беседку в зарослях роз. Наверное, из-за стрессовой ситуации в сознание мое лезли совсем уж глупые мысли. Например, меня настойчиво одолевал вопрос: зачем в парке построили так много беседок, все равно они постоянно пустуют?

На лицах братьев-охранников при виде взбудораженного регента нарисовалось неопишное изумление, сменившееся на шок и настоящую панику, когда они заметили рядом с ним меня. Опыт

подсказывал им, что логичного объяснения, способного сохранить им работу и репутацию, этому явлению найти нельзя, и потому, не дожидаясь, пока им что-то объяснят, бросились в беседку.

Для предательницы все складывалось очень удачно. Охранник ее не узнал, да, наверное, и не слишком разглядывал – забрал из моей спальни и отвел в беседку. Желая со мной объясниться, Максимилиан обманул журналистов и отправил их по ложному пути – в свои покои. Стоит сказать, что, когда началась шумиха, они очень быстро пронюхали, куда следует спешить, и довольно скоро окружили беседку, стараясь прорваться сквозь оцепление охраны. Но на момент совершения преступления принц с Мираной были одни. Предательницу завели в беседку охранники, но Максимилиан не заметил обмана, и виной тому был полумрак, который был создан с целью настроить меня на романтический лад. Не было долгих речей, Мирана молчала, боясь, что незнакомый голос на полумрак списать не удастся, а когда Максимилиан подошел ближе, я так подозреваю, желая меня поцеловать, ударила его ножом в живот. После содеянного девушка собиралась осторожно вылезти в окно и вернуться в свою комнату, но до этого стояла над истекающим кровью принцем и ожидала, пока он испустит последний вздох – сюрприз в виде выжившего принца ее не устраивал. Думаю, не стоит и пояснять, что, когда через пару часов в беседку заглянули бы охранники и обнаружили труп его высочества, первой подозреваемой в убийстве стала бы я. Но Мирана не рассчитывала на то, что на меня мало того что внезапно снизойдет озарение, но и что поделиться им я решу с регентом и ее застигнут прямо на месте преступления.

Когда Мирану увели, а окровавленного Максимилиана унесли на носилках, я чувствовала себя бесконечно виноватой. Меня увели охранники, защищая от пристального внимания камер, но в спальню не отвели, а оставили в какой-то полупустой комнате. Я услышала, как в замке повернулся ключ, но оскорбляться не спешила – отлично понимала, что у Велаша ко мне возникнут вопросы.

Не знаю, сколько мне пришлось просидеть взаперти. Я сидела на стуле, спрятав лицо в ладонях, очень хотелось впасть в забытие, но как назло мысли метались как сумасшедшие. Я с трудом дождалась, пока дверь откроется и в комнату войдет хмурый Велаш, и бросилась к нему навстречу.

– Наконец-то! – обрадованно воскликнула я. – Как Максимилиан? Он жив?

– Его высочество, – поправил меня начальник охраны. – Он жив – врачи успели вовремя.

– Фух! – Я наконец-то выдохнула и смогла успокоиться. – Я очень волновалась.

– Не сомневаюсь. – Велаш поставил рядом со мной еще один стул и предложил мне присесть. – Нам предстоит разговор.

– Я понимаю, – серьезно кивнула я. Начальника охраны я не стеснялась и уж тем более не страшилась его разочаровать, и потому рассказ о моем задании был исчерпывающим.

Велаш выслушал меня и заметил:

– Мирана Блэтт утверждает, что сообщников у нее не было. В это мы, разумеется, поверить не можем, а теперь, после вашего рассказа, еще и имеем возможность примерно обозначить круг замешанных в заговор людей.

Я с горечью покачала головой:

– Нужно было сразу сообразить, что Роил и Ингирих меня не из-за веры в мои силы во дворец отправили.

Велаш хмыкнул:

– Как раз наоборот. Они были уверены, что вы станете лезть во все дыры, привлекать к себе внимание, намекать Максимилиану на подозрительных людей в его окружении и при этом докладывать обо всем майору – лишняя информация им была очень полезна. Они готовили вас как прикрытие, даже если бы Мирана не переоделась, изображая вас, вы все равно должны были стать подозреваемой номер один. Поэтому майор так злился, когда понял, что вы не так уж и добросовестно выполняете свое задание.

– Не понимаю, почему Мирана сама отправилась во дворец. Узнав о ее отце, вы сразу же обратили на девушку самое пристальное внимание.

– Сведения о том, кем является родной отец Блэтт, были тщательно скрыты. Все дело в том, что все ваольцы невысокого мнения о государственном устройстве, навязанном Ригаринами, вообще и о правоохранительной системе в частности. Мирана хотела совершить убийство собственными руками, так сказать, отомстить всей императорской семье. Да и тем более кто, кроме Мираны, мог

стопроцентно попасть на отбор? Вы же не будете спорить, что она очень красива? Два университета за плечами, да при ее данных свахи бы и при желании не упустили такой экземпляр из виду. А злодейские планы на лице девушки не написаны.

Велаш поднялся, намереваясь уйти:

– Вы можете вернуться в спальню, Рэйя. Его высочество еще не пришел в сознание, и мы не можем самостоятельно решить, как поступить с невестами.

Я пожала плечами:

– Я могу остаться и здесь.

Невысказанный вопрос застрял у меня в горле. Про Виктора я боялась спросить не потому, что такая уж гордая и считаю непозволительным девушке спрашивать о мужчине. Нет, я боялась услышать, что он не хочет меня видеть или даже не упоминал обо мне. Вариантов, способных меня расстроить, масса.

– Его величество велел вам передать, что скоро придет. Так что вы можете вернуться в спальню. В конце концов, находиться в помещении Центрального павильона вам пока что запрещено.

Начальник охраны едва заметно улыбнулся, но радость моя, наполнившая все существо, была настолько огромной, что я решила ему эту маленькую вольность простить.

– Вы меня проводите или разрешите мне еще немного нарушить правила?

– Вы имеете в виду самостоятельное передвижение по дворцу? Не думаю, что вам для этого нужно мое разрешение – раньше вы с успехом гуляли и без него.

Я скромно опустила глаза в пол – и правда, что это я.

– Но в спальню вас проводят. Доброй ночи.

Мне казалось, что после произошедшего уснуть я не смогу, но, как видно, моя нервная система решила, что с нее сегодня потрясений хватит, и выключила свет в моей голове сразу, как только я присела на кресло в своей спальне. Снились мне, как это обычно бывает, случайные сцены, вырванные из подсознания. Максимилиан, размахивая подносом, кричал, что я убила его своим безразличием, Велаш совал мне в руки какие-то документы. Ирек говорил, что из-за меня его уволили и как же он теперь будет содержать детей. Откуда-то появлялись пятеро мальчиков, о которых я точно знала, что они дети

моего сослуживца, и грозили мне кулачками. Проснувшись я внезапно, будто от сильного толчка, открыла глаза и вздрогнула – у дверей, прислонившись спиной к стене, стоял Виктор.

– Не хотел будить, прости, – каким-то глухим, даже безжизненным голосом сказал регент.

В комнате было темно, я наклонилась и дернула за шнур светильника на столике, включая свет.

– Который час? – охрипшим со сна голосом поинтересовалась я.

Виктор неопределенно дернул головой:

– Не знаю... Может быть, пять часов, половина шестого...

Значит, я спала около часа, но, по моим ощущениям, прошло больше суток – самочувствие было нормальным, мне хотелось сорваться с места и куда-то бежать, кого-то искать... Но я оставалась сидеть на месте, испуганно наблюдая за Виктором.

– Роил и Ингирих задержаны. – Регент сел на кровать и, устало оперевшись локтями в колени, уставился в пол. – Для них это стало полнейшей неожиданностью.

– Мирана подтвердила их участие в заговоре?

– Нет, но они об этом не знали. Во многом помогли твои показания и то, что в спальне Мираны обнаружили тщательно спрятанный телефон. Велаш намекнул сибовцам, что об их заговорщических планах все известно и их сдала сама Блэтт. Если майор и держался, стоял на своем, делая вид, что не понимает, о чем идет речь, то подполковник уже через десять минут разговора писал признание, размазывая слезы по лицу.

– Хорошо, – глупо ответила я, и мы помолчали.

Тишина давила, и мне казалось, что между нами образовывается пропасть, которую невозможно будет перешагнуть. Мне хотелось закричать, обнять Виктора и прижать его голову к своему животу, чтобы только не видеть его усталости, которую я отчего-то относил на свой счет.

– Как Максимилиан? – Я не узнавала своего голоса, мне казалось, что говорит кто-то другой изнутри меня. Тот, другой, что тянул меня последние пять лет – не давал сломаться, не позволял прогнуться под ударами и пинками судьбы. Этот другой опять проснулся и решил меня в очередной раз спасти. Спасибо ему за это.

– Врачи говорят: все будет хорошо. – Виктор поднял голову и улыбнулся. – Я не очень хорошо разбираюсь в терминах, но если бы мы не успели вовремя, то... Спасибо тебе.

В ответ я неуверенно улыбнулась одними губами:

– Если бы не моя непроходимая глупость, этого бы не случилось.

– Ты не виновата.

Вы знаете, как это – парить в небесах? Я теперь знаю! Сама я не перестала себя винить, но слова Виктора дали мне повод надеяться, что в наших отношениях еще не все потеряно. Та часть меня, что действовала в экстренных ситуациях, подмигнув, спряталась.

– Если бы ты не уступила Миране свидание, могло дойти до того, что она бросила бы бомбу. Или установила растяжку у двери спальни Максимилиана, – твердым голосом продолжил регент. – Выяснилось, что и такой вариант развития событий заговорщики предусмотрели. Виноват Велаш! Он докладывал, что все под контролем, и из-за его самонадеянности я чуть не потерял племянника.

Я поддалась очередному порыву и, встав с кресла, медленно подошла к Виктору.

– Мне очень жаль, – прошептала я и обняла мужчину за плечи.

Виктор осторожно усадил меня на колени и уткнулся носом в шею. Я чувствовала его горячее дыхание на своей коже и с трудом сдерживала желание захихикать – момент был не совсем подходящий, но щекотку терпеть сил не было. Хорошо, что Виктор скоро отстранился для того, чтобы легко поцеловать меня в губы.

– Мне срочно нужно чем-нибудь заняться. Ты не о том подумала, – расхохотался регент, заметив выражение моего лица. Я облегченно выдохнула, потому что впервые секс мне предлагали таким странным образом. К тому же ситуация и настроение наше не очень располагало к интиму. В общем, хорошо, что я ошиблась. – Меня прямо-таки обуревают жажда деятельности, и, пока Макс не очнулся, надо предпринять необходимые действия.

– Мне это знакомо, – вздохнула я. – У тебя много дел?

– Достаточно, но расставаться с тобой не хочется. – Регент опять уткнулся в мою шею носом, а я окончательно успокоилась, понимая, что происшествие с Максимилианом на наши отношения не повлияло.

– Мне тоже, и потому хочу тебе кое-что предложить.

Виктор внимательно выслушал мою задумку и, как я и думала, ответил согласием. На подготовку ушло совсем немного времени – пришлось вызвать охрану, навесить на себя записывающие устройства и вернуться за соком фижевого цветка... Насчет охранников мы немного поспорили, но Виктор нашел аргументы и убедил меня в необходимости их присутствия.

Преотвратное серое и грязное утро верно отражало мое душевное состояние. Выйдя на улицу, я увидела, что моросит мелкий противный дождик, и досадливо поморщилась, но тут Виктор уверенно обнял меня за талию, и утро сразу же показалось намного милее, тучи разошлись, а дождик перестал быть таким противным, а как-то даже потеплел, что ли.

Вначале мы отправились к четвертой жертве, которая говорила о присутствии в домике, где ее насиловали, второго участника похищения. Я попросила у Виктора планшет с доступом в Сеть и заранее открыла на экране сайт нашего отделения СИБ: на нем имелись фотографии всех сотрудников.

– Посмотрите, – протянула я планшет напуганной столь ранним визитом женщине. – Какой из сотрудников допрашивал вас после того, как вы сбежали от насильника?

Женщина надела очки и уверенно заявила, ткнув пальцем в одну из фотографий:

– Вот этот. Такой обходительный мужчина.

Мои подозрения подтвердились.

К отделу мы добрались к семи часам, и стоянка уже была заставлена автомобилями сотрудников. Собираясь с духом, я некоторое время посидела, издали рассматривая опоздавших коллег.

– Все хорошо? – спросил регент, ободряюще сжав мою ладонь. – Может быть, предоставим это кому-нибудь другому?

Я отрицательно покачала головой:

– Я даже объяснить не могу, почему у меня родились такие подозрения. В такой ситуации вопросы на листочке не напишешь.

– В таком случае желаю удачи. – Виктор поцеловал меня в лоб и пальцем провел по губам. – Учти, я все слышу и в любой момент приду на помощь.

Я демонстративно постучала по спрятанному под одеждой передатчику, объединенному с диктофоном, напоминая о его

существовании, и, пожав плечами, равнодушно сказала:

– Если он захочет меня убить, помешать ему вы не успеете.

– Меня это не устраивает, – разозлился Виктор, но я остановила его, прикрыв ему рот рукой.

– Если бы он желал моей смерти, мы бы с тобой даже не познакомились. У него было множество возможностей, чтобы убить меня.

– Надеюсь на это, – пробормотал регент.

Я видела, с каким напряжением он наблюдает за тем, как я выхожу из машины и иду в отделение, и понимала, что после сегодняшнего покушения на принца ему очень тяжело отпускать меня на такое сложное и, наверное, опасное дело, но ничего поделать не могла.

Я вновь, как совсем недавно, обошла здание и вошла с другого входа. Незамеченной проскользнуть не удалось, идя по коридору, я то и дело встречала знакомых сотрудников, которые не упускали возможности отвлечься от работы и поболтать со мной. Спрашивали о последних новостях из дворца, но я, ссылаясь на занятость, спешила дальше.

Марисса, как я и ожидала, рыдала, запершись у себя в кабинете. Я минут пять пинала ногами дверь, надеясь, что в конце концов сквозь собственные всхлипывания и завывания делопроизводитель расслышит громкие звуки и поймет, что у кого-то к ней срочное дело. Так и вышло. Наконец-то всхлипывания сменились приглушенными ругательствами, кто-то нарочито громко затопал по полу, и я отступила на шаг, являя выглянувшей из-за двери Мариссе самую лучшую свою улыбку.

– Я занята, – рявкнула женщина, но, завидев меня, удивленно икнула. – Рэя, это ты? Заходи, заходи давай!

Я даже шага сделать не успела, как Марисса втянула меня в кабинет и заперла дверь. Чувство было такое, словно опухшая от слез горилла в розовом платье огромной ручищей затянула меня в свое логово. Я отмахнулась от ассоциаций и весело поинтересовалась:

– По какому поводу слезы?

Марисса достала из кармана мятый платок и с шумом в него высморкалась.

– Не мешает? – спросила я, имея в виду пирсинг.

Марисса сразу меня поняла и качнула головой, аккуратно вытирая колечко в носу.

– Нет, я уже привыкла. Хорошо, что ты пришла! Как там Макс? Я вся извелась! Эта информация в Сети такая противоречивая: одно издание утверждает, что его убили, другое – что расчленили, некоторые заверяют народ, что наследник престола жив и даже поймал пулю руками и отправил ее обратно в нападающих. Что произошло?

– Ты же работаешь в правоохранительных органах, – напомнила я. – Должна же обладать хоть каким-то критическим мышлением, к тому же вся информация по преступлениям в первую очередь направляется в СИБ.

– Никакой официальной информации! – закричала Марисса, но слезами опять разразиться не спешила. – Ни один информатор не знает, что произошло, в верхах вообще что-то непонятное творится – вроде бы кого-то из начальников заподозрили в заговоре. Если это правда, то отсутствие информации многое объясняет, но мне-то от этого не легче.

– Прекрати паниковать! – гаркнула я. – Его высочество жив и скоро будет совершенно здоров!

Марисса облегченно упала на стул.

– Это точно? Ты его видела?

– Как тебя, – солгала я. – Небольшое ранение, но он был весел и вообще вел себя с достоинством. Пули, конечно, не ловил, но отпор предателям дал.

– Я так рада, – на лице Мариссы появилась слабая улыбка. – Эй, а ты не успокаиваешь меня? Зачем вообще пришла?

Я присела напротив и заговорщически подмигнула:

– Вот об этом я и хотела с тобой поговорить. Ты капитану доложила о том, что мы с тобой нарыли при осмотре архива?

Женщина смутилась. Не то чтобы сильно – это было не в ее характере, но глаза, безусловно, отвела:

– Сказала.

– Ай-ай, я же просила, – беззлобно сказала я. – А про меня упоминала?

– Упоминала, – вздохнула Марисса. – Я сначала говорила, что это моя идея. – Понятно, на премию надеялась. – Но Оррах сказал, что я

бы в жизнь до такого своим умом не дошла, так что пришлось признаваться.

Я задумчиво постучала по столу пальцами. Марисса наклонилась вперед так сильно, что объемной грудью уперлась в столешницу и прошептала:

– А почему ты спрашиваешь? Оррах вызвал? Точно, премию дать собирается.

– Без зависти, пожалуйста. – Я уловила знакомые нотки в голосе делопроизводительницы и поспешила ее успокоить: – Никто меня не вызывал – я специально к тебе ехала... – На секунду я задумалась, а затем бойко протараторила: – Сказать хотела, что получение автографа принца пока что откладывается. Сама понимаешь – ранение, правая рука у него задета, придется подождать.

– Прямо-таки из-за автографа ехала? – недоверчиво прищурилась Марисса.

– Конечно, не только из-за него, – обиделась я. – Еще и из-за фотографии. Знаю, как ты переживаешь из-за Максимилиана, и решила успокоить. Неизвестность – хуже горя.

– Спасибо, если так, – задумалась Марисса. – Но можно было и просто позвонить.

– Телефон не дают. – Я встала со стула. Продолжать разговор далее было бесполезно, все, что нужно, я уже выяснила. – Сама понимаешь, такое ЧП во дворце.

– Да, конечно, конечно, – засуетилась Марисса. От былой вражды не осталось и следа. – Может, чаю выпьем?

– Нет-нет. – Я притворно вздохнула. – Спешить надо, а я еще к Орраhu заглянуть хотела.

Перед посещением кабинета начальника я завернула в туалет. Он был пуст, и, закрыв за собой дверь, я надела толстые перчатки и пропитала их соком фижевого цветка. Оставалось надеяться, что капитан в своем кабинете и мне не придется искать его по всему отделу, рискуя дожидаться, что перчатки высохнут.

– Войдите, – рявкнул Оррах, когда я осторожно постучалась в его дверь. Табличку до сих пор не повесили, и я с сожалением подумала о том, что, если мои подозрения верны, ее и не повесят.

– Добрый день. – Я боком проскользнула в кабинет и предстала перед очами своего начальника. За эти недели он как будто постарел –

жабры воспалились, покраснели, губы потрескались, а глаза потускнели. Морщины тоже вроде бы стали глубже, но, честно сказать, я впервые так пристально рассматривала Орраха.

– Здравствуй, Рэйя. – Капитан действительно обрадовался моему приходу, встал из-за стола и подошел ко мне. – Какими судьбами? Неужели выгнали с отбора? Они ошиблись – наша красавица должна стать императрицей.

Подчиняясь не только рассудку, но и внезапному порыву, я встала на цыпочки и крепко обняла своего начальника. Он немного растерялся, но коротко обнял меня в ответ и добродушно пробубнил:

– Ну чего уж там, расстроилась, нервы истрепали? Эта клоака похуже нашего отделения – бандиты и разбойники не такие противные, как эти невесты. Знаем, смотрели по телевизору.

Я скользнула рукой в перчатке по оголенной шее Орраха и с чувством выполненного долга отстранилась. Капитан поежился:

– Ты чего мокрая такая?

– Дождь, – пожала я плечами.

Оррах понятиво кивнул и вернулся за стол. Я села напротив, сняла перчатки, не заботясь о том, что сок может попасть и на мою кожу, и, как примерная ученица, сложила руки на коленях.

– Рассказывай, – нахмурился капитан. – С ночи вся страна гудит, СИБ приказали дополнительные патрули на Ваоль отправить, а объяснять ничего не объясняют. Ты из дворца, может, там больше знают?

Я вздрогнула: в меньшем количестве, чем на Орраха, но сок все же попал и на мою кожу, и во мне рождалось стойкое желание ответить на вопрос капитана, и исключительно правдиво. В груди жгло, в голове стоял неприятный зуд, туман путал мысли, и я знала, что, если попытаться пересилить действие вещества и солгать, все тело пронзит жуткая боль.

– На его высочество совершено покушение. – Я покачала головой, останавливая капитана, который хотел задать следующий вопрос, и продолжила: – Вы были правы насчет Роила и Ингириха – они пытались втянуть меня в ужасную историю.

– Твари! – Оррах зло ударил по столешнице так, что стол содрогнулся. Я пока вопросов не задавала, и действие сока он на себе

не испытывал. — Я так и знал, что эти змеи ничего хорошего выдумать не могут.

— А почему тогда посоветовали им именно мою кандидатуру? — зло усмехнулась я. — Для участия в отборе. Ведь случайно на мое личное дело они натолкнуться не могли, как не могли и знать, чем шантажировать.

— Что? — не понял сначала капитан и вдруг, вздрогнув, сказал, выдавливая из себя каждое слово: — Хопсвуд хотел убить тебя, отомстить, а я не мог допустить, чтобы тебе причинили вред.

— Майор тоже не наградить меня хотел, — заметила я. — Я правильно понимаю, что, встретившись с Ингирихом, вы, как бывшие однокурсники, разговорились и речь зашла об отборе, который должны были скоро объявить, и подполковник обмолвился, что им нужна девушка?

— Правильно. — Оррах сжал зубы, а на висках его выступил пот. — Он говорил, что личная охрана совсем распоясалась, ни одного сотрудника во дворец не пускают, так что им необходим шпион. Я понимал, что они замышляют что-то незаконное, но думал, что речь идет о небольшом шпионаже внутри страны. И честно сказать, меня это мало волновало, зная тебя, я был уверен, что закон ты не преступишь, а на время от рук Хопсвуда спрячешься. Во дворец ему не добратся.

— Значит, о том, что Роил и Ингирих готовят убийство наследника, вы не знали?

— Что?! — На миг Оррах даже прекратил бороться с действием вещества и, следовательно, попал под его действие окончательно. — Нет! Разумеется, об этом мне было неизвестно.

— Я так и думала. Расскажите, пожалуйста, о вашей связи с Хопсвудом с самого начала.

Оррах тяжело вздохнул, а глаза его помутнели:

— Я познакомился с ним в молодости, еще сержантом. Он тогда только попал в нашу империю и в основном промышлял на Вассе, где я и служил. Я расследовал ограбление небольшого отделения местного банка и обнаружил Хопсвуда в его логове с миллионом ригаев. Мог скрутить его голыми руками — силы, сама понимаешь, во мне тогда было еще больше, чем сейчас, но он предложил мне хорошую сделку — полмиллиона! Только мне, понимаешь? Мне, младшему сержанту, у

которого был только один комплект одежды, и тот выдало государство. Долги, долги – на этой Вассе сибовцу плодить можно было только их. И я согласился. Он сбежал со своей половиной миллиона, а я тихо-мирно удалился со своей. Еще один «висяк» отделению репутации не испортил, а я смог раздать долги и за взятку перевелся на Фрибрин. Прошло много лет, я женился, родились дети, продвинулся по службе, и вот полтора года назад он опять возник в моей жизни и предложил поговорить. Я был уверен, что он начнет меня шантажировать, но Хопсвуд предложил мне долю в неплохом деле.

Оррах замолчал, тщетно стараясь вырваться из тумана, который заполнил его сознание, и я подсказала ему:

– Вы похищали девушек?

– Да, – сквозь зубы процедил капитан. Как видно, признаваться в этом недавнем преступлении для его психики было гораздо тяжелее, чем говорить о давнем грехе.

– И что вы с ними делали?

Меня действительно этот вопрос очень интересовал – объективную причину для того, чтобы похищать и, возможно, убивать девушек, я придумать так и не смогла.

Оррах долго молчал, дергая руками и напрягая шею, как видно, вещество даже на стадии раздумья блокировало все попытки соврать.

– Продавали в другие галактики.

– Что?! – не поверила я.

– Продавали в другие галактики, – послушно повторил капитан. – Чистокровные ригарийские девушки очень ценятся на рынке живого товара.

Я вскочила с места и с трудом сдержала желание ударить своего начальника. В основном удержало меня осознание того, что он сквозь свою толстую кожу этого даже не почувствует.

– Как вы могли?! Вы же капитан Службы имперской безопасности!

Оррах удивленно на меня взглянул:

– И что? Платили хорошие деньги, да и мое дело было маленьким – прикрывать задницу Хопсвуда. Все шло хорошо, пока аппетиты заказчиков были умеренные, но они постоянно росли, как росла и наглость Хопсвуда. Вместо того чтобы всех похищенных девушек переправлять на другие планеты, некоторых из них он начал

насиловать. Он настоящий садист! Многие жертвы после его развлечений не выживали, а в результате его самонадеянности пятеро даже сбежали. Но об этом ты знаешь.

– Многие не выживали? То есть мы еще и не все трупы нашли?

– Еще четыре.

– Вы знали и об облавах, и о подсадных утках и предупреждали пунита?

– Конечно. – Мне показалось, что в глазах Орраха мелькнула гордость. Он так увлекся, будто правду говорит уже не столько из-за сока, сколько из-за желания похвастаться. Мне стало настолько противно, что я чуть не заплакала. – Но вы с Иреком решили заняться самодеятельностью и испортили тщательно продуманную схему.

– Мы с Иреком во многом портили вам жизнь, – заметила я. – Не зря вы спешно отправили нас на курсы, когда удалось сбежать одной из жертв, которая знала о вашем существовании. Вы не могли допустить, чтобы нам стало известно о существовании у Хопсвуда сообщника. Именно по этой причине вы и скрыли в протоколе сей факт, а затем еще и выкрали документ.

– Да, – отчетливо скрипнул зубами Оррах. – Пришлось – ты слишком далеко зашла в стремлении довести расследование до конца.

– Ну вы и до этого не гнушались воровством, – напомнила я. – И речь сейчас идет не о деньгах, которые вы поделили с Хопсвудом, а о справках, которые украли из дела. Нужно было затянуть передачу его в суд?

– Точно. Хопсвуд слишком много знал, и позволить ему заговорить в суде я не мог. Он поставил условие – либо я помогаю ему сбежать, либо он дает против меня показания. И это несмотря на то что срок его в таком случае взлетел бы до небес. Он бы сдержал слово, я знаю.

– И поэтому вы обратились в Общество пунитов?

– Да, их председатель, этот Путч, мне должен – я прикрывал его делишки. Не такие, конечно, как у Хопсвуда: в основном махинации с бюджетом Общества.

– В результате этих делишек Кирро смог выделить для защиты Хопсвуда полтора миллиона, так что не стоит называть его махинации уменьшительно-ласкательным словом.

– Возможно, – развел руками Оррах. – Но он расплатился за мои услуги, а они стоят дорого. У меня к тебе тоже есть вопрос: почему ты не заподозрила Ирека? Уже после твоего визита к Путчу я научил председателя, чье имя стоит называть, если возникнут вопросы. Жаль, что ты больше не появилась. К тому же Ирек тоже мог взять документы из сейфа, а потом заявить, что их украли.

– Уверена, вы надеялись, что я так и решу. Но Ирек со мной вместе задерживал Хопсвуда, вместе со мной был на курсах... Слишком много «вместе со мной», чтобы я всерьез могла его заподозрить. Кстати, в деле кто-то копался и тогда, когда я была в вашем кабинете. Как вы смогли это проверить?

– Стажер, – равнодушно проронил Оррах. – Я сказал, что если он принесет мне справки, на работу возьму без разговоров.

– Как вы объяснили свою просьбу?

– Да никак. Но он и не интересовался. Глупец – трясся над этой папкой, выжидал удобного момента и дождался, что за соседний стол сел Ирек.

– Вы уволили его?

– Конечно.

– Не боитесь, что он донесет кому-нибудь о вашей просьбе?

– Пусть доносит. Такая мелочь на фоне остальных моих прегрешений внимания не заслуживает.

– Еще один момент. Зачем Хопсвуд влез в архив?

– Глупость этого существа просто била все мыслимые и немыслимые рекорды, – вздохнул капитан, да так горько, что в другой ситуации я бы его пожалела. – Он загорелся идеей отомстить тебе и на уговоры не поддавался. Более того, Хопсвуд отказывался бежать! Об отборе он не знал – телевизор, как ни странно, пунит не жаловал и забрался в архив, надеясь, что из твоего личного дела сможет почерпнуть информацию о том, где ты прячешься. Я застал его, когда он выписывал из папки адрес твоих родителей, и от злости основательно избил.

Я кивнула:

– А потом вернули личное дело в архив, зная о том, как Марисса недобросовестно относится к своим обязанностям. Сторожа зачем подставили?

– Он стал очень удобной кандидатурой. Я паниковал, не знал, как объяснить разгром архива, но Марисса сама подсказала выход – начала искать свою спрятанную бутылку и вспомнила, что наш сторож пьет. На самом деле я и не помнил, что отделение кто-то дополнительно охраняет. Давно следовало убрать эту должностную единицу, так что этому старикашке еще повезло.

– Ну да, вы убедили его в том, что он влез в архив по пьяни, и, как добрый начальник, в конце концов простили.

– Допустить, чтобы началось еще одно расследование, я не мог. Любому сотруднику, ну кроме Мариссы, с первого взгляда стало бы понятно, что влезли в помещение через окно, а не вошли через дверь. Благо, что все удовлетворились нашими объяснениями.

– Еще один вопрос: судя по вашим словам и глаголам в прошедшем времени, Хопсвуд мертв?

– Мертв, – просто подтвердил Оррах. Открыл рот, намереваясь что-то добавить, но тут же закрыл, наверное, действие сока начало проходить.

Но я и не желала слушать подробности смерти этой твари, тот сотрудник, который будет расследовать это дело, выяснит все подробности.

– Ты не одна, правильно? – вздохнул капитан.

Я встала со стула и посмотрела на него сверху вниз.

– Глупо полагать, что ваше признание нужно было лично мне. Вы совершили множество преступлений, – я закрыла глаза, пытаюсь остановить слезы. – Я восхищалась вами, старалась походить на вас. Не понимаю... У вас же две дочки! Вам не приходило в голову, что когда-нибудь они могут стать жертвой... такого же, как вы?!

– Они не ригарийки, – беспомощно прошептал Оррах и опустил глаза.

– Те девушки, которых вы все-таки переправили, что с ними?

Капитан ответил, не поднимая головы, словно провинившийся школьник:

– Я не интересовался их дальнейшей судьбой. Сексуальное рабство, органы...

– Вы животное! – закричала я, пятясь. Мне казалось, что тело этого мерзавца раздувается, занимая весь кабинет. Моя нервная система не выдерживала такого напряжения – сначала Максимилиан,

теперь самое большое разочарование в моей жизни. – Несколько десятков ригариек!!!

– Достаточно, – раздался от двери голос Виктора.

Я бросилась к нему и крепко обняла, пряча лицо на крепкой мужской груди. Оррах встал со стула, но не для того, чтобы напасть, а желая поприветствовать его величество. Удивительно, как в одном человеке могли сочетаться одновременно такая ужасная жестокость и поразительное почитание власти. Хотя, наверное, для преступников норма подчиняться тем, кто сильнее, – свою агрессию им интереснее вымещать на слабых.

Как выяснилось, охрана с регентом во главе уже давным-давно заняла коридор и ожидала удобного момента, чтобы задержать капитана. Сибовцам было очень любопытно, чем же таким мог заинтересовать его величество Оррах, и потому из отдела никто не уходил – все выглядывали из-за своих столов, изображая усиленную работу, а бедный дежурный чуть не плакал, пытаясь хоть кого-то уговорить выехать на труп. Как резонно заявляли ему сотрудники, безвременно почившему уже все равно, а из любопытства никому умирать не хочется. Причем никто даже мысли не допустил, что капитана подозревают в совершении преступления, и даже не одного, а вот в предположении, что регент явился в отделение, дабы наградить Орраха, сошлись все.

Капитан не сопротивлялся, позволил надеть на себя наручники и спокойно вышел из кабинета. Все сотрудники с недоумением смотрели на это действие и пораженно шептались – коридор из сибовцев выстроился до самого выхода. Первой не вытерпела Гайдина.

– Что происходит, что происходит? За что вы его? – верещала она, забегая вперед процессии и преданно заглядывая в глаза начальнику. Ей никто не отвечал, и она, проводив Орраха до двери, замерла, прижимая к губам пальцы.

Я стояла, чувствуя на своих плечах сильные руки Виктора, и изо всех сил пыталась не плакать. Терять кумира всегда тяжело, а если кумир еще и оказался особо опасным преступником, груз его вины словно ложится и на тебя, наказывая за недобросовестный выбор твоей никому не нужной любви. Регент молчал. Он понимал, что слова в такой ситуации лишние, к тому же в такой момент на слезы меня

могло спровоцировать что угодно. Очень жаль, что таким мудрым и понимающим не был мой напарник.

Ирек боком подобрался к нам и, предусмотрительно делая вид, что не узнает регента, сказал:

– Рэйя, э-э-э... можно тебя на секундочку?

– Конечно. – Я глубоко вздохнула и обернулась к Виктору. Регент убрал с моего лица волосы и осторожно поцеловал в нос. Краем глаза я заметила, что глаза у моего напарника округлились, а рот приобрел форму буквы «О».

– Ты уверена, что хочешь с ним разговаривать? – Виктора ничуть не смутило, что Ирек нас слышит.

Я себя подобным образом вести не могла, а потому кивнула и с сожалением отошла от регента. Напарник тут же схватил меня за руку и оттащил в сторону.

– Это что, регент, что ли? – прошипел Ирек.

Я обернулась, внимательно посмотрела на Виктора и признала:

– Да вроде бы.

– Не паясничай, – дернул меня за ладонь напарник. – Как ты?.. Впрочем, об этом поговорим потом... Куда увели Оorraха?

– Я думаю, на допрос. В руководстве СИБ еще остались люди, не замешанные в заговоре, так что...

– На допрос? – не поверил Ирек, а я с трудом освободила свою ладонь, потому что возбужденный напарник немилосердно ее тряс.

– Да прекрати ты! Да, на допрос. Наш начальник, как оказалось, сообщник Хопсвуда! Пока мы похищенных девушек разыскивали, он с большим успехом переправлял их в соседние галактики.

– Сообщник?! – Оказывается, совершенствованию трансформации губ в форму буквы «О» не было предела. – Но как?.. Откуда ты?.. Ну, Рэйя.

Я поискала глазами стул, обнаружила его неподалеку и подтянула к напарнику. Он с благодарностью плюхнулся на сиденье. Сослуживцы, заметившие его необычный вид и резонно предположившие, что разговор между нами идет об Оorraхе, направились к нам. Я не находила в себе сил держать ответ перед всем отделением и потому передислоцировалась поближе к регенту.

– Я думаю, вам все скоро объяснят, – пообещала я жаждущим информации коллегам, и мы поспешили удалиться.

Во дворце обстановка чем-то напоминала сибовскую – невесты ничего не знали о Максимилиане и безобразно паниковали. Больше всех выделялась Ильфеина: девушка заламывала тонкие руки и рыдала в голос так сильно, что уже начала икать. Реци и Кесалия крутились возле нее, поднося то стакан воды, то платок, но девушка никак не могла успокоиться. Поведение ее больше напоминало истерику, и я, появившись в галерее, застала как раз тот момент, когда бледная из-за переживаний Нирара подошла и отвесила ей увесистую пощечину.

Ильфеина всхлипнула последний раз и ошарашенно уставилась на «поганку». Нирара удовлетворенно кивнула и повернулась к Кароль, которая тихонько плакала в углу коридора:

– Тоже хочешь?!

Кароль отрицательно замотала головой на манер маятника.

– Успокоились все, – рявкнула «поганка», сильно напоминая полководца на поле боя. – Принц жив, скоро будет здоров и выберет наконец одну из нас! Вы ведете себя как бабки-плакальщицы, хотя мне казалось, что эта профессия исчезла лет этак двести назад.

– Ты чего такая уверенная? – уточнила Велания. Я с удивлением заметила на ее лице следы слез, хотя по сравнению с главными истеричками отбора выглядела она вполне достойно. – Он вполне может решить, что мы такие же предательницы, как и эта Блэтт.

Непонятно, как Олькутт могла сделать такое предположение, но эта фраза дала мне понять, что для девушек личность нападавшего не является секретом.

– Явилась, – презрительно процедила Кризан, обращаясь ко мне. – Рады видеть вас, госпожа. Где шлялись?

– А я, девочки, принца спасла и отдыхала от трудов праведных, – отбрила я. – И хорошую новость принести вам хотела – уйти с отбора собираюсь.

– Собираться – это еще не уйти, – резонно заметила Велания. – Между этими действиями и целая жизнь пройти может.

– Да ты сегодня просто кладезь ценной информации, – восхитилась я. – Может, тебе для того, чтобы умные мысли выдавать, поплакать надо? Так ты обращайся, я всегда готова в нос тебе дать для полноты эффекта.

– Подождите, – вмешалась Реци. – Ты что, действительно уходишь?

– Да. – Я широко и искренне улыбнулась. – Сразу, как только поговорю с принцем.

К принцу меня пустили только наутро, я успела выспаться, привести себя в приличный вид и продумала свою речь. Виктор предупредил, что Максимилиану уже обо всем известно – регент не был сторонником подготовки близких к неприятным событиям и, как только принц пришел в себя, вывалил на него всю информацию. Вроде бы тот отнесся к ней спокойно: восторга, конечно, не проявил, но и проклинать своего дядю не спешил.

Меня проводили к больничному корпусу, который размещался здесь же, при дворце, и на входе обыскали. Я подчинилась, но жутко чесался язык напомнить охраннику, что шевелиться стоило раньше. Но, пока я размышляла над язвительными репликами, удобный момент был упущен, и меня отправили в больничные покои принца. Разумеется, ничего общего с обычными палатами они не имели – для каждого пациента предназначалось по две комнаты, напигованные всевозможной аппаратурой. Две медсестры стояли навтыжку возле кровати, в которой лежал, прикрыв глаза, Максимилиан, и чем ближе я к нему подходила, тем медленнее становились мои шаги. Опять стало стыдно, и не только за покушение, совершению которого Рэйя Адальстан поспособствовала, но и из-за того, что принца я обманывала.

Пока я размышляла над своим грехопадением, Максимилиан открыл глаза и посмотрел на меня. Выглядел он неплохо, хотя и был достаточно бледен.

– Привет, – прошептала я.

– Привет. – Принц растянул губы в улыбке и махнул медсестрам: – Можете выйти.

Девушки без лишних слов покинули комнату. Максимилиан проводил их взглядом и, вздохнув, с нескрываемым раздражением сказал, глядя на шкаф:

– Я сказал: можете выйти!

Не успела я посомневаться в психическом здоровье принца – как знать, может, он при падении головой ударился, как из шкафа раздался грубый гундосящий голос:

– Но, ваше высочество, Велаш велел ни на секунду...

— Повторяю: вон! — в голосе Максимилиана появились металлические нотки, которые постоянно слышались в распоряжениях регента. В шкафу, вероятно, впечатлились, дверь открылась и явила нам двухметрового детину с лицом не хранителя дорогого империи тела, а его расчленителя.

— Если вы хоть мыслями... — погрозил мне охранник пальцем и, не доведя свою мысль до логического конца, вышел из комнаты.

— Это что было? — ахнула я. Поразила меня не угроза, а возможность пребывания в небольшом по размерам шкафу такого огромного человека.

— Не обращай внимания, — нахмурился принц. — Велаш твердо вознамерился сохранить мою тушку в целости и сохранности. Лучше бы раньше об этом думал. Взойду на престол — уволю его к чертям собачьим.

— Как ты себя чувствуешь? — проблеяла я. Слова, которые я так тщательно придумывала, показались вдруг глупыми и пустыми, и потому пришлось судорожно домысливать, что же еще сказать.

— Неплохо, — Максимилиан привстал на подушках. — Ранение пустяковое, больше было спецэффектов.

Принц лукавил. О действительном положении вещей я знала от Виктора, а уж ему-то информацию доносили, не изменяя в угоду чьему-то самолюбию, и о пустяках речь точно не шла. Но спорить я не стала, кивнула, и в комнате установилась гнетущая тишина.

— Послушай, — наконец собралась я с духом и опять занервничала. — Я... я не знаю, что сказать, прости. Я так виновата перед тобой, но, правда, мне не хотелось, чтобы так получилось...

— Тсс, Рэя, — принц поднес палец к губам. — Это не первый в моей жизни отказ от девушки, и я его переживу, уверяю тебя. Ты пришла на отбор, не зная меня и не будучи знакомой с Виктором. Никто не полагал, что так выйдет, но хорошо, что мы все разобрались в ситуации. Гораздо хуже было бы, если бы ты вышла за меня замуж, а потом поняла, что никакой любви между нами-то и нет. В конце концов, ты не раз подчеркивала дружеское отношение ко мне, так что какие к тебе могут быть претензии? А невест у меня еще много, выберу подходящую. — Принц залихватски мне подмигнул. — Не паникуй, все хорошо, я все тот же Максимилиан, с которым ты проводила расследование. Как оно, кстати? Продвинулось?

– Еще как. – Я облегченно выдохнула и присела на стул, предназначенный для посетителей. – Сообщником оказался мой непосредственный начальник.

– Да ладно, – восхитился Максимилиан. – Прямо как в детективе, рассказывай все с самого начала.

Уже покидая принца, которому пора было проводить процедуры (о чем мне намекнула сексапильная медсестра в ультракоротком халатике), я вдруг кое-что вспомнила и остановилась на пороге.

– Ваше высочество, у меня к вам просьба.

Максимилиан удивленно приподнял брови:

– Просьба? Конечно, излагай.

– Мне нужна твоя фотография с автографом для Мариссы. Это наш делопроизводитель, я упоминала...

– Конечно. – Принц потер переносицу. – Прикажу принести подходящую, позднее сама зайдешь или через дядю передать?

– Как получится, – честно ответила я и наконец покинула комнату.

У медицинского корпуса меня ожидал Виктор.

– Так и знала, что ты здесь. – Я со смехом повисла на его шее.

– Знала и не спешила, – пожурил меня регент. – Долго ты, что-то случилось?

Я провела пальцем по морщинке между его бровями и поняла, как он волновался, ожидая меня.

– Что-то, безусловно, случилось, – подтвердила я. – Например, я теперь не невеста его высочества – Макс меня от этого статуса великодушно освободил.

– В этом я и не сомневался, – хмыкнул Виктор. – А между вами? Вы... нормально поговорили?

– Великолепно, – заверила я. – Конечно, во многом благодаря тебе, самой мне было бы очень сложно подобрать слова, способные объяснить, как так могло случиться, что невеста принца связалась с его дядей.

– Связалась, – недовольно пробормотал Виктор и приник к моим губам, пытаясь утихомирить то волнение, которое снесало его на протяжении всего времени, что я была у Макса.

Я закрыла глаза и с жаром ответила на поцелуй, сожалея, что спальня находится от нас довольно далеко. По-видимому, Виктора

обуревали те же мысли, потому что, оторвавшись от меня, дышал он достаточно тяжело.

– Прежде чем ты предложишь мне что-то непристойное, – предупредила я, – от чего я по сценарию должна буду отказаться, мне хотелось бы озвучить просьбу.

– Какую? – нахмурился регент.

– Ма-а-аленькую. – Я даже пальцами показала, насколько она мала.

Виктор недовольно завозился, но головой великодушно кивнул:

– Рассказывай.

– Есть у меня сосед, – начала я. Вывернулась, взяла регента под руку и повела его в сторону дворца. – Прилетел с планеты ЛошТан-Ага, замечательное существо, я вас еще познакомлю. Так вот, проблемы у него с миграционной службой – жить они ему спокойно не дают. Я понимаю, что таков закон, но нельзя ли для него сделать небольшое исключение и разрешить не устраиваться на работу? Зарабатывает он на своих ставках в интернете да фрилансом подрабатывает – так доход его задекларирован, налоги он исправно платит. Дай отмашку миграционке, пожа-а-алуйста.

– И всего-то? – хмыкнул Виктор. – Прямо сегодня решу эту проблему. Ты мне только вот что скажи: кто такие сценарии пишет, где ты должна мне отказать, и как бы мне с этим деятелем встретиться и серьезно поговорить?

Я счастливо засмеялась и запрокинула голову, подставляя лицо скупым лучам солнца. Весна отныне назначалась моим любимым временем года – все оттого, что этой весной, насыщенной жестокими событиями, я встретила Виктора.

## Примечания

**1**

Служба имперской безопасности.